

МОЛДАВИЯ: СОЮЗ НАУКИ И ПРОИЗВОДСТВА
СИБИРСКИЙ ЛИЦЕЙ
ВЕРНУТЬСЯ В ЖИЗНЬ
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 48 НОЯБРЬ 1985

Беседа с Президентом США.

Советско-американские переговоры.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 48 (3045)

23—30 НОЯБРЯ

Встреча М. С. Горбачева с Р. Рейганом

19 ноября в Женеве началась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Президентом США Р. Рейганом.

Вначале состоялась беседа между Генеральным секретарем ЦК КПСС и Президентом США наедине. Затем в беседе приняли участие:

— с советской стороны: Э. А. Шеварднадзе, Г. М. Корниенко, А. Ф. Добрынин, А. Н. Яковлев, Л. М. Замятин, А. М. Александров;

— с американской стороны: Дж. Шульц, Д. Риган, Р. Макфарлейн, А. Хартман, Р. Риджуэй.

Во второй половине дня была продолжена беседа М. С. Горбачева с Р. Рейганом. Заключительная часть беседы проходила один на один.

Вечером Генеральный секретарь ЦК КПСС дал обед в честь Президента США, на котором были Р. Рейган с супругой и участники переговоров с обеих сторон. Состоялся обмен краткими тостами.

Прием М. С. Горбачевым сторонников мира США

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев принял 19 ноября делегацию руководителей крупнейших антивоенных движений и организаций США по их просьбе.

Видные общественные деятели США — бывший кандидат в президенты Джесси Джексон, исполнительный директор национальной кампании за замораживание ядерных вооружений Джейн Грюнебаум, исполнительный директор национального комитета борьбы за разумную ядерную политику Дэвид Кортрайт, руководитель центра разоружения Риверсайдской церкви Кора Вайс, руководительница движения «Женщины за плодотворную встречу на высшем уровне» Джастин Мерритт и другие пожелали успеха женевской встрече на высшем уровне, передали М. С. Горбачеву петицию мира. Ее подписали полтора миллиона американцев, выступающих за замораживание ядерных арсеналов, за то, чтобы США, по примеру Советского Союза, прекратили все ядерные испытания.

В состоявшейся беседе М. С. Горбачев отметил, что пожелания американских сторонников мира совпадают с чаяниями и помыслами советских людей. Он подчеркнул, что советская делегация прибыла в Женеву с наказом сделать все возможное, чтобы добиться прекращения гонки ядерных вооружений, обеспечить перелом к лучшему в советско-американских отношениях и в международной обстановке.

Телефото ТАСС.

Во время проводов на аэродроме. Фото В. Кругликова

Встреча в аэропорту. Телефото ТАСС

Отъезд М. С. Горбачева в Женеву

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев 18 ноября отбыл из Москвы в Женеву для встречи с Президентом США Р. Рейганом.

В состав официальных лиц, выехавших с М. С. Горбачевым для участия в советско-американской встрече на высшем уровне, входили член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, первый заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко, посол СССР в США А. Ф. Добрынин, заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлев, заведующий Отделом международной информации ЦК КПСС Л. М. Замятин, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров.

В аэропорту М. С. Горбачева провожали члены Политбюро ЦК КПСС Г. А. Алиев, В. И. Воротников, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Е. К. Лигачев, Н. И. Рыжков, М. С. Соломенцев, В. М. Чебриков, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, С. Л. Соколов, Н. В. Талызин, секретари ЦК КПСС Б. Н. Ельцин, Л. Н. Зайков, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, В. П. Никонов, К. В. Русаков, другие товарищи.

Среди провожавших были временные поверенные в делах: США в СССР — Р. Комс; Швейцарии в СССР — М. фон Грюниген.

Прибытие М. С. Горбачева в Женеву

18 ноября М. С. Горбачев прибыл в Женеву.

Аэропорт Куантрэн. У трапа самолета М. С. Горбачева встречал Президент Швейцарской Конфедерации К. Фурглер. Во встрече принял участие начальник департамента иностранных дел Швейцарии П. Обер.

М. С. Горбачев и К. Фурглер обменялись речами.

* * *

В соответствии со швейцарским протоколом во второй половине дня состоялась официальная торжественная церемония встречи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева.

У здания резиденции швейцарского правительства были подняты флаги Советского Союза и Швейцарской Конфедерации. Выстроено воинское подразделение, командир которого отдал М. С. Горбачеву рапорт. Военный оркестр исполнил государственные гимны обеих стран. М. С. Горбачев и К. Фурглер обошли строй воинов швейцарской армии. Советский руководитель расписался в книге почетных гостей.

На церемонии встречи были Э. А. Шеварднадзе, П. Обер, другие советские и швейцарские официальные лица.

Дружественная беседа

18 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев нанес визит Президенту Швейцарской Конфедерации К. Фурглеру.

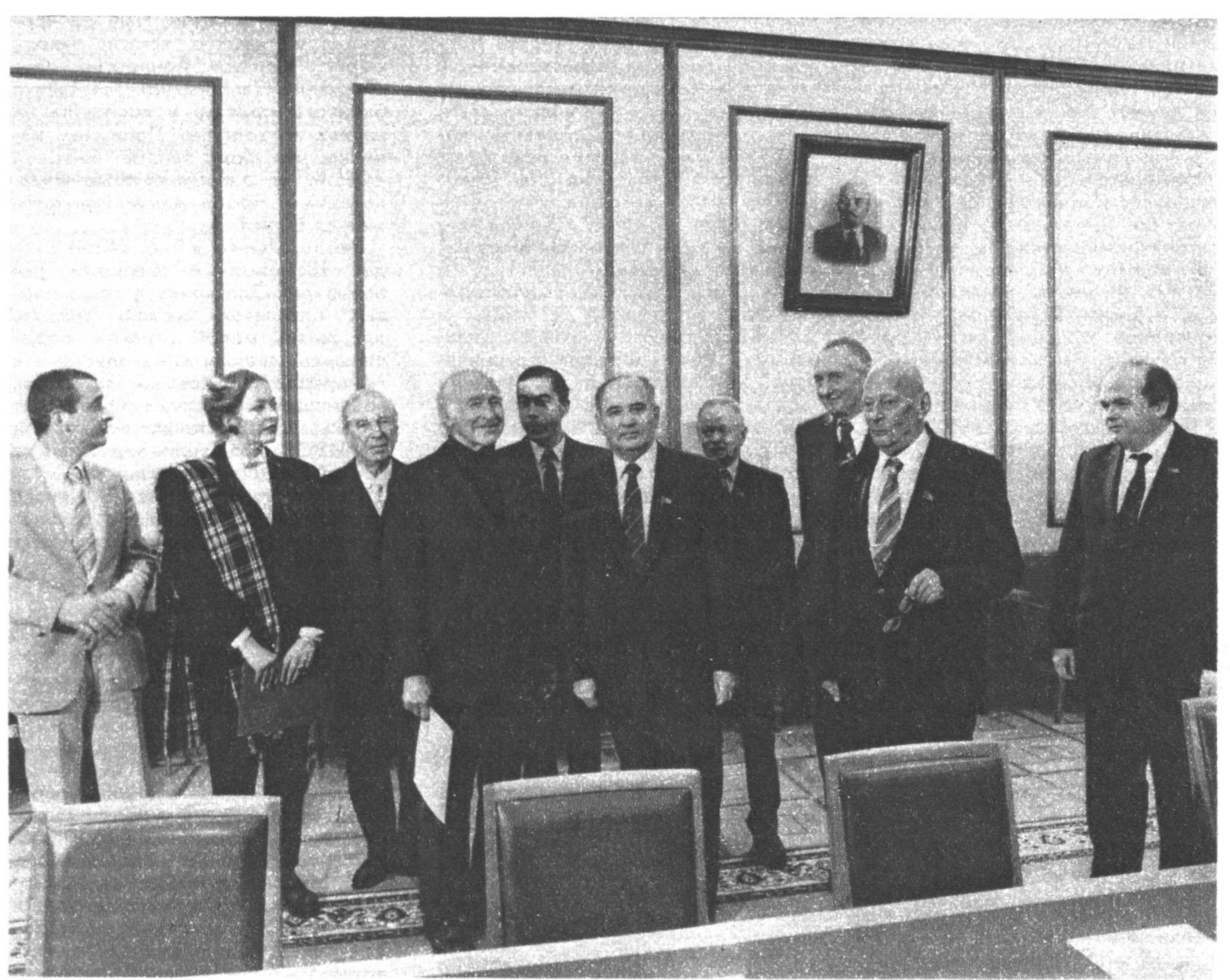
В ходе беседы, прошедшей в конструктивной, дружественной атмосфере, состоялся обмен мнениями по актуальным международным проблемам, а также по наиболее важным аспектам советско-швейцарских отношений.

В беседе приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе и начальник департамента иностранных дел Швейцарии П. Обер.

Во время беседы. Телефото ТАСС

ВСТРЕЧА М. С. ГОРБАЧЕВА С ДЕЛЕГАЦИЕЙ КОНГРЕССА ЛАУРЕАТОВ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ

Во время встречи. Фото ТАСС.

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев принял 13 ноября в Кремле делегацию конгресса лауреатов Нобелевской премии мира, состоявшегося 25—27 октября в г. Маастрихте (Голландия). В составе делегации — лауреат Нобелевской премии Джордж Уолд (США), Тео Книппенберг, Сузана Габриель (Нидерланды), Алоис Энглендер — секретарь федерации лауреатов Нобелевской премии (Австрия).

На встрече присутствовали президент Академии наук СССР А. П. Александров, вице-президент Академии наук СССР Е. П. Велихов, академик-секретарь отделения общей физики и астрономии Академии наук СССР, лауреат Нобелевской премии А. М. Прохоров.

Делегация вручила М. С. Горбачеву обращение конгресса лауреатов Нобелевской премии, адресованное М. С. Горбачеву и президенту США Р. Рейгану.

Приняв обращение, М. С. Горбачев обратился к членам делегации. Он, в частности, сказал:

— С удовольствием принимаю обращение, под которым поставили свои подписи выдающиеся ученые — лауреаты Нобелевской премии. Хочу сразу сказать, что советское руководство рассматривает это обращение как документ огромного общечеловеческого значения. Содержащийся в нем призыв к двум великим державам обеспечить поворот к лучшему в международных делах, прекратить гонку вооружений, не допустить милитаризации космоса полностью отвечает настроениям в нашей стране и практическим намерениям ее руководства.

РАБОТУ СОВЕТОВ — НА УРОВЕНЬ НОВЫХ ЗАДАЧ

Ход выполнения постановления Президиума Верховного Совета СССР «О работе Советов народных депутатов Горьковской области по достойной встрече XXVII съезда КПСС» рассмотрела состоявшаяся 13 ноября в Горьком совместно с партийным активом сессия областного Совета народных депутатов. В ее работе принял участие и выступил с речью член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко.

В дни пребывания в Горьком и области А. А. Громыко знакомился с экономическим и социальным развитием одного из крупнейших центров индустрии и науки страны, делами трудовых коллективов, бытом горожан и тружеников села.

На снимке: Во время посещения совхоза «Запрудновский».

Фото А. Чумичева и В. Войтенко (ТАСС)

ПОРЯДОК ВСЕМУ ГОЛОВА

●

По ленинградским масштабам «Электрик»—завод небольшой. Но применительно к нему как нельзя более справедлива поговорка: «Мал золотник, да дорог»: вот уже более сорока (!) кварталов подряд он в числе победителей общесоюзного социалистического соревнования среди предприятий своего министерства, и, пожалуй, немного найдется в городе коллективов, работающих столь уверенно и стабильно на протяжении целого десятилетия. Известность его давно перешагнула границы Советского Союза, и не случайно за развитие производства электросварочного оборудования, пользующегося неизменным спросом на мировом рынке, за вклад в расширение торговых связей «Электрик» награжден международной премией «Золотой Меркурий».

Чистота — первый признак уважительного отношения людей к своему дому, своей работе, а поддерживать ее здесь непросто: заводу скоро девяносто лет, корпуса в основном старые и в цехах тесновато. Вот и на участок, где занята бригада Б. Позднякова, пришлось пробираться бочком, меж массивных готовых к отправке шкафов, блоков управления, всевозможных узлов, заготовок к ним.

Честно скажу, участок никак не соответствовал сложившемуся по рассказам представлению о рабочем месте одного из лучших коллективов передового предприятия. Как-то не укладывалось, что именно здесь собирается сложнейшая, базирующаяся на печатных платах продукция, собирается с помощью, скажем, вот этакого диковинного симбиоза воздушной дрели и отвертки.

— Наше изобретение,— усмехнулся Борис Михайлович,— названия не имеет, но выручает крепко, попробуйте-ка иначе за смену сотни винтов ввернуть — руки отвалятся. Да и потеря времени огромная.

А время здесь считать умеют. Бригада давно завершила пятилетку, уверенно шагнула в следующую. И тем не менее перспективы свои оценивает довольно критически.

— В проекте Основных направлений,— говорит Б. Поздняков,— задача на ближайшие годы поставлена четко: «Поднять производительность труда в целом по народному хозяйству на 20—23 процента, в том числе в промышленности на 23—25 процентов». Прочитали эти строки с ребятами, задумались: за счет чего мы, слесари-сборщики, сможем совершить такой рывок? Работа у нас интересная, нестандартная, постоянно осваиваем что-то новое. И здесь особое значение имеют не только наша смекалка, личное мастерство, но и дисциплинированность смежников, соответствующее оборудование рабочего места, всевозможная оснастка. А с этим плохо. Только за счет рационализаторства, изобретательства положения не выправить... **Нужен принципиально иной подход к организации нашего труда со стороны всех заводских служб и прежде всего технологического бюро.**

Бригаду Позднякова не отнесешь к числу типичных, таких, каких много. В ней десять человек примерно одного возраста—в районе сорока; почти все держатся вместе с юных лет — здесь, в аппаратном цехе, начинали еще до армии, отслужив, снова вернулись к своим, окончили заводской филиал электромашиностроительного техникума. Шестеро уже стали членами КПСС, и они, без сомнения, определяют нравственный климат коллектива, где требовательность к себе, к товарищам — норма взаимоотношений.

Примечательна и общественная активность коллектива. В хронике заводских достижений последних лет он упоминается как застрельщик многих добрых инициатив.

С них началось в аппаратном цехе, а затем и на предприятии укрупнение бригад; в числе первых они заключили взаимное соглашение, обязуясь трудиться с применением КТУ; принципиально новым шагом в развитии коллективных методов работы стал и «Договор взаимной ответственности», объединивший совместными обязательствами бригады Б. Позднякова, Е. Дмитриева из аппаратного единой «цепочкой качества» с коллегами из сборочного, сварочно-заготовительного цехов.

Одним словом, встречаясь с неизбежными, наверное, на производстве трудностями, они не ждут помощи со стороны, стремятся справиться с ними, полагаясь прежде всего на собственные силы, знания. Но есть ситуации, когда и этот резерв не выручает.

— **Мне кажется, многие наши беды оттого, что как-то незаметно в разряд «непрестижных» попали некоторые ключевые, инженерные должности,**— вступает в разговор слесарь-сборщик Ю. Винокуров.— Заметное снижение конкурсов в технические вузы, стремление их выпускников попасть в любые НИИ, где можно заниматься «чистой» наукой, не связанной с производственной нервотрепкой, привело к тому, что на предприятиях стала ощущаться нехватка не просто инженеров, а инженеров талантливых, способных к творчеству. Или взять мастера. Когда-то это была весьма авторитетная должность, и занять ее было непросто, так как к претенденту предъявлялись очень высокие требования. Ведь мастер — это, по сути, дирижер, организатор работы, от его компетентности, умения видеть перспективу зависят и настроение, и отдача, и заработок десятков людей. Тут нужны и житейский опыт, и соответствующие душевные качества. А у нас порой в некоторых цехах «выдвигают» на это место выпускников, которые о сегодняшних заводских проблемах судят по институтским, невесть когда написанным учебникам.

Да, у бригады есть немало справедливых претензий к лицам и службам, обеспечивающим главное для них — порядок, организацию. Мастерства, опыта, умения для достижения еще более высоких рубежей им не занимать, но нужны соответствующие условия, чтобы эти большие возможности были реализованы.

— «Электрик» сейчас переживает, можно сказать, вторую молодость,— замечает секретарь парторганизации цеха слесарь-сборщик Ю. Морзавин.— Внедряются новые поточные линии, механизированные участки, активно осваиваются новые технологические процессы, все более широкое применение находят станки с числовым программным управлением. Несмотря на тесноту, возводится корпус, где вскоре будут выпускаться роботизированные сварочные комплексы. **В общем, технический прогресс для нас не отвлеченное понятие, а привычная реальность. И вместе с тем парадокс — блоки управления к этим самым робототехническим комплексам мы собираем в прадедовских условиях.** И когда читаем в проекте Основных направлений строки о необходимости «решительно поднять роль науки и техники в качественном преобразовании производительных сил, переводе экономики на рельсы всесторонней интенсификации, повышении эффективности общественного производства», невольно глядим за реку, где не так уж далеко от нас располагается ВНИИЭСО — Всесоюзный научно-исследовательский институт электросварочного оборудования. Наш по профилю, из нашего, кстати, завода вырос, но вот конкретно нам, сборщикам аппаратуры, от такого близкого родства и соседства ни жарко, ни холодно. Понимаем, конечно, что люди заняты большой наукой, ну, а нашими тоже немаленькими проблемами кто заниматься будет?

Верно, где-то в пятидесятых годах «Всесоюзный сварщик», как называли «Электрик» в годы первых пятилеток, можно сказать, дал жизнь целой отрасли, поделившись своими специалистами с одиннадцатью новыми заводами, возникшими в разных уголках страны. В его стенах родился и ВНИИЭСО, куда ушли ведущие в то время технические силы.

Но сейчас заводское КБ в силах потягаться с любым НИИ. Экономический эффект от внедрения рожденной здесь техники измеряется десятками миллионов рублей. И, скажем, когда возникла необходимость срочно создать около 170 принципиально новых многоэлектродных сварочных машин и специальных дуговых установок для оснащения заводов, занятых выпуском комбайна «Дон», задание это доверили именно заводским специалистам, так как институту на это потребовалось бы вдвое больше времени.

Этот пример лишний раз свидетельствует об огромном потенциале инженерно-технических служб предприятия, которым, уверен, по силам решить большую часть проблем, стоящих перед слесарями-сборщиками аппаратного цеха. Так считают А. Горячев, Н. Заболотник, С. Нефедов и другие члены бригады.

— Бригада предлагает,— сказал в заключение Б. Поздняков,— пункт 13-й четвертого раздела проекта Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года, в котором говорится о повышении роли конструкторских, технологических и других инженерных служб предприятий в обеспечении научно-технического прогресса, в своевременном использовании достижений науки и техники, дополнить словами: **«с учетом конкретных потребностей трудовых коллективов».**

О. ПЕТРИЧЕНКО,
собкор «Огонька»

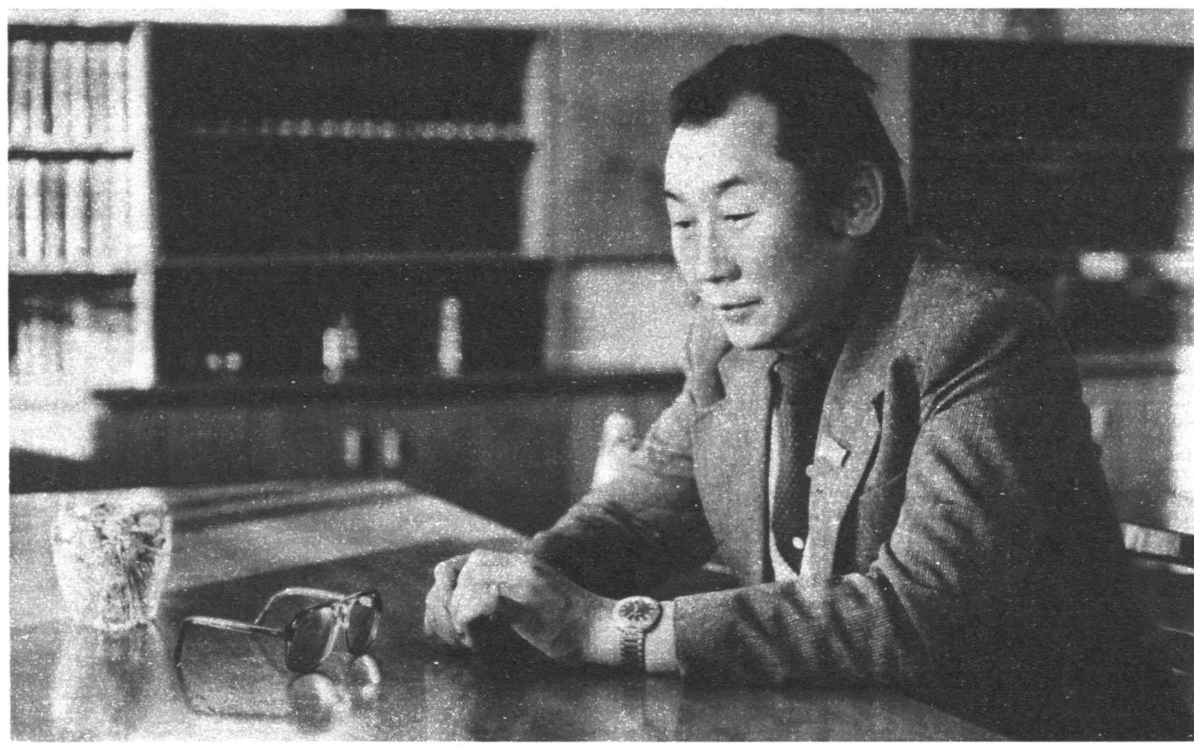
На снимке: бригада Б. Позднякова обсуждает проект Основных направлений. Читает секретарь партбюро слесарь Ю. Морзавин.

Фото Ю. Щенникова

26 НОЯБРЯ — 61-я ГОДОВЩИНА ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Крылья науки

Президент Академии наук МНР Чойдогийн ЦЭРЭН беседует со специальным корреспондентом «Огонька» Алексеем ПАНЧЕНКО

Академик Ч. Цэрэн. Фото Дм. Бальтерманца

Академик Чойдогийн Цэрэн принял меня в своем рабочем кабинете. На лацкане—значок депутата Великого народного хурала. С приветливой улыбкой выходит он навстречу из-за стола, на котором лежат минералы, доставленные геологами из различных уголков республики.

Я приготовился задавать вопросы, но ученый начал расспрашивать о нашей поездке по стране и искренне огорчился, что проехали немножко в стороне от сомона, где он родился.

— Я оттуда только что вернулся. Мы пестуем там в сельхозобъединении, над которым академия шефствует, свое любимое дитя.

Он употребил именно это слово — «пестуем» и улыбнулся.

— Учил русский в школе, пять лет на физмате в МГУ, а позже в аспирантуре и докторантуре в Дубне. Знаете, какие у меня были учителя? Ландау, Кикоин, Леонтович — не только великие физики, но, на мой взгляд, и великолепные знатоки языка — во всяком случае, лекции читали блестяще.

Чувствуется, что академик во власти дорогих для него воспоминаний.

— Но я, кажется, успел заговорить гостя? — шутит Цэрэн. — Так какие у вас вопросы?

— Когда была создана Академия наук Монголии?

— Она очень молода: в мае 1986 года мы будем отмечать ее 25-летие. Еще в 1921 году — сразу же после победы Народной революции — возникло первое научное учреждение — Книжная палата. Позже — в 1930 году — она преобразована в Ученый комитет. В его системе функционировали кабинеты языка и литературы, истории, географии, сельского хозяйства, тибетологии и буддизма. В сороковых годах начались серьезные изыскания по биологии, физике, химии. Неоценимую помощь оказала и оказывает нам Академия наук СССР — и в организации исследований, и в подготовке научных кадров, и в укреплении материальной базы. Огромное значение имели совместные монголо-советские экспедиции по изучению географии, геологии, растительного и животного мира Монголии. Мы признательны братскому Советскому Союзу за помощь в создании в 1942 году государственного университета, а позже педагогического, сельскохозяйственного и других институтов.

— Расскажите, пожалуйста, об основных направлениях в работе академии.

— За последние три года на сессиях академии определились магистральные направления развития нашей науки — вначале по естественно-техническим отраслям, позже — по общественным. Мы исходим из реальной оценки своих кадров, оснащения институтов. Всесторонне учитываются природно-климатические, в том числе геологические условия страны, ее социально-экономическое развитие. Поэтому приоритет отдается комплексу наук, способствующих интенсификации сельскохозяйственного производства, разведке подземных кладовых силами монгольских геологов и специалистов из братских стран, эксплуатации открытых месторождений. Особое внимание Президиум академии уделяет разработке узловых проблем развития народного хозяйства, своевременному внедрению в практику результатов исследований.

— Я проехал по разным районам Монголии и всюду видел много естественных сенокосов и пастбищ, бесчисленные отары овец и коз, стада коров и яков, табуны верблюдов и тысячи лошадей — картины, которые трудно представить в другой стране.

Академик удовлетворенно улыбается и говорит:

— Да, эти отары, стада и табуны — исконная гордость монголов. У нас сейчас при населении в неполных два миллиона человек насчитывается почти двадцать пять миллионов голов скота. И все это на попечении примерно пятидесяти тысяч семей. Кстати, за последнюю четверть века с бо́льшим поголовьем у нас стали справляться на треть меньше животноводов — роль науки в этом немалая. Но сейчас наши крестьяне становятся и завзятыми земледельцами: ныне в стране свыше миллиона гектаров пашни. Это огромное завоевание, если учесть, что в 1924 году республика имела всего двадцать семь тысяч гектаров пашни. Мы уже несколько лет как полностью освободились от импорта зерна, а картофель даже стали поставлять в соседние области Советского Союза вдобавок к традиционным продуктам вывоза.

— Вы физик. Видные ученые Дубны высоко оценили вашу докторскую работу в области ядерной физики. И все-таки...

Мой собеседник улыбается:

— И все-таки начал беседу не с «моей науки», а с проблем сельского хозяйства? Вы это хотели сказать? Я продолжаю работу в Институте физики и техники, где имеются секторы ядерной физики высоких энергий и ядерных исследований. Но, как президент, сын арата, я живу и проблемами ключевой отрасли нашей экономики — сельского хозяйства. Первую сессию после избрания меня президентом академии ее президиум решил посвятить специально проблемам сельского хозяйства. Наши ученые определили оптимальные технологии использования естественных пастбищ. Они у нас и сейчас, и в обозримом будущем, несмотря на увеличение доли культурных пастбищ и сеяных трав, останутся главным источником кормов. Эти технологии при любых, даже самых экстремальных погодных условиях должны обеспечить интенсивное развитие животноводства. Как ученый, буду счастлив, если из словаря наших скотоводов исчезнет страшное, испокон веков пугающее аратов слово «бескормица».

— Вы обещали рассказать о своей поездке в родной сомон!

— Там, на моей родине — а это триста пятьдесят километров от Улан-Батора, — создано сельхозобъединение с красивым именем — «Туяа» — «Луч». Здесь действует первая в республике установка солнечных батарей с кпд в десять с половиной процентов, что лишь немногим уступает среднему мировому уровню. Думаем поднять кпд до 15, а то и до 20 процентов. Первой установке дали гарантию работы в 15—20 лет, в серийных же думаем довести ее до тридцати лет. Считаем, что в наших условиях — по Монголии средняя высота над уровнем моря свыше 1300 метров, разреженный воздух, много солнца — такие батареи весьма перспективны.

— Вы сказали, что монголы становятся и растениеводами. В чем конкретно помогает им академическая наука?

— Вот уже несколько лет, как наша страна не завозит хлеб. Создано немало зерновых госхозов, в том числе и целинных. Теперь по потреблению муки и хлебопродуктов Монголия приближается к другим странам СЭВ. Растет урожайность. Но до сих пор мы не имели своих сортов пшениц, сполна приспособленных к местным условиям. Генетиками Института общей и экспериментальной биологии получены сорта, имеющие короткий вегетационный период, что дает им большие пре-

имущества перед сортами со стороны. Ученые академии приняли участие в разработке практических рекомендаций по применению макро- и микроудобрений, в определении типов почв по всей огромной территории страны. Я привел лишь небольшую часть примеров связи академической науки с нашим селом. На практике она гораздо шире.

— И снова обращусь к своей поездке по стране. Я встречал здесь немало растений, которых нигде в других местах не видел.

— Да, у нас действительно один из самых уникальных в мире генофондов. Совместными монголо-советскими геоботаническими экспедициями на территории нашей страны, равной трем Франциям, открыто одних эндемичных растений 875. А учеными Института ботаники описано около тридцати новых для мировой флоры цветковых растений и более ста новых видов для флоры Монголии.

— Директора институтов химии и математики доктор Банга и член-корреспондент Аюушжав показывали нам отлично оснащенные лаборатории. Какова материальная база научных учреждений Монголии?

— Государство не жалеет средств на это. Могу сказать, что мы имеем, например, уникальный прибор для точного экспресс-анализа химического состава горных пород. Таких приборов во всем мире единицы. Нам он при широкой деятельности поисковых партий (а в наших партиях работают геологи всех стран — членов СЭВ) очень нужен. И хотя прибор дорог, он уже многократно окупился. Этот прибор да и большинство другого оборудования в наших институтах — импортные. Мы решили в ближайшие десять лет добиться, чтобы по меньшей мере треть оборудования в институтах и других научных учреждениях была отечественной и при этом не уступала по своим характеристикам зарубежным аналогам.

— Что вы можете сказать о международных связях Академии наук МНР, об участии монгольских ученых в научных конгрессах, конференциях?

— Самое широкое сотрудничество у нас налажено со всеми академиями наук стран — членов СЭВ, а также с целым рядом научных учреждений других государств.

Особо отмечу плодотворные связи с Академией наук СССР. Мы организуем комплексные монголо-советские геологические, палеонтологические, биологические, историко-культурные и другие экспедиции на территории страны. Проводим совместные научные работы по темам, представляющим взаимный интерес в области физики, химии, биологии, ботаники, экономики, языка и литературы,— все это в рамках пятилетних планов научного сотрудничества между академиями наук.

Наша академия принимает активное участие в деятельности целого ряда проблемных комиссий. Нам доверяют организацию международных научных конгрессов, конференций и симпозиумов в рамках двустороннего и многостороннего сотрудничества, а также по линии ЮНЕСКО. Монгольские ученые являются членами ряда международных союзов и ассоциаций и вносят свой вклад в их деятельность, принимают активное участие в борьбе за мир.

Улан-Батор — Москва.

Суд над палачами

Многим из тех, кто сидит на скамье подсудимых (верхний снимок), был вынесен смертный приговор. Так закончился знаменитый Нюрнбергский процесс, начавшийся сорок лет назад 20 ноября 1945 года. Так завершилась преступная история фашистского рейха, на совести палачей которого пятьдесят миллионов человеческих жизней.

Сорок лет — срок не такой уж большой. Но на Западе вновь развернута активная деятельность неофашистских и реваншистских организаций. Те, кто стоит во главе агрессивных сил современного империализма, стали забывать уроки истории. Войны, развязанные ими против свободы и независимости народов, не прекращаются на земном шаре. Это ими предпринимаются усилия распространить гонку вооружений на космическое пространство. Уроки Нюрнберга говорят о том, что народы должны объединиться против новой опасности. Мир можно и нужно отстоять, и путь к этому — сплоченные, согласованные и активные действия всех государств и народов нашей планеты.

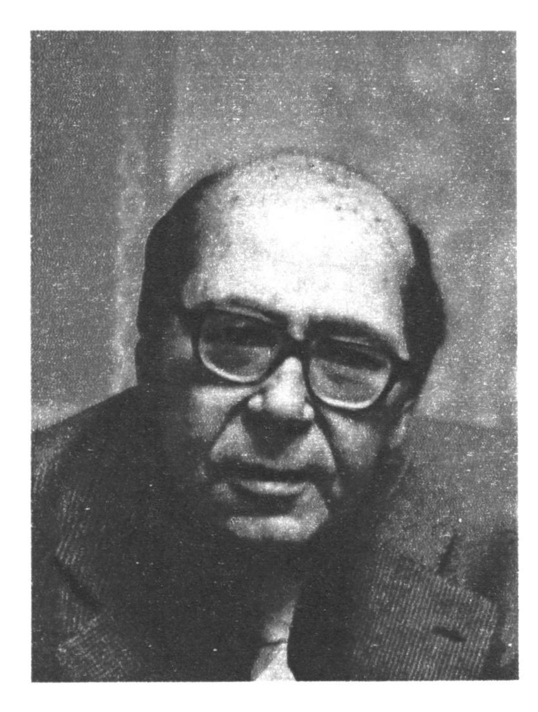
Казнь Зои.

Абд ар-Рахман аль-ХАМИСИ

Абд ар-Рахман аль-ХАМИСИ — крупнейший писатель и общественный деятель современного Египта и всего арабского Востока, один из пионеров социалистического реализма в отечественной литературе. Им написано немало произведений художественной прозы, драматургии, публицистики. Его стихотворные сборники — настольные книги всех, кто интересуется современной арабской поэзией, неоднократно переводились на многие языки мира, в том числе и у нас.

Аль-Хамиси принимает активное участие в Движении писателей Азии и Африки. Патриот-интернационалист и коммунист, А. аль-Хамиси — большой друг нашей страны, много делает для сближения народов АРЕ и СССР. Он удостоен международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Сегодня мы публикуем фрагменты из новой поэмы А. аль-Хамиси «Заклятый город предостерегает», написанной в форме древнеарабских касыд. В основе поэмы борьба двух влюбленных — царицы Джиды и воина Акаша — с чужеземными захватчиками. Перевел поэму Сергей Голубев.

●

Зеленая весенняя страна,
Где счастьем веет
Ветра дуновенье,
Где звонкие ручьи целуют землю
И долы разноцветными цветами
Сияют, как улыбками,
И птицы
Щебечут с наступлением зари.
Когда земля любима человеком,
Она ему родит легко и щедро
И наслажденье чувствует, рождая
Нив золото,
И хлопка серебро,
И зелень изумрудную деревьев,
И оглашает пастбища мычаньем
Откормленных коров,
И конским ржаньем,
И блеяньем несчитанных овец.
Там пение пастушьего рожка
Сплетается со стонами газели...
Земля впивает негу мирной жизни...
Под жарким солнцем
И под сенью ночи,
В движении и в сладостном покое,
В безмолвии и в неумолчном шуме
Воды, летящей вниз
С отвесных скал.

●

Со щитами, мечами, луками,
С головы и до ног в броне,
Шли захватчики в ночь безлунную
По уснувшей чужой стране.
Горн дозорного не затрубит,
Людям снятся мирные сны.
Их ведет беспощадный Уби —
Кровожадных зверей войны...

●

Как может безоружная рука
Отринуть меч безумного убийцы?
Спасут ли птицу
Взмахи слабых крыльев
От посланных вдогонку жадных стрел?
...И Джида огласила свой приказ —
Немедля прекратить сопротивленье,
Чтоб отвратить
Бессмысленную бойню.
Но в сердце скрыла замысел, суливший
Гостям незваным
Черную судьбу.
Она умчалась в ночь с отрядом верным.
Их кавалькада обгоняла ветры,
Стенавшие в долинах и в горах.
Их путь лежал на юг,
И был он труден,
Но вот вдали увидели они
Высокий холм.
Обрывистые склоны
Казались неприступными. На нем
Шатер для Джиды воины разбили.
А по стране уже катился ропот:
— Подверглось нападенью Царство Мира!
Но Джида здесь,
Чтоб продолжать борьбу,
Чтоб мы изгнали эту волчью стаю
И землю от захватчиков спасли!
И люди шли...
Вокруг ее шатра
Теснилось многочисленное войско.
Командовал им юноша отважный,
Геройства и решимости венец,
По имени Акаш.
Он красотою
И статным телом прочих превзошел.
Сказал Акаш у белого шатра:
— Царица красоты, любви, свободы!
Ты видишь войско из сынов страны.
В его рядах отборные мужи,
Они клянутся сбить оковы рабства
С родной земли
И именем твоим
Вернуть свободу всем порабощенным
Иль умереть
В сраженье за нее!

●

И Джида,
Посмотрев в его глаза,
Увидела два зеркала, в которых
Вдруг отразилась страстная мечта,
Уже давно лелеемая ею.
Весенняя мечта...
Ее росу
Она впивала жаждущей душою,
Мечта в ней зрела, как бутоны роз,
И вот она увидела ее
Во взгляде немигающем Акаша.
Мечта вставала вешнею зарей,
Невестой юной в свадебном уборе.
Смешались в ней туманные еще,
Но сердцем постигаемые чувства.
В ней лепет неосознанной надежды
Волшебною мелодией звучал.
Цвета звучали,
Краски
И виденья,
Всплывая из глубин ее души,
Сплетаясь в цепь неясных ощущений
И образов,
Неведомых досель...
Всего лишь миг продлилось это чудо,
Но сердце
Обеспамятевшей птицей
Забилось в трелях вспыхнувшей любви.
— Откуда этот юноша явился,
С лицом чеканным,
Обожженным солнцем?..
Он вовремя пришел, ее Акаш.
Когда весь мир
Стал каплей тьмы во мраке,
Он вспыхнул,
Словно искра в белизне
Слепящего полуденного неба.
Да, вовремя пришел ее Акаш,
Стремясь рассеять мрак, который давит
На заживо зарытого в могилу,
Бессильного раздвинуть плоть земли...
Вот Джиде он протягивает руку,
Спасительную руку,
И ведет
Сквозь тернии сомнений и тревоги,
Неся в душе надежды яркий факел,
Сжигающий отчаяния тьму.
— Акаш,— она сказала,—
Я всего лишь
Одна из тысяч в воинстве твоем,
В огромном войске,
Собранном народом.
И мы не пожалеем нашей крови
Для родины,
Ее детей и нив,
Холмов и рек —

Всего того, что в ней
Живет, смеется, плещется, щебечет...
И по рядам, как ветер, пронеслись
Рукоплесканья,
Крики одобренья,
И сердце под кольчугою Акаша
Забилось, словно колокол,
И радость
Перехватила горло...

●

Горн войны
Уже трубил над двинувшимся войском,
Когда седые пряди облаков
Упали на чело холмов свинцовых
И радуга окрасила вершины,
Как будто меч,
Что выдернут из раны,
Кровоточащей красками небес.
Не люди шли —
Шел свет на битву с тьмой.
Пусть мрак еще победу торжествует,
Но утро светозарное — в пути!
Оно пошлет блистающие стрелы,
И ночь сгорит
В бушующем пожаре
Пылающих заоблачных высот.
Так думал каждый воин, выйдя в путь,
Стремясь смешать захватчиков с землею
И стиснуть горло
Тягостного ига.
Призыв Акаша словно горным эхом
Тысячекратно войском повторен:
— Кровь даст побеги дереву свободы!
Мы будем ткать из нитей нашей крови
Одежды мира,
Вольности
И счастья!

●

...Текут,
Текут
Дороги вдоль ступней.
Набат отчизны
В каждом сердце ныне.
Она — как нерушимая твердыня,
Скрепленная телами сыновей.
Кто верх возьмет —
Захватчиков гордыня
Иль правый гнев
Презревших смерть людей?
Текут,
Текут
Дороги вдоль ступней...

●

Резцом несчастья запечатлена
Скорбь на челе поруганной столицы.
Но эта скорбь —
Лишь часть сокрытых чувств,
И на стенах, зарею окропленных,
Мерцает блик надежды.
Он зовет
С корнями вырвать жадных иноземцев,
Их ненависть, пропитанную ядом,
И вырастить на черном пепелище
Побег свободы,
Счастья
И добра.

●

...Гудит во тьме
Летящий грозно камень,
И слышит город
Долгожданный гул.
Выходят из укрытий люди Мунту
И строятся в железные отряды,
Встав на пути растерянных врагов.
Бегущих полонят,
Того ж, кто смеет
Поднять свой меч,— без жалости разят.
А там, снаружи, с клекотом орлиным
О стены бьются темные валы,
И вот уже захлестывают стены...
Кто без меча —
Тот голыми руками
Рвет горло ненавистному пришельцу.
За рядом ряд
Идут десятки тысяч,
Вливаясь в штурм, как волны штормовые,
И глыбы из придвинутых баллист
В толпе врагов опустошенье сеют.
Как молнии, у всадников в руках
Мечи сверкают, головы срубая.
Затмили звезды
Тучи черной пыли,
И лишь клинки распарывают тьму
Да искры от скрестившихся мечей
На краткий миг
Выхватывают лица.
Свистят в ночи невидимые стрелы,
Стучат мечи,
И падают тела,
И руки, осквернившие отчизну,
Под конскими копытами хрустят...
Враги — в кольце, сжимающемся грозно.
Там, в улочках ночных —
Дрожащий Уби.
И нет ему спасенья, кроме смерти
Иль бегства,
Что навеки заклеймит
Весь род его презреньем и позором!

Народ своей земле вернул свободу.
Сад облаков, как драгоценный камень,
Омыт горячей кровью сыновей.
Сияет на воротах стяг победы.
Она вошла сегодня в каждый дом,
Как гостья долгожданная. Бежал
С рассеянным остатком войска Уби,
Пути не разбирая, бросив меч.
От жажды и от голода страдая,
Они в пустыне гибельной плелись.
Смерть соколами падала на них
С пустых высот карающего неба.
Смерть выползала змеями из чрева
Карающей земли.
Песчаный ветер
Засыпал их иссохшие тела...
За их дела не будет им прощенья.
Захватчиков жестоких ждет всегда
Жестокая, бесславная кончина!

Праздник победы —
Как радостный сад,
Жадно вобравший дыхание влаги.
Гордо поднявшись, деревья стоят,
Ветви, что были иссохши и наги,
Вновь обретенной листвой шелестят
И одаряют плодами подряд
Всех, кто их выходил,
Кто возвратил
Трепет листвы их обугленным кронам...
Впредь не грозит им топор занесенный.
Жизнь продолжается.
Враг отступил.
Все, что для счастья на свете живет —
И человек,
И былинка простая,
Все, что растет, копошится, летает,—
Матерью милой
Свободу зовет.
Щедро она одаряет детей...
Лишь у захватчиков
Нет матерей!

ЖЕНЩИНЫ В БОРЬБЕ ЗА МИР И ПРОГРЕСС

18 ноября в Москве состоялось торжественное заседание президиума Комитета советских женщин, посвященное 40-летию создания Международной демократической федерации женщин. Со вступительным словом выступила председатель Комитета советских женщин, вице-президент МДФЖ В. В. Терешкова.

МДФЖ — авторитетная неправительственная организация, родившаяся в год Великой Победы народов над гитлеровским фашизмом и японским милитаризмом. Всей своей деятельностью за четыре десятилетия она доказала, что идет в ногу со временем, объединяя женщин, действуя в защиту их интересов и рассматривая эту борьбу как неотъемлемую часть борьбы за мир, демократию, национальную независимость народов и социальный прогресс. Сейчас Федерация является одной из самых массовых и влиятельных международных женских организаций, объединяющей в своих рядах 135 национальных организаций из 117 стран.

В своем выступлении на заседании президиума президент МДФЖ Фрида Браун отметила вклад советских женщин в деятельность Федерации, в развитие международного демократического женского движения. Она отметила также последовательную, конструктивную политику Советского Союза на международной арене, которая отвечает жизненным интересам всех народов.

На заседании было принято приветственное послание юбилейной сессии Совета МДФЖ, которая состоится в начале декабря в Праге.

В. КОВАЛЕВ

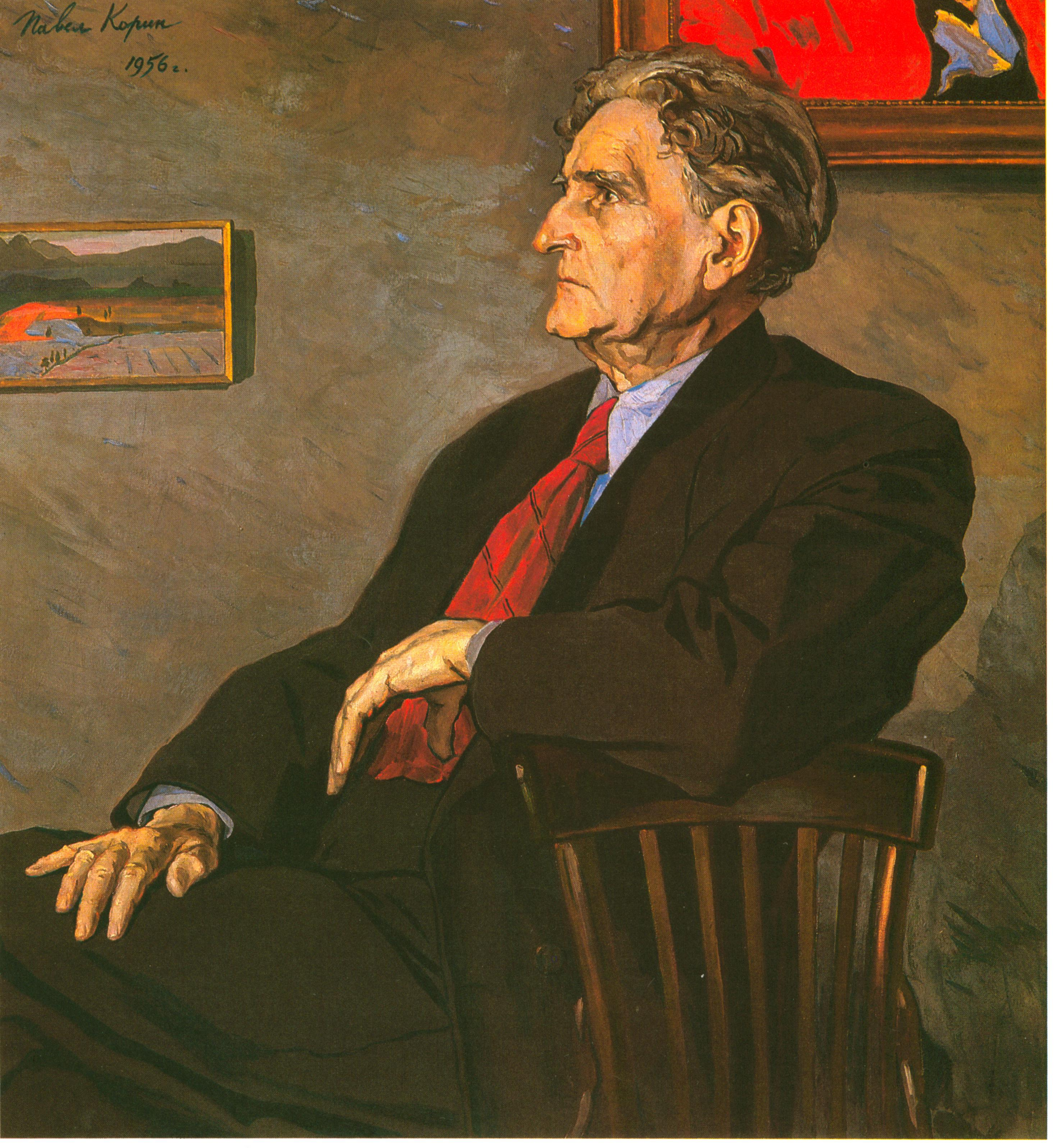
На снимке: Во время торжественного заседания.

Фото В. Гревцова

М. Нестеров. 1862—1942. ПОРТРЕТ ХИРУРГА С. С. ЮДИНА. 1935.

Государственная Третьяковская галерея.

П. Корин. 1892—1967. ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА М. С. САРЬЯНА. 1956.

Государственная Третьяковская галерея.

Путь мастерства

«Горе от ума».

«Воскресение».

Герой Социалистического Труда, народная артистка СССР Ангелина Иосифовна Степанова начинала свой сценический путь в МХАТе, когда еще были живы его основатели — К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко, когда в нем работали «великие старики» — Качалов, Леонидов, Книппер-Чехова, Лилина, Шевченко, Москвин, Тарханов. Ее стиль определился художественной атмосферой 20—30-х годов. Впитанные с юности идеи актриса донесла до наших дней. Прожив длинную и содержательную жизнь, она сохранила глубокое уважение к прошлому — им она соизмеряет достижения театра сегодняшнего дня. Чего только не произошло за эти долгие шестьдесят с лишним лет! И все эти годы она играла. Софья в «Горе от ума» и Лида в «Платоне Кречете», Бетси Тверская в «Анне Карениной» и Зинаида в «Дядюшкином сне», Ирина в «Трех сестрах» и Патрик Кэмпбелл в «Милом лжеце», Королева Елизавета в «Марии Стюарт» и Каренина в «Живом трупе». Сегодня, как и в прежние годы, общественная энергия для Степановой, человека безупречной дисциплины и трудолюбия, значит не меньше, чем искусство, одно неотделимо от другого. Записи на радио, съемки на телевидении, «Мосфильме», «Ленфильме», занятия в школе-студии МХАТа, где последние годы преподает Степанова, партийная и общественная работа — все это вместе и составляет жизнь замечательной советской актрисы.

Виталий ВУЛЬФ

С давних лет Степанова овладела искусством графически точного, психологического языка на сцене. МХАТ приучал своих актеров и к маленьким ролям, и к чувству ансамбля. Степанова никогда не избегала эпизодических ролей. Не количество текста определяло значительность роли. Играть главные или неглавные роли — такой проблемы не было для нее. Вспомним сегодня один из ее ранних сценических шедевров.

...На шестом году работы во МХАТе она встретилась с В. И. Немировичем-Данченко. 30 января 1930 года Ангелина Иосифовна сыграла эпизодическую роль Мариэтт в знаменитом спектакле «Воскресение». В этой роли актриса покорила театральную Москву уже не только счастливо расцветающей юностью, но и мастерством, обозначившимся отчетливо и бесспорно. При помощи режиссера форма роли была «отшлифована до той прозрачности, когда человеческая сущность ясно различима сквозь нее».

Степанова уже привыкла к тому, что Станиславский требовал «обновления» сыгранных ролей, сердился, когда артисты мыслили иными категориями, чем он. Степанова вспоминает репетиции со Станиславским по сей день. В те годы она была молода, обворожительна, но мастерство только набирала . Артистические возможности ее были еще ограничены. Роли, сделанные под руководством Станиславского, отличались одним: художественной свободой.

Немирович-Данченко привил ей умение придавать гармоническую форму малейшим переменам человеческого сознания. Он свел воедино найденное ею прежде с тем, к чему стремился сам,— к созданию крупных характеров, живых человеческих образов. Сценические гравюры со временем обернулись созданиями мощными и масштабными. Ювелирная работа Немировича-Данченко над сценой у графини Чарской принесла Степановой нечто более существенное, чем еще одна хорошо сыгранная роль.

«Великосветская сцена у тетушки Нехлюдова блестяща,— писал Луначарский в статье «Воскресение» в Художественном театре» в ленинградской «Красной газете» 3 февраля 1930 года,— Художественный театр показал себя на огромной высоте режиссерского и актерского искусства. Самый выбор романа сделан превосходно (инсценировка Ф. Ф. Раскольникова), ибо в этом гениальном произведении Толстой наиболее близко подошел к нам, людям революции. Это самый его разрушительный, самый кусательный роман».

В рецензиях на «Воскресение» имя Степановой не упоминалось. Эпизодические роли оказались вне внимания театральной критики тех лет, поглощенной разбором постановки в целом и иными глобальными проблемами развития театра. Мариэтт — Степанова на страницах театральной литературы была оценена значительно позже, но истинное обаяние актрисы в этой роли было отмечено сразу и зрителями, и внутри МХАТа. Изящная, загадочная покорительница, затянутая в черные шелка, в шляпке с вуалью, в длинных черных перчатках, Мариэтт — Степанова находилась на сцене всего несколько минут: коротенькие фразы графине Чарской, внимательный взгляд в ответ на ее слова с чуть улыбающимся ртом, и сразу грустное лицо при разговоре с Нехлюдовым. Если разобрать эти ее фразы, то они не имели никакого или имели очень неопределенный смысл, но зрительный зал наслаждался той женской игрой, какую вела Мариэтт с Нехлюдовым. Было ясно, что она желала только одного: привлечь его к себе — и своим женским чутьем угадывала все то, что было ему важно и дорого. «Ее лицо умиленного внимания и не столько лживые, сколько поддельные под Нехлюдова слова», как писал Толстой, вспоминались потом много раз. Мариэтт врезалась в память каждому, кто видел спектакль.

«Разминка» отпущенного природой «артистического материала» кончалась, актриса стояла на пороге зрелости, известности. После «Воскресения» ее положение в театре крепко утвердилось, хотя главные роли были все еще впереди.

Бригада Владимира Зайцева.

У НАС, НА «ВОРГАШОРСКОЙ»...

В лаве. Комбайнер А. Афонин (слева) и электрослесарь Г. Ставрунов.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ,
фото Дмитрия ДЕБАБОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

Холодное солнце мигнуло вполглаза и тут же снова скрылось, надолго повесив над тундрой подсвеченную звездами небесную чернь, которая в эту ночь заполыхала таким карнавалом сполохов, что стало ясно: ждать назавтра морозец крепкий. Зима в Воркуту пришла настоящая.

В луче из-под фары директорской «Волги» проскочил заяц и исчез в пелене поземки.

— Видали?— оживился Субботин.— Их сейчас тут тьма. Поохотиться бы... Да только когда?

Как не понять директора! Шахта «Воргашорская» приближалась в эти дни к своему десятилетию и впервые вышла на долгожданный рубеж — шесть миллионов тонн угля в год. Вот и пропадал Александр Иванович на работе столько, что домой лишь спать ездил. И по воскресеньям тоже.

Уже пять лет директорствует Субботин, и результатов достиг удивительных. Шутка ли: при проектной мощности 4,5 миллиона тонн в год добиться «привеса» еще в полтора миллиона, причем можно сказать, задаром, без дополнительных капиталовложений, только за счет внутренних резервов. По производительности труда «Воргашорская» — лучшая в мире среди шахт, работающих в схожих горно-геологических условиях.

В шахту Субботин спускается каждый день. По необходимости, конечно, да и по привычке тоже. Здесь, в Воркуте, начинал проходчиком. Работая, окончил техникум, институт. Так что организаторский талант директора Субботина, можно сказать, пробивался из-под земли.

* * *

День у Владимира Алексеевича Зайцева, бригадира проходчиков с восьмого участка, начался — ох, уж этот злокозненный понедельник!— неспокойно. Смена вышла к руслу древней подземной реки, и в забой рухнул увесистый вывал. Ремонтной бригаде пришлось срочно очищать забой.

— Саша, Гена,— отдавал распоряжения Зайцев,— берите рештаки, наращивайте конвейер. Иван и Виктор, займитесь противопожарным трубопроводом. Остальные на разгрузку материала и подготовку забоя. К концу смены нужно все закончить.

Успели. Даже на час раньше. Следующая смена пошла своим чередом. Эпизод, хоть и будничный, но за ним стиль работы.

Немало тружеников шахты отмечены весьма высокими наградами и званиями. Однако я намеренно «прописался» на участке бригадира рядовой бригады, если вообще этим словом можно обозначить руководителя среднего звена такой шахты, как «Воргашорская».

Девять лет назад демобилизованный солдат Владимир Зайцев, преисполненный желания вкусить трудный хлеб Севера, ступил на перрон станции Воркута. Угольная столица Заполярья тут же накрыла его такой пургой, что лишь упрямство и солдатская закалка пресекли страстное желание коренного смолянина немедленно взять обратный билет.

Смешно и даже стыдно теперь бывшему солдату вспоминать тот день. Встретили на шахте так, что... И подъемные дали немалые, и жилье, и на участок определили — всё сразу. Добрым, веселым словом обогрели. В общем, заряд в душу вложили крепкий.

— Недоумевал, — вспоминает теперь Володя.— Ну, что я им? Людей, может, не хватало? Оказалось, не в этом дело. Доброта и внимание к человеку, если они искренние, не требуют отдачи. Но все равно ты потом уж и сам не захочешь, не сможешь не отплатить. Ну, а чем платит рабочий человек? Только делом.

Окончил он сначала курсы горнорабочих, потом вечерний техникум. А работа работой, как всегда. Делали они в ту пору по 220 метров штрека за смену, норму перевыполняли. Но было им все мало. Зайцев, тогда уже звеньевой, вместе с ребятами все над техникой колдовал, доводил, переделывал. «Обучал» машину. И над расстановкой людей в забое

думал: где, кому работать. Смотрел, изучал, в душу заглядывал и все экспериментировал. Доказывал, что в индивидуальных человеческих качествах тоже немалый резерв производительности.

И все ж главное всегда и всюду — это ты, командир. Каков сам, таково и войско твое. Стало быть, покажи ему, на что способен? Вздыбь коня, взмахни шашкой и вперед? Нет же, не в этом суть, хотя, если встанут в забое или лаве, что директор, что бригадир, вряд ли кому проиграют в сноровке и выносливости. И здесь, думается, кстати, привести некоторые размышления бригадира Зайцева.

— Главное, чего нужно бояться, это... испортить человеку с утра настроение. А то ведь как день начнется, так и дальше дело пойдет. Смотрим дальше. Если оно у него хорошее с утра, нужно на той же ноте петь и дальше. И мне ему подпевать. Если в человеке хорошее настроение сидит крепко, значит, он работать плохо уже не сможет. Идем дальше. Коли человек хорошо работает, хорошее настроение у него не только до конца смены, но и после. И жить ему интересно. А уж насчет тех, кто с вечера «засиделся в гостях», то с такими говорит вся бригада. И пусть это всего лишь случай, все равно разговор будет нелегким. Однако и здесь нужно человека не страхом брать — совестью. Так и делаем. Вроде получается.

Сейчас проходчики бригады Зайцева продвигаются за смену уже на 330 метров. Прикиньте — ведь это почти круг по стадиону! Главное, конечно, решают техника, технология, организованность. И все же — да простят меня товарищи из отдела труда и заработной платы — отпишем из этих трехсот тридцати десятка два метров на хорошее настроение.

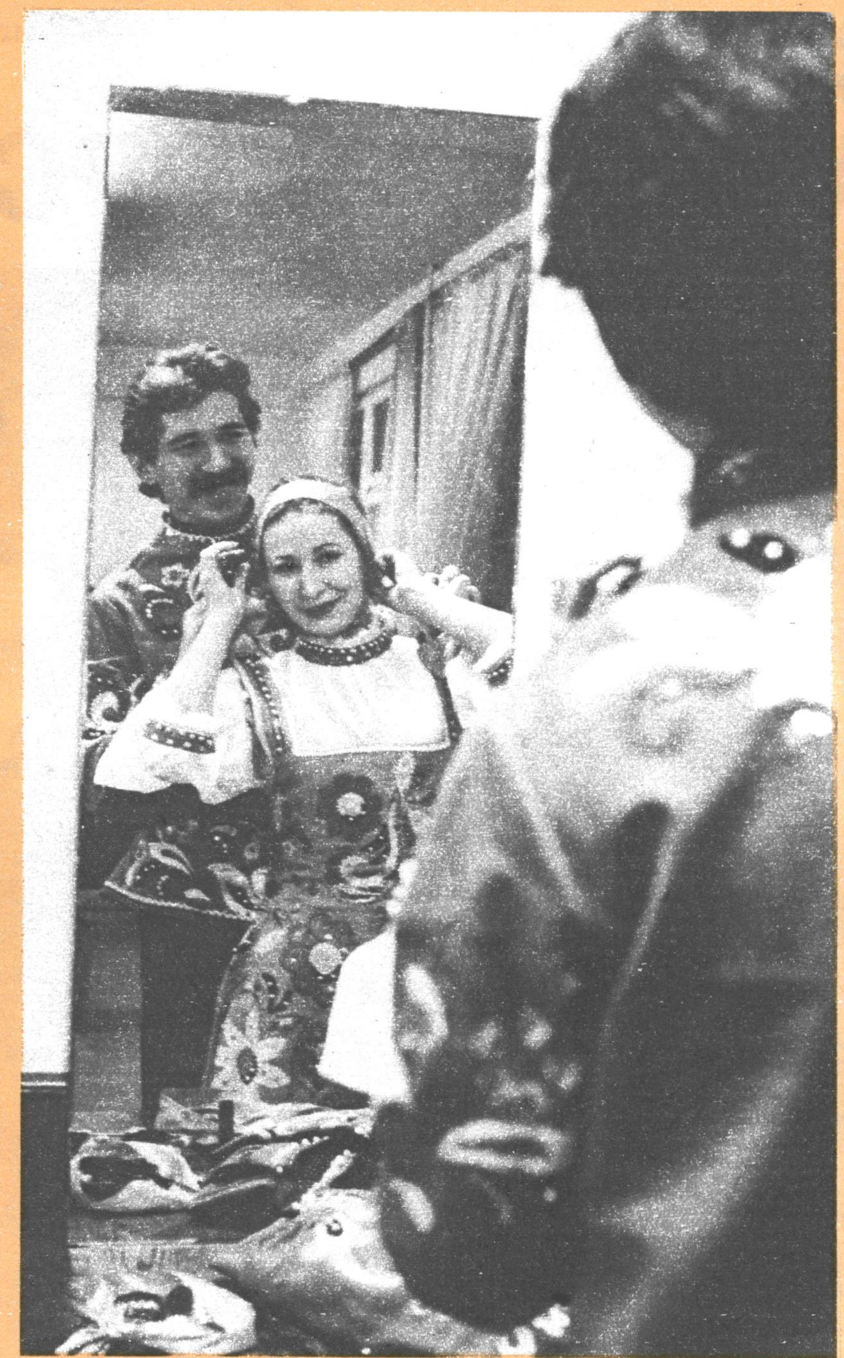
Бригада Зайцева при расчете за работу с недавних пор решила распространять коэффициент трудового участия не только на премию, но сразу на весь заработок. С нового года они вводят у себя коллективную моральную и материальную ответственность. Рабочий человек знает, что это «рыцарская» формула в приказном порядке не существует: каждый спрашивает с себя по самому большому счету на добровольных началах.

Такие решения, записанные в социалистических обязательствах, пока, увы, далеко не часты.

Идем с бригадиром по откаточному штреку к подъемному стволу. И свет моей лампочки на каске высвечивает в памяти вчерашнего зайца, метнувшегося в луче автомобильной фары.

— Охотник? — спрашиваю Володю.

— Обязательно, кто ж здесь не охотник? И рыбак, и грибник. Гуся в это лето было много. Сейчас куропаточка летает, в воскресенье в тундру собираемся. Опять же грибы. Тут в августе вся тундра красным-красна от подосиновиков. Кстати, они и сейчас, в ноябре, есть. Не верите? Да, прямо в шахте... Во-во, правильно мыслите — шампиньоны. На всех хватает. Зайдите в столовую, убедитесь. А ведь дело было непростое, тут и руку, и душу приложить пришлось. И вот опять же рассуждаем: вроде бы что нам шампиньоны? Или детишкам нашим, тех нынче вообще никакими

Сейчас — на сцену: артисты ансамбля песни и танца М. Малахина и А. Янкин.

Проходчик В. Зайцев после удачной охоты.

яствами не удивишь. Но ведь там пустяк, тут пустяк, глядишь, а этих пустяков целая вагонетка набралась.

Этот разговор мы, поднявшись наверх, продолжили в парилке, которую никакой рабочий не пропустит. Продолжили и, стоя под ярким светом кварцевых ламп. И дальше, в полном умиротворении и благости души,— в просторном холле за чаем, приправленным душистыми травами.

Нахваливали мне Зайцев и его ребята недавно созданный в Ворга-Шоре клуб проходчиков, куда приходят только с женами. Это ничего, что мужья говорят больше о своих подземных делах,— кто ж того не понимает? Женщины всегда найдут о чем потолковать. Зато самовар потом на всех. И песни тоже.

— Что и говорить, мы люди не бедные,— продолжает Зайцев.— И тем не менее никто и никогда не получает путевку в южные края за полную стоимость. Тридцать процентов и для тебя, и для твоей семьи. Сотни тысяч рублей выделяет шахта на одно только санаторно-курортное лечение. Не просим, но положено — и все тут. Вы бы посмотрели, какая у нас в поликлинике физиотерапевтическая аппаратура. Самая современная. И сколько ее! Большие суммы пошли на строительство зимнего плавательного бассейна, крытого катка, стадиона. И для нас, и для детишек. Зимой ночи у нас длинные, а ребята всегда должны быть при деле.

— Знаю, что и сами шахтеры со школьниками много занимаются?

— Верно. У каждой бригады свой подшефный класс. И в походы ходим, и чаи вместе гоняем. И на шахте ребята совсем не гостями себя чувствуют. Наша шахтерская жизнь у них в крови. Тут не приходится агитировать: иди, мол, в шахтеры. Все само собой получается.

* * *

Вечером рабочие добычного участка номер пять встречались с восьмиклассниками двух школ поселка Ворга-Шор. Клуб «Ориентир» проводил викторину. Вертелось колесо рулетки, вскрывались конверты, торопливо тикал секундомер. Словно в телепередаче «Что? Где? Когда?». Вопросы самые разные: касались и литературы, и природы, и спорта. И, конечно, шахты. Через какой-нибудь час команды взрослых и школьников перемешались, но этого, кажется, никто не заметил. Было суетно и весело. Кто проиграл, кто выиграл — того не сказать.

Потом, напившись чаю, пересели за большой круглый стол, и звеньевой Валерий Чернушенко обратился к ребятам:

— Теперь давайте решим, что будем делать в следующий раз.

И загалдели:

— Хочу научиться ездить на «Буране»...

— ...А я — охотиться на лыжах на зайцев...

— Давайте проведем футбольный матч на снегу...

— Давайте помечтаем: какой будет шахта через пятьдесят лет.

— Позвольте и мне тему,— сказал Валерий.— Вы уже выпускники, скоро десятый класс. Что делать дальше? Давайте поговорим. Годится?

— Годится...

«Перед стаей взлетающих лет...»

ариса Васильева. Это имя появилось в нашей литературе в щедрую на поэтические таланты пору — в середине шестидесятых годов. Многие помнят, что в то время отвоевать и закрепить за собою определенное художественное пространство было делом нелегким. Но еще труднее бывает, мы знаем, удержаться в пути, не разменять свой талант, не растратить его по пустякам. Как правило, удается это тому, кто смолоду интуитивно сумеет понять характер своего дарования и разгадать тайну этой силы.

Я глубоко убеждена в том, что существует два рода вдохновения. Они в корне отличны друг от друга, как отличны земля и ложащееся в нее семя, набухшая влагой туча и живительный, падающий на ниву дождь,— вдохновение, в основе которого лежит мужское начало, и вдохновение женское, познающее и раскрывающее мир со своей стихийной стороны. Смешивать их — значит не до конца понимать суть творческих начал в природе.

Лариса Васильева — поэтесса, и она никогда не открещивалась от этого звания, ибо с первых лет в поэзии осознала свой путь и свое предназначение.

Все было — полет и паденье,
слепая попытка прозреть
и горькое это уменье
от всякого счастья стареть.

Всегда мне беду приносило
желанье все сердцем познать.
О, эта проклятая сила,
что слабостью принято звать!

Две последние строчки, на мой взгляд, являются своеобразным ключом ко всей лирике Л. Васильевой. Ярко выраженное женское начало, выросшая из эмоции мысль, постигнутая ценою страдания глубина — вот ее характерные опознавательные знаки. Ибо высшая житейская мудрость открывается не в сложных философских исканиях, не в тишине кабинетов и библиотек, ее преподносит сама живая, горячая жизнь. Отсюда вытекает и так органически сочетающееся в стихах поэтессы дочернее и материнское ощущение жизни.

Быть хозяйкой Московского моря
и дремучих Мещерских болот,
знать, куда тихоструйная Воря
утомленно и долго течет,

в каждом мальчике чувствовать сына,
в старике проходящем — отца
и радеть, чтоб лихая година
не коснулась родного лица.

Да, именно дочерне-материнское чувство родства со всем живым, изначальное корневое чувство. И тем сильнее оно, чем меньше себя в нем приукрашивает автор. Вначале счастливо-возвышенное, оно постепенно становится горько-земным, болевым от личных утрат и вместе с тем весомым от сознания исполненного на земле долга и предназначения: «Пока я молчала и пела, бурьян на могиле отца...», «И в завтра шла я под защитой единственно надежной — сын!», «Живущей родней небогата, чужие скликаю миры, ты мне не оставила брата и не подарила сестры, затем ли в сознании остро — свет радости в волнах тоски: все женщины — милые сестры, все братья мои — мужики...».

Из этого же чувства родства с людьми вытекает и не случайное в стихах поэтессы ощущение себя не только на русской земле, но и в русской истории реально действующим лицом. Лирической героине Л. Васильевой доступны любые измерения. Она и княгиня Ольга, и Глебовна, она и Василиса, сбросившая лягушачью кожу, и знаменитая Ярославна. И вместе с тем это до боли знакомая, усталая, и жизнерадостная, и вполне земная наша современница. Кстати, хочу заметить, что Лариса Васильева одной из первых в наши дни «открыла» эффект своеобразной персонификации сказочных женских образов и «воскрешения» в себе подлинно исторических лиц. Ведь замечательная поэма «Княгиня Ольга» опубликована ею почти двадцать лет назад! И это уже потом, потом появились в некоторых стихах все эти муляжные персонажи князей. Но у Ларисы Васильевой музыка истории столь естественна, живопись древнего быта доподлинна, а чувство фольклорного элемента столь органично, что не возникает даже намека на дешевую стилизацию. «Соткана моя Луна из зеленых веток хмеля, из упругих ниток льна да из русых прядей Леля!»— воскликнула она в одном из первых своих стихотворений. Эта доминантная тема развернется чуть позже широко и займет основное место в творчестве поэтессы. «Я не томила сердца грустью, почерпнутой из старых книг, а просто чувствовала Русью себя и спутников своих»,— скажет она в одном из стихотворений последних лет. «Лирика Ларисы Васильевой густо населена тенями давних времен. Впрочем, называть тенями «разбуженную Русь» автора поэмы «Княгиня Ольга», «Воспоминания о «Слове о полку Игореве» не поворачивается язык. Историзм здесь настолько вещен, объемен, красочен, что слово «тени» становится лишь привычной метафорой. Обычная для поэтессы эмоциональная струя выводит ее героев из давнего далека в мир современных печалей и радостей»,— писал в предисловии к «Избранному» Л. Васильевой ее старший товарищ—прекрасный русский поэт Сергей Наровчатов.

Настоящий поэт не выбирает себе темы. Он с ними рождается. Четыре темы — «любовь, судьба, война, мечта» — пришли к Ларисе Васильевой из подсознания, из-под спуда чувств и ощущений, из начала памяти. «Четыре темы у меня, четыре мрака и огня: любовь, судьба, война, мечта; и каждая простым-проста, и каждая старым-стара...»— так с нарочитой декларативностью определяет она суть своего творчества. Дитя войны, она остро помнит, как «шли танки Т-34 в тревожную трудную даль», как «бежали» в эвакуацию теплушки, как наступил долгожданный День Победы. Из этой вечной для нашего народа темы войны возврата нет. И поэтому вслед за лирикой ложится на письменный стол эпический пласт воспоминаний. Памяти создателей легендарной «тридцатьчетверки», памяти отца, одного из конструкторов этого танка, посвящает Лариса Васильева «Книгу об отце». Я знаю, какую огромную почту вызвал этот роман, эмоционально насыщенный, написанный с позиции активного гуманизма. Здесь надобно сказать, что вообще проза Ларисы Васильевой — и посвященная современной Англии книга «Альбион и тайна времени», и публицистически прямые выступления в газетах, и тонкие критические статьи о текущем литературном процессе — вызывает широкий читательский отклик. Мне думается, происходит это потому, что перед нами во всем, вопреки всему и прежде всего встает Поэт — многомерный и пространный, пронзительный и нежный, светлый и тревожный, вполне известный и не до конца прочитанный...

От «Льняной луны», увидевшей свет в 1966 году, до новой, только что сданной в производство книги «Я жду тебя на перекрестке неба» лежит дорога в двадцать «поэтических лет».

Без особой вины виновата
перед стаей взлетающих лет,
погляжу на сиянье заката
и увижу грядущий рассвет.

Я к любым испытаньям готова,
на крутом повороте стою
и в мученьях рожденное слово
за поступок лихой отдаю.

Время слова и время поступка в творчестве всякого истинного поэта нерасторжимы, как нерасторжимы в нем душа, способная любить, и все то, что облекает эту душу в плоть, как нерасторжимы прошлое, настоящее и будущее. Близ многолиственной «Рощи», на крутом повороте, за которым открывается неисчерпаемая даль, стоит, не пряча лица от суровых ветров двадцатого века, лирическая героиня Ларисы Васильевой.

Так пожелаем ей новых лирических взлетов, открытий, путей!

Надежда КОНДАКОВА

ПРАВДА ВОЙНЫ

Как-то спросила я одного прозаика, над чем работает. «Пишу документальную повесть о герое, прошедшем три войны,— ответил он.— Только вот... Понимаешь, прочел тут подаренную другом книгу. Порадовался за него: с такой страстью, а главное, с любовью и знанием дела о летчиках-истребителях, по-моему, еще никто не писал. И характеры здорово разработаны, и ситуации удивительно правдоподобны. Впрочем, не то слово — это же и есть сама правда. И язык очень точный... Прочел и понял: так я никогда не напишу. И вообще стоит ли терять время?..» Успокоила его: стоит — так не напишешь, напишешь по-своему. А говорил он о сборнике документальных повестей и очерков Виктора Погребного «Запорожская быль», выпущенном издательством ДОСААФ.

Достала я эту книгу и, не отрываясь, прочла. Затем стала перечитывать отдельные места: хотелось понять, чем же подкупил меня автор — сюжетом, языком, умением? Казалось, все то, что происходит в повести, совершалось при мне, в моем присутствии. Я жила жизнью героев, своих новых друзей и просто знакомых. Мне теперь не забыть ни Прохора Петровича, ни его однополчанку Марию — я была вместе с ними от их случайной встречи на проспекте Ленина в сегодняшнем Запорожье до последней страницы повести.

И была в августе сорок первого на Хортице в одной траншее с рядовым Прохором Глухинским, с его другом Павлом Окорковым, с бойцами-пиротехниками из отдельного батальона МПВО на западном берегу острова. Видела соединявший Хортицу с правым берегом Днепра красавец мост, который предстояло взорвать, если враг овладеет переправой, и видела бой за эту переправу, слышала крики, канонаду, несмолкаемый гул, рев летящих на Запорожье «юнкерсов», взрывы бомб, пальбу зениток. Помогала рядовому Окоркову перевязать тяжело раненного комбата майора Шесталова, бывшего летчика, сражавшегося в небе Халхин-Гола. Вместе со всеми переживала, следя из траншеи, как Павел Окорков перебежками уносил на себе из зоны обстрела комбата. На моих глазах немцы ворвались под вечер на мост, и помчались по нему их танкетки и мотоциклы, бежали солдаты. И я ждала затаив дыхание — вот достигнут они середины моста, будет сильный взрыв, и полетят эти танкетки, мотоциклы, фашистские солдаты в Днепр. А в это время взрыв раздался сзади — немецкой миной накрыло наш блиндаж вместе с комиссаром батальона и командиром роты. Связь еще работала, и мы успели сообщить в город командованию, что наш мост не взорван. И тогда взорвали другой мост — с Хортицы на Запорожье. Похоронили погибших, собрали их оружие, документы, пересекли остров, связали ремнями бревна и поплыли через широкий Днепр к запорожскому берегу. В вечерних сумерках я видела взрыв Днепрогэса, и сердце мое защемило от боли.

И тут я догадалась: в образе Прохора Петровича сам автор. Иначе, не пережив все это, так не напишешь. Ведь я Прохора знаю сейчас с самого детства.

Так написать о войне, так рассказать об авиаторах, как в повестях «Запорожская быль», «Степан и Стефан» и очерке «Вадим Фадеев», мог лишь только писатель, изнутри узнавший все тяготы войны.

Да, всю войну Виктор Погребной был на фронте в авиации дальнего действия, и написанное им — это плод большого труда литератора, до тонкостей знающего то, о чем пишет, вложившего в каждого героя часть своей души. Потому и невозможно отличить в его произведениях художественный домысел от действительности: все истинная правда, правда жизни, горькая правда войны.

А. ТОКАРЕВА

Виктор Погребной. Запорожская быль. М., изд-во ДОСААФ, 239 с.

НОВЫЕ СТИХИ И ПЕРЕВОДЫ

Михаил АКСЕНОВ

Свое первое стихотворение Михаил Аксенов напечатал в нашем журнале в 1963 году. В 1970 году в издательстве «Советская Россия» с предисловием Дмитрия Ковалева вышла его книга стихов и переводов с французского «Перо и мастерок». Тогда же в издательстве «Наука» в серии «Литературные памятники» вышла книга: Шарль Бодлер «Цветы зла», где напечатано шесть стихотворений в переводе Михаила Аксенова. Сонет Шарля Бодлера «Теодору де Банвилю» не вошел в это издание. Мы публикуем новые стихи и переводы поэта.

НЕ ИССЯКАЕТ ЧУДАКОВ

Нищего обходят стороной,
Будь это Бодлер или Сервантес.
Это после монумент горой,
И осанка величавая, и важность.
А при жизни все бегут его.
В лицах скорбь: «В семье не без урода!»
Умирает, рядом никого,
Будто никакого нет народа.
И кладут в могилу бедняков.
Где могила эта?..

Неизвестно!
Но не иссякает чудаков!
Что земля без них?..
Пустое место!
Вот, я вижу, кто-то первый стих
Написал
И посмотрел на небо...
Как прекрасен просветленный лик!
Что он видит,
Зрит какую небыль?
Далеко его мечты сейчас.
На лице не видно ни морщинки...
Верю я: придет суровый час,
К его сердцу не пристанут льдинки.
Мчится по волнам его корабль!
Пожелаем быть ему
не слабым!

Куда же детство может деться?..
Да никуда, раз ты поэт!
Я знаю, детство — мудрость сердца.
И тут противоречий нет.

Вот солнце медленно уходит,
Секунда — и совсем ушло.
По небу розовое бродит.
На сердце радостно, светло.

На мир глядит поэт-ребенок!
Он открывает красоту!
Пар от реки белес и тонок,
Лениво вьется в высоту.

Равнину сумерки объемлют,
Сияет дальний храм, как меч.
Как не любить нам эту землю,
Как эту землю не беречь?..

Земля твоя с тобой до смерти.
Умрешь — землею станешь сам.
Вы в красоту
и в детство
верьте,
Как чистым
верите
стихам!

ЕСЕНИН

Те строки
На века,
Где кровь омыла строки.
Есенина
Строка!
Здесь чистой крови столько,
Что даже оторопь берет.
И хорошо!
И пусть берет!
Так, значит, жив поэт!
Живет!
Откройся миру так, поэт,
И прочерти
такой же след!

ИЗ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ

Альфонс ЛАМАРТИН

КНИГА ЖИЗНИ

Книга жизни! Какая с ней книга сравнится?
Я прочел ее всю за страницей страницу.
Вот и книги конец...
Как хотел бы я, люди,
Эту книгу великую вновь перечесть!
Мы б хотели открыть ту страницу, где любят,
А рука открывает страницу, где смерть.

Шарль БОДЛЕР

Теодору де Банвилю

Как гриву конскую в кулак вы взяли смело!
Богиня землю бьет. В больших зрачках испуг.
Любовник дерзкий так овладевает вдруг
Своей любовницей небрежно и умело.

Природа к вам щедра. Свободно, без стеснений
В Элладу древнюю ваш звонкий стих летит.
Вы подарили нам семью «Кариатид»!
И много в будущем создаст ваш зрелый гений!

Искусство каждый день от нас уносит кровь;
Напрасно ли Центавр смертельный свой
покров —
Не забывай, мой друг, его и мы надели,—

В слюну чудовищ-змей три раза погрузил?..
Их задушил Геракл ребенком в колыбели.
Так у тебя, поэт, в избытке юных сил!

Клод СЕЛЬЕ

ОСТАТЬСЯ РЕБЕНКОМ

Былое ворошить, лежать, смотреть в потемки,
Терзаться ревностью, что ты с другим вдвоем.
О, лучше б навсегда остаться мне ребенком,
Чем горько слезы лить о жребии своем.

Ребенком, чьи уста благоухали правдой.
Он зла не знал еще, не знал он лживых слов.
На небе облака следил он долгим взглядом,
И был он рыцарем, и бил своих врагов.

Картины милые, воспоминанья детства
В тяжелый час спасают не они.
Опору нам дают вся мощь и крепость сердца,
Служенье красоте, что подвигу сродни.

Ты бросила меня, смотри, как стих мой плачет.
Сегодня я шагнул навстречу той удаче,
Которую дает любви тяжелый плен.

Былое ворошить, лежать, смотреть в потемки,
Терзаться ревностью, что ты с другим вдвоем.
О, лучше б навсегда остаться мне ребенком,
Чем горько слезы лить о жребии своем.

УСКОРИТЕЛЬ — АГРАРНОЕ НПО

РАБОТА — НА КОНЕЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОКРАТИЛИСЬ СРОКИ ВНЕДРЕНИЯ

строка в Продовольственную программу

ПЕРЕСТРОЙКА

Александр ЩЕРБАКОВ, фото Игоря ГАВРИЛОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

НАДЕЖНЫЙ СОЮЗ

Разговор наш шел о нынешней деревне. Директору совхоза «Путь Ильича» Федору Афанасьевичу Грэждяну я задал вопрос: часто ли он, молодой сравнительно руководитель, советуется со стариками?

— Советуюсь,— ответил директор,— даже тогда, когда знаю, как поступить. Но ведь вот какая штука: того, чем владели они, нам мало. Даже самое передовое двадцатилетней, скажем, давности сегодня не подходит. Так же, как немного теперь проку от низкопроизводительного комбайна или от конной сеялки. Между прочим, Аба Яковлевич Гохберг убежден, что без научно-технического прогресса ни о какой интенсификации в аграрном производстве не может быть речи. А без нее — топтание на месте. Суть в том, как лучше союз науки и производства образовать.

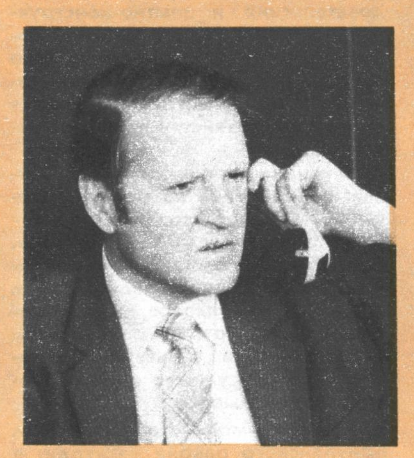
Об этом в республике начали думать давно и пришли к убеждению, что наиболее подходящи научно-производственные объединения—структура, в которую можно удачно вписать научно-исследовательские учреждения, опытные станции, конструкторские бюро, экспериментальные заводы или цехи, селекционные комплексы, перерабатывающие предприятия и, наконец, непосредственных производителей сельскохозяйственной продукции. Им — единую, сбалансированную по ресурсам и целям программу, им — поддержку всех руководящих инстанций, с них — жесткий спрос за конкретные результаты. Так определилась схема.

Но схема никому не нужна, если она не наполнена жизнью. Процесс создания НПО протекал сложно, порой болезненно. Прежде всего потому, что потребовал ломки устоявшихся человеческих привычек, ориентиров, оценок.

— Помню, вызвали меня и предложили возглавить научно-производственное объединение по животноводству «Заря».— Теперь Василий Петрович Федоряка говорит об этом с улыбкой. А тогда...— Тогда я крепко задумался. Председатель колхоза. Хозяйству отдал несколько лет, и не зря. Показатели устойчивые. От добра ведь, принято считать, добра не ищут. Тем более новое дело. Масштаб. Надежды. А что получится — только время покажет... Трудно далось мне решение. Склонили возможность в науке свои силы попробовать и какое-то ревнивое опасение остаться в стороне от большого, заманчивого своими перспективами поиска.

Специалист-практик колебался. А представьте себе кабинетного ученого, который привык в тиши лаборатории безмятежно прослеживать какую-нибудь бесконечную по протяженности и неуловимую по конкретности тему... И вдруг ему предлагают: изволь работать на результат! А представьте директора совхоза, который правдами-неправдами сводил концы с концами, гнева начальства посему избегал, а за славой гоняться себя не приучил и жил припеваючи... И вдруг ему объявляют: приписываем к твоему хозяйству ученых, за успех их экспериментов и с тебя спросим!

Словом, психологическая переналадка людей потребовалась серьезнейшая. Организационная, разумеется, тоже. Сейчас в Молдавии 11 научно-производственных объединений аграрного профиля. В них девять научно-исследовательских институтов, 122 совхоза и совхозы-заводы, конструкторские бюро и опытные станции, экспериментальные базы... Тут трудятся 62 тысячи производственников и около тысячи научных работников — почти половина из тех, что заняты в аграрно-промышленном комплексе республики. Их проблемами занялись и представители фундаментальной науки — физики, математики, генетики. Отделение биологических и химических наук Академии наук Молдавской ССР, например, сотрудничает с восемью научно-производственными объединениями по 37 темам, на которых сосредоточены силы более чем трехсот ученых. В 1980 году создан Республиканский совет по координации межведомственных научно-технических проблем, руководить им поручено республиканской Академии наук. В рамках Совета разрабатывается 15 республиканских программ, 13 из них охватывают интересы агропромышленного комплекса. В программах участвуют шесть вузов, 29 всесоюзных и отраслевых научно-производственных объединений и предприятий.

В. П. Федоряка.

ГРАНИ ПОТЕНЦИАЛА

Ну, а как раскрылся потенциал научно-производственных объединений?

НПО прогнозируют развитие отраслей сельского хозяйства, занимаются выведением новых сортов и гибридов, новых пород скота, внедрением прогрессивного в практику, разработкой оптимальных технологий, вторгаются в сферы экологии, ищут средства борьбы с болезнями животных и растений... Все главные отрасли сельского хозяйства Молдавии в научно-производственных объединениях представлены широко и объемно.

Результаты, естественно, подтвердили правильность выбора пути. Особенно по срокам внедрения новых разработок и новых сортов и гибридов. Если прежде путь от лаборатории до поля занимал шесть-семь лет, то теперь выведенные и апробированные сорта и гибриды появляются на колхозных и совхозных полях через год-два. Исчезла необходимость «тащить» их через несметное количество научно-административных инстанций, «проращивать» в кабинетах чиновников, «удобрять» протоколами, резолюциями, справками... Найденное сразу проверяется в хозяйстве.

...В совхозе «Григориопольский» откормочный комплекс на десять тысяч голов крупного рогатого скота. Совхоз включен в НПО «Заря», и научная работа идет непосредственно в хозяйстве. Лаборантка Института животноводства и ветеринарии Людмила Куницкая каждый день снимает показания опытной откормочной группы. Бычки красной степной породы — суточный привес 897 граммов, бычки новой выведенной институтом породы «чернопестрая молдавская».— 1-е поколение — суточный привес 1057 граммов, 2-е — 998, 3-е — 987... Людмила все заносит в журнал, фиксирует расход кормов на единицу привеса, эффективность разных компонентов рациона... Периодически сюда приезжают ученые института, результатами постоянно интересуется заведующий отделом скотоводства, кандидат сельскохозяйственных наук Сергей Ефремович Килимар. А что касается практиков, они рядом, начальник откормочного комплекса Николай Васильевич Кравченко, зоотехники, ветеринары...

Контакты с наукой на пользу совхозу. В подтверждение — показатели его хозяйственной деятельности. За девять месяцев 1985 года совхоз продал государству 2806 тонн говядины. Средний вес снимаемого с откорма быка — 506 килограммов, а себестоимость центнера говядины — 138 рублей. За 1984 год чистая прибыль совхоза составила 3 миллиона 681 тысячу рублей. Хорошие показатели.

ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ

Это понятие с появлением научно-производственных объединений приобрело более емкий и более современный смысл. Очень верно сказал генеральный директор НПО «Гибрид» Савва Константинович Арнаут:

— Разобщенность производства и науки приводит к нелепой ситуации, когда ученому безразлично, быстро ли дойдет его «тема» до производственной реализации, и дойдет ли вообще. НПО дают возможность ученому раскрыться, проявить масштабность понимания задач и целей науки, современность мышления. Если будут узаконены (материальный принцип,

и работать добросовестно — тоже нынче недостаточно. Основа необходима иная — научная, индустриальная. Только на ней можно рубежи одолеть, которые сельскому хозяйству жизнь определила. Иначе — нет!

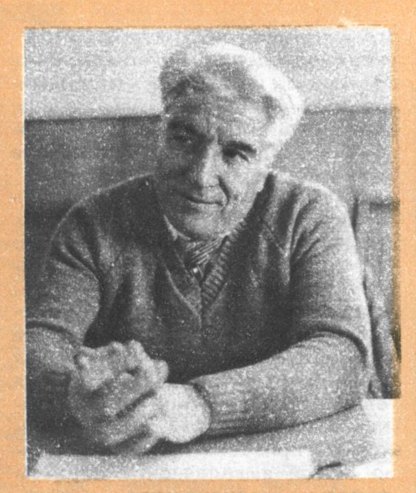
Чуть раньше непосредственный начальник Федора Афанасьевича — генеральный директор научно-производственного объединения «Селекция» Илья Петрович Унтила выразился так:

— То, что лежало на поверхности, сельскохозяйственная практика взяла. Теперь надо брать из глубин. А проникать туда возможно только сообща, в объединении производства и науки.

И коллега Унтилы — генеральный директор научно-производственного объединения «Виерул»

И. П. Унтила.

С. К. Арнаут.

само собой разумеется, остается в силе) нормы вознаграждения ученых за внедрение разработок в производство, научный потенциал объединений умножится.

А заинтересованность хозяйств... Тут, думается, очень ценна мысль Ильи Петровича Унтилы:

— Может, прозвучит парадоксально, но сегодня далеко не все колхозы и совхозы заинтересованы внедрять новое. Ведь оценка их деятельности производится лишь по цифрам выполнения государственных планов, а не по прогрессивности подхода к действительности, не по умению и желанию жить духом вечного стремления вперед. В сводке благополучно выглядишь, район назад не тянешь — значит, передовик. А таким передовикам иной раз новое мы вынуждены, что называется, под нажимом внедрять. Сейчас партия ориентирует на то, чтобы методы административного управления хозяйством заменять методами экономического управления. Помните, Михаил Сергеевич Горбачев в докладе на совещании по вопросам ускорения научно-технического прогресса нацеливал: «Ведущее место в планах должны занять качественные показатели, отражающие эффективность использования ресурсов, масштабы обновления продукции, рост производительности труда на основе научно-технического прогресса».

Перестроимся, тогда изменится сам смысл понятия «внедрение», жизнь заставит всех без исключения искать новое, заинтересованно за него бороться.

В научно-производственных объединениях такая перестройка уже совершается. Пусть не всюду гладко, пусть не всегда «на ура», но совершается. И самый мощный рычаг здесь — психологическая убедительность политики руководителей НПО, которая обеспечивает непременно убедительность экономическую, то есть реальный результат.

Нельзя не заметить и не подчеркнуть, что генеральные директора молдавских научно-производственных объединений, как правило, прошли серьезную школу управления хозяйствами и потому так близко к сердцу принимают интересы земли и так смело доверяют ее науке. Савва Константинович Арнаут был агрономом МТС, главным агрономом колхоза, председателем колхоза; Аба Яковлевич Гохберг работал управляющим отделением в совхозе, а потом директором совхоза; Илья Петрович Унтила начинал агрономом колхоза; Василий Петрович Федоряка — ветеринарным врачом колхоза, затем стал председателем...

Несомненно, и Александр Александрович Жученко — президент Молдавской Академии наук — приобрел в совхозе, где директорствовал вскоре после окончания института, то глубокое и чуткое понимание забот деревни, которое побудило его, президента академии, поворачивать научно-исследовательские институты лицом к полям и фермам, искать лучшие варианты стыковки фундаментальной и прикладной наук, вводить систему проблемно-целевого планирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских задач; а как ученого побудило взяться за экологическую генетику, нацеленную на расшифровку кодов, которые откроют сельскому хозяйству новые горизонты.

Влияние научно-производственных объединений на аграрную отрасль народного хозяйства не ограничивается чистой «ученостью». Специалисты институтов постоянно общаются со специалистами совхозов и колхозов, и тем, конечно, передаются и тяга к прогрессивному, и культура отношения к делу, и умение широко, основательно мыслить.

...Совхоз имени Карла Маркса Криулянского района не входит в состав НПО «Гибрид», но главный агроном этого хозяйства Андрей Георгиевич Спыну в Институте кукурузы и сорго, можно сказать, свой человек. То приходит к ученым советоваться, то зовет их на поля на что-то взглянуть, что-то оценить, то просит помочь разобраться в чьей-то теоретической позиции, изложенной в журнале или монографии. С этого начались контакты. Продолжились они на агроучебе в совхозе — Спыну позвал, а сотрудники института Шабала, Розинский, Затучный откликнулись.

— Давайте и экспериментировать вместе,— предложил агроном.— Пользу извлечем обоюдную.

И тут интересы их не разминулись. На совхозных полях отрабатывается новая технология внесения и заделки гербицидов. Институт взялся изготовить для совхоза два культиватора, нужных для этой технологии.

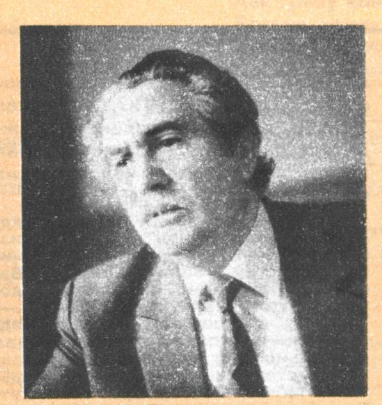
— Как я и рассчитывал,— Андрей Георгиевич пересыпает из горсти в горсть янтарное кукурузное зерно, и видно, что ему доставляет удовольствие рассказывать об удаче совместного поиска,— сотрудничество с институтом здорово подтянуло нашу аграрную культуру. А с ней пришла стабильность урожаев. Мы сеем пятьсот гектаров кукурузы, и сборы 55—60 центнеров зерна на богаре стали устойчивыми даже в годы, когда погода не хочет выступать в роли нашего союзника. Пошли дальше. Попробовали на пятнадцати гектарах высеять гибрид «Молдавский-400», выведенный в институте, и в первый же год собрали по 65 центнеров зерна с гектара. НПО помогает нам освоить интенсивные технологии и на других культурах. Можно ли не дорожить таким содружеством?!

ЗАБОТЯСЬ О ЧЕЛОВЕКЕ

А горизонты все шире и шире. Постепенно и социальный уклад сельского бытия под влиянием взаимодействия науки и производства меняется к лучшему. В совхозе «Путь Ильича» в год строится до тридцати добротных домов, благоустраиваются улицы, а здешним Дворцу культуры и детскому саду может позавидовать даже большой город. Не менее важны формирование человеческих интересов и выбор, который с каждым годом увереннее делают крестьянские дети. В нынешнем году четверо из «Пути Ильича» поступили в сельскохозяйственный институт. Закономерностью стало выдвижение здешних специалистов: бывший главный агроном совхоза Александр Ильич Середюк — главный специалист по семеноводству сахарной свеклы Министерства сельского хозяйства СССР, бывший главный инженер Федор Митрофанович Банух — председатель Совета агропромышленного комплекса в Рышканском районе, бывший главный зоотехник Анатолий Яковлевич Нику — председатель колхоза «Новая жизнь», а бывший главный агроном Валентин Иванович Каразан — директор элитхоза «Путь к коммунизму»...

Вот как идет процесс. Руководители НПО пристально следят за его развитием и стараются придавать ему самый современный характер. Аба Яковлевич Гохберг на этот счет рассуждает так:

— Убежден, что все большее значение для молодежи, перед которой встает вопрос — оставаться или не оставаться в селе? — приобретает интересность, привлекательность труда. После школы, конечно, не тянет грузить мешки или сгребать солому... Когда ребята видят, что на поле, на ферме можно применить знания, полученные в школе, они иначе относятся к предложению связать с сельским хозяйством свою судьбу. Мы учитываем это, когда ведем в совхозах исследования, когда выступаем перед рабочими с лекциями, когда пропагандируем школу мастеров, созданную в НПО.

А. Я. Гохберг.

Генеральный директор «Виерула» не распространяется насчет последовательности и упорства, с какими в НПО делается все, что касается улучшения условий жизни людей. Тут и прекрасный профилакторий, и базы отдыха, и детские учреждения; непрерывно строится жилье, приводятся в порядок дороги; генеральный директор не упускает из поля зрения торговлю, бытовое обслуживание... Правильность такого подхода подтверждается результатами хозяйственной деятельности. Экономический эффект от внедрения в республике разработок НПО «Виерул» составил за 1981—1984 годы 29,8 миллиона рублей; годовая прибыль объединения превышает шесть миллионов рублей. А это значит, есть постоянная возможность вкладывать средства в сферы, гарантирующие увеличение жизненных благ.

Научно-производственные объединения развиваются в Молдавии на основе солидных, обоснованных планов. Сейчас, как и во всей стране, выверяются, взвешиваются расчеты на двенадцатую пятилетку, когда должен быть дан полный простор научно-техническому прогрессу. В НПО ищут такие пути и при этом надеются, что исчезнут те несообразности, из-за которых эффективность научно-производственных объединений ниже, чем следовало ожидать.

Пока не удается добиться устойчивого баланса планов внедрения научных достижений и планов материально-технического обеспечения НПО. Сплошь и рядом практическое использование научных разработок тормозится из-за того, что хозяйства не могут получить нужных машин, нужного количества удобрений и гербицидов. Кстати, фонды хозяйств, входящих в НПО, и хозяйств, занятых только производством товарной продукции, почти не разнятся.

Тем более есть, к сожалению, и другие к тому поводы. Взять, например, входящие в НПО семеноводческие хозяйства. Их первейшая задача — продавать элитные семена, но им же доводятся планы продажи государству товарного зерна, причем проданные семена в них не включаются. Вот и возникают бесконечные конфликты с районными властями: с тех спрашивают за хлебопоставки, и им выгодно препятствовать (вот какие живут парадоксы!) в угоду все тому же валу прогрессивной деятельности хозяйств НПО, с которыми районы связаны в основном административно, а не экономически.

Много неурядиц возникает из-за пресловутого принципа планировать «от достигнутого»; из-за организационного разнобоя, прежде всего ведомственного; из-за недостаточно четких правовых норм, определяющих положение НПО.

Хорошая уродилась кукуруза! * Установка для работы с радиоактивными элементами * В музее объединения «Виерул».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Президент АН МССР А. А. Жученко * В камере искусственного климата * Деловой разговор. Заведующий отделом скотоводства НПО «Заря» кандидат сельскохозяйственных наук С. Е. Килимар и лаборант Людмила Куницкая * Родные просторы * Идет сбор яблок.

ОСТАПЧУК М 1898
ОСТАПЧУК П М
ОХНІВСЬКИЙ Я 1923
ПАЛЬЧАСТА С 1894
ПАЛЬЧАСТА Н
ПАЛЬЧАСТА К К 1893
ПАЛЬЧАСТА Н К 1921
ПАЛЬЧАСТИЙ Х П
ПАЛЬЧАСТИЙ М Т
ПАЛИ Г С
ПАЛИ К С
ПАЛИ М А
ПАЛИ П Я
ПАЛИ С Ф
ПАЛИ С Я
ПАЛИ Т Я
ПАЛИ Ф М
ПОЛЕХА С Д
ПОЛЕХА В С
ПОЛЕХА У М

память

ТОТ ДЕНЬ ТРАГЕДИИ

Память — это сопереживание...

В тот апрельский тысяча девятьсот сорок третьего года день 617 человек были сожжены и расстреляны.

Малые дети, их матери, старики — все, кто оказался тогда в деревне Молотков, что стояла на самой границе Тернопольщины. Фашистские каратели окружили село автомобилями и мотоциклами, согнали жителей на площадь — она была где-то здесь, неподалеку от мемориала. Поутру пришли в село два странника — слепой старик и его поводырь, совсем еще мальчонка. Они тоже попали в облаву. Их тоже убили.

Где-то раздалась первая автоматная очередь, вторая... Потом уже некому было услышать выстрелы: люди падали, сраженные пулями. Каратели добивали тех, кто был только ранен.

Спокойно и расчетливо проверяли фашисты дома и подворья: не уберегся ли кто, не спрятался ли? Раскрыли двери кузницы и затолкали туда столько молотковцев, сколько могло вместить это строение. Забили двери, заколотили окна. И подожгли кузницу...

Только пепел да печные трубы остались от Молоткова.

Дети, женщины, старики. Сейчас их имена в камне памятной стены в скорбном списке. И безымянный ряд: не всех погибших смогли распознать.

— Весь наш район, вся область принимала участие в сооружении мемориала,— рассказал нам первый секретарь Лановецкого райкома Компартии Украины Владимир Федорович Гладун. — Первыми на доброе это дело поднялись комсомольцы. Они заработали несколько сот тысяч рублей. Фонд мемориала полнился быстро. Стройка стала народной. Сюда приходили и приезжали, чтобы принести горсть земли или положить кирпич...

Сейчас мемориал — это стена Памяти, скульптуры скорбящей Матери и Воина, охраняющего покой погибших односельчан. Это и музей, рассказывающий о трагедии села Молотков, о непобедимости духа тех, кто жил в ту пору здесь, кто сражался с оккупантами.

А на месте сожженного села — новое. От мемориала к нему ведет улица. Она поднимается к светлым окнам детского сада, к школе, к зданию сельского Совета, к торговому центру... Вокруг — дома и сады.

626 человек живут сегодня в Молоткове. И, проходя мимо мемориала, преклоняют они головы перед теми, кого нет среди живущих. Память — это свойство души, это — сопереживание.

К. БАРЫКИН,
фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА,
специальные корреспонденты «Огонька»

село Молотков,
Тернопольская обл.

Чокан Чингисович Валиханов (1835—1865) — выдающийся казахский ученый и просветитель, отважный путешественник, публицист, общественно-политический деятель, 150-летие со дня рождения которого отмечается в эти дни.

В годы юности Валиханову посчастливилось встретиться с Ф. М. Достоевским, предсказавшим его путь — стать первым, кто откроет для России жизнь своего народа, кто будет способствовать взаимопониманию между людьми разной веры, разных языков и наречий.

Ч. Валиханов прозорливо утверждал, что политическое и культурное будущее казахов — в союзе с Россией. Он оставил после себя труды по географии, истории, энографии, экономике и социологии, многочисленные записи казахского фольклора. Ему были дороги и близки судьбы других народов Азии — киргизов, уйгуров, дунган.

Жизнь Валиханова — яркий пример влияния передовой русской мысли на рост самосознания других народов, входящих в состав России. Тесная дружба связывала его с П. П. Семеновым-Тян-Шанским, Г. Н. Потаниным, Д. И. Менделеевым, А. Н. Майковым, Я. П. Полонским, А. Н. Бекетовым.

Мы рассказываем сегодня о русских людях, сыгравших большую роль в становлении выдающегося казахского просветителя.

страницы минувшего

СИБИРСКИЙ ЛИЦЕЙ

Ирина СТРЕЛКОВА

В конце лета 1847 года старший султан Кушмурунского округа майор Чингис Валиханов привез в Омск своего сына, двенадцатилетнего Чокана, чтобы определить в Сибирский кадетский корпус.

Султан Чингис принадлежал к самой верхушке степной аристократии. Он был сыном последнего казахского хана Вали и внуком прославленного в легендах хана Аблая, присягнувшего в 1739 году на подданство России, чтобы спасти свой народ от истребительных нашествий джунгар.

Закончив в юности Азиатскую школу при училище Сибирского линейного казачьего войска, султан Чингис заметно выделялся среди большей частью неграмотных степных правителей. Он недурно говорил по-русски и принимал у себя в ауле путешественников и ученых, исследовавших жизнь казахов. Существует вполне обоснованное предположение, что среди русских друзей Чингиса в Омске были и служившие там декабристы Н. В. Басаргин и С. М. Семенов. Рукой декабриста В. И. Штейнгеля написано служебное указание султану Чингису Валиханову собирать песни, сказки, пословицы казахов и заниматься археологическими изысканиями. В этих научных занятиях ему рано стал помогать развитой не по годам старший сын, Чокан.

Как сын султана, состоящего на службе, Чокан имел право обучаться в кадетском корпусе за казенный счет. В корпус принимали мальчиков с десяти лет, но Чингис не торопился. В Кушмуруне Чокан получил положенное султанскому сыну образование. Он посещал казахскую школу, построенную отцом. Учитель — мулла, присланный русским начальством, занимался с Чоканом восточными языками и толковал мальчику коран. По традиции султанскому сыну полагалось владеть семью языками Востока, но вряд ли сам мулла был настолько учен. Однако доподлинно известно, что поарабски Чокан свободно читал и писал с самого раннего детства и через арабский ему открылась поэзия Востока. Уроки рисования никоим образом не входили в программу обучения султанских сыновей, но в Кушмурун прибыли военные топографы, они обратили внимание на способности Чокана, научили его работать карандашом, пером и акварельными красками.

В Омске Чингис препоручил сына заботам своего давнего приятеля толмача В. И. Дабшинского. Первым делом требовалось сыскать для Чокана однолетка в товарищи, чтобы мальчик не оказался одиноким в корпусе. И Дабшинский нашел двенадцатилетнего кадета Григория Потанина, сына отважного офицера Николая Ильича Потанина, совершившего немало путешествий в глубь казахских степей.

«Я увидел Чокана в первый раз еще до его поступления в корпус, именно в квартире В. И. Дабшинского,— вспоминал полвека спустя известный путешественник и общественный деятель Г. Н. Потанин.— Как это случилось, я не помню; до этого визита я никогда у Дабшинского не бывал...

Чокан ни слова не знал по-русски и уже тогда любил рисовать карандашом; Дабшинский показывал картинку, нарисованную Чоканом уже в Омске; русский город поразил мальчика, и он изобразил карандашом один из городских видов.

Войсковое казачье училище только перед поступлением Чокана было преобразовано. До 1846 года это была казачья бурса...»

Создавая взамен казачьей бурсы первый в Сибири кадетский корпус, управление военно-учебными заведениями позаботилось построить в Омске великолепное

Чокан Валиханов.

здание. При Николае I в России росло число кадетских корпусов и всюду возводились здания, удивляющие и посейчас своей внушительностью.

Сибирский корпус должен был «...приготовлять своих воспитанников для службы офицерами в линейных батальонах и в казачьих войсках Отдельного сибирского корпуса». Воспитанников поделили на две касты — на роту и эскадрон. В роту принимали детей линейных офицеров и гражданских чиновников из дворян. В эскадрон — детей из казачьего сословия и казахской верхушки. Ротные кадеты носили сюртуки с металлическими пуговицами и каски с белыми султанами. Эскадронные — казакины на крючках и кивера с помпонами. Ротных учили иностранным языкам и танцам. Эскадронных — татарскому языку и верховой езде. В довершение раздела на касты ротных поместили в бельэтаже, а эскадронных внизу под ними. Верх чувствовал себя Европой, низ — Азией. Однако на уроках по математике и русскому языку, географии и истории Европа и Азия сидели в одном классе.

Казалось, ничто не обещало новому учебному заведению мало-мальски приличной репутации. Годы-то какие! Напуганный декабрем 1825 года Николай I пытался **остановить** прогресс. В «Наставлении к образованию воспитанников военно-учебных заведений», действовавшем в то время, было сказано ясно и четко, что никакие учебные заведения в Европе не могут для заведений наших служить образцом и что все наши заведения уединообразиваются. Как оно тогда делалось, можно прочесть у Н. Лескова в «Кадетском монастыре». В Первом Петербургском кадетском корпусе, где когда-то учился Рылеев, заперли на замок библиотеку, вынесли географические глобусы («чтобы не наводили на какие-нибудь мысли») и даже закрасили стену, на которой были сделаны крупные надписи памятных для России исторических дат. Останавливать так останавливать!

И это в столице! Чего же можно ждать от захолустного Омска? Или, может быть, чем дальше от военно-учебного начальства, тем все-таки вольготней?

Из Сибирского кадетского корпуса вышла целая плеяда ученых, писателей, видных общественных деятелей. Статистик и публицист Н. Ф. Анненский, труды которого высоко ценил В. И. Ленин, писал в своих воспоминаниях: «Годы моей корпусной жизни имели решительное влияние на общий склад моего развития. Там я научился думать, читать, интересоваться общественными вопросами».

Исследователь Сибири декабрист Д. И. Завалишин называл кадетский корпус «рассадником просвещения и патриотизма», имея в виду прежде всего сибирский патриотизм. Уже после того, как Чокан Валиханов и Григорий Потанин закончили курс, в корпусе стал преподавать близкий друг Н. Г. Чернышевского В. П. Лободовский. Он тоже считал, что корпус был в Сибири «из первых рассадников военного и общего знания».

И конечно же, Чокан Валиханов — вот чья судьба показывает, каким был в глухие сороковые годы первый в Сибири кадетский корпус! По выходе из корпуса Чокан познакомился с воспитанником Казанского университета С. Я. Капустиным, будущим известным общественным деятелем, членом тайной революционной организации 60-х годов «Земля и воля». Капустин впоследствии писал в воспоминаниях о Валиханове, что, несмотря на разные уровни двух учебных заведений — университет и кадетский корпус! — «...мы, познакомившись, не находили бы предмета, о котором бы различно думали». Только что вышедший из «мертвого дома» Ф. М. Достоевский знакомится с Валихановым и вскоре пишет ему: «...вы первый из вашего племени, достигший образования европейского». Путешественник П. П. Семенов, будущий Семенов-Тян-Шанский, высоко оценивает исследования Иссык-Куля, произведенные двадцатилетним Валихановым, и рекомендует его в действительные члены Русского географического общества.

Но что же произошло в Омске сороковых годов прошлого века? Почему в Петербурге начальство изо всех сил уединообразивает военно-учебные заведения, запирает на замок библиотеки и прячет глобусы, а в Омске возникает в это время вольнодумный сибирский лицей?

Явление, конечно, удивительное, однако то, что сделалось в Омске, должно было рано или поздно произойти в Сибири, где огромные пространства ждали энергичных и образованных деятелей и где, как писал в своих записках большой патриот Сибири Н. В. Басаргин, пребывание декабристов «...доставило в отношении нравственного образования сибирских жителей некоторую пользу и ввело в общественные отношения несколько новых и полезных идей». Но все, что обусловлено неумолимым ходом истории и что должно неизбежно произойти, все-таки не происходит до тех пор, пока кто-то конкретный не берется за дело. Сибирский кадетский корпус был превращен в лицей ежедневными трудами и ежедневным гражданским мужеством учителей и воспитателей. Кто они и какими были? Думается, что в связи со 150-летним юбилеем Валиханова более чем уместно вспомнить о тех, кто увидел в мальчике-казахе выдающиеся способности и уже с 14 лет, как свидетельствует Г. Н. Потанин, стал растить из кадета Валиханова путешественника и ученого, снабжая его редкими книгами и обучая европейским и восточным языкам.

Инспектором классов в корпус назначили молодого артиллерийского капитана Ивана Викентьевича Ждан-Пушкина. Это он пригласил на службу всех остальных учителей. Кадеты восхищались образованностью Ждан-Пушкина — инспектор мог в случае необходимости заменить учителя по любому предмету.

Однажды, как вспоминает Г. Н. Потанин, Ждан-Пушкин вошел в класс и увидел, что у доски лучший ученик втолковывает товарищам математику, а ненавидящий этот предмет Валиханов сидит в сторонке.

— Вы почему не занимаетесь? — спросил Ждан-Пушкин.

— А зачем? — ответствовал кадет Валиханов.— Я за год на ваших уроках не мог постигнуть математику. Неужели теперь пойму?

— Идите за мной! — строго сказал Ждан-Пушкин.

Кадеты гадали, какое наказание ждет Чокана, а инспектор привел его в свой кабинет и достал из шкафа свежий номер журнала «Современник». Награда за правдивость.

Ждан-Пушкин стал для воспитанников корпуса примером честности и благородства. Но они, конечно, не могли знать, что их инспектор классов тайно помогает узникам омского острога Ф. М. Достоевскому и С. Ф. Дурову.

Позже, в 60-х годах, Ждан-Пушкин служил в Тобольске и навещал в тюрьме поэта-революционера М. Л. Михайлова.

Историю кадетам преподавал Гилярий Васильевич Гонсевский, полуссыльный, бывший студент Виленского университета, закрытого из-за беспорядков, закончивший свое образование в Казанском университете. По программе курс истории завершался победоносным для России 1815 годом. Гонсевский доводил свой курс до опасного 1830 года. Он самовольно включил в программу историю Великой французской революции и рассказывал кадетам о ее блистательных деятелях. Чокана он приглашал по воскресеньям к себе домой и разрешал рыться в книгах. В библиотеке Гонсевского имелись книги не только на русском языке, но и на французском, немецком, английском. Чокан уяснил себе, что образованному человеку положено читать почтенных авторов в подлиннике, а не в переводе. Да и не очень-то много тогда переводили.

Довольно колоритной фигурой был учитель географии Е. И. Старков. Родом казак, воспитанник войскового училища, он побывал в самых глубинах Азии, сопровождая во главе казачьего конвоя торговые караваны. Он сам написал свой курс географии киргиз-кайсацкой степи, где имелись новые данные, какими не располагал даже генеральный штаб. Излагая кадетам подробные сведения о дорогах и колодцах, а также о могилах и руинах, служивших в степи ориентирами, Старков попутно рассказывал о связанных с этими местами исторических событиях от древнейших времен и до самого последнего десятилетия, так что курс географии становился и курсом истории. В 1860 году он издал свои очерки в Тобольске, эта книга и сейчас читается с интересом.

И был в кадетском корпусе среди учителей Александр Иванович Сулоцкий, священник, преподававший кадетам закон божий. В своих воспоминаниях Г. Н. Потанин писал: «...мы видели, что человек убежденный говорил нам о том, что земные цели должны быть посвящены высшим идеалам».

Александр Иванович Сулоцкий происходил из низов духовного сословия, блестяще закончил Ярославскую семинарию, а затем духовную академию и получил степень бакалавра. В 1838 году Сулоцкий приехал в Тобольск пре-

подавать церковную историю в тамошней семинарии. В том же году в Тобольске поселилась семья декабриста М. А. Фонвизина. Затем Сулоцкий перебирается в Омск и становится корпусным священником. А в начале 1850 года он получает письмо от Фонвизиных с просьбой принять участие в судьбе двух узников Омского острога — С. Ф. Дурова и Ф. М. Достоевского. И это значит, что Фонвизины не сомневались — к Сулоцкому **можно** обратиться по такому делу.

Сохранились его письма Наталье Дмитриевне и Михаилу Александровичу Фонвизиным. Он сообщает, что начал действовать через протоиерея Пономарева, имеющего доступ в острог, и что Достоевский просит достать для него труды Иосифа Флавия. Книга эта, по сведениям, имеющимся у Сулоцкого, есть в Тобольске, и он просит ее прислать. В другом письме он с радостью сообщает, что Достоевский помещен в арестантскую палату госпиталя и его подержат там подольше. Тут имел какое-то значение случай, когда Сулоцкому за отсутствием протопопа довелось приводить к присяге военных лекарей, хотя сам Сулоцкий в письмах Фонвизиным преуменьшал свои заслуги, сообщая, как много смог сделать Ждан-Пушкин.

Свои обязанности священника он успешно совмещал с изучением истории Сибири, быта русских сибиряков и сибирских инородцев. Одна за другой выходили его статьи об иконописи в Сибири, о добыче соли с Ямышевского озера, о том, что думает простой народ Сибири про мамонтов... Впоследствии Сулоцкий стал одним из учредителей Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. На его труды ссылаются авторы изданной в наше время пятитомной «Истории Сибири».

Можно понять, почему кадет Валиханов, мусульманин, сидел на уроках закона божьего (об этом написано в воспоминаниях Г. Н. Потанина). Будущего путешественника интересовала священная история христиан. А Сулоцкий, исследователь жизни инородцев, мог получить от Чокана сведения о древних верованиях казахов, о почитании огня, о культе духа предков, о живущем в лесах лешем, которого казахи называют сорель, о других духах...

А теперь о самом любимом учителе сибирских лицеистов, оказавшем самое сильное влияние на их взгляды и убеждения. О словеснике Николае Федоровиче Костылецком.

«У Гонсевского и Сулоцкого мы учились думать, у Костылецкого мы учились жить»,— писал в своих воспоминаниях Г. Н. Потанин. Костылецкий преподавал сибирским лицеистам историю русской литературы по Белинскому, разумеется, не называя запретного имени. Г. Н. Потанин пишет, что понял это только через десять лет, когда, поступив в Петербургский университет, прочел только что вышедшее собрание сочинений Белинского.

Николай Федорович Костылецкий происходил из сибирских казаков. Закончив войсковое училище, он поступил в Казанский университет на факультет востоковедения. Блестящего знатока арабского, персидского и тюркских языков прочили на дипломатическую службу, но помешало казачье происхождение. Костылецкого воротили на службу в Сибирское казачье войско. Как образованный востоковед, он и тут мог пригодиться для сношений с сопредельными Западной Сибири странами Азии. Но начальство упекло слишком много знающего казака учителем русского языка в линейное училище, откуда Костылецкий затем перешел в кадетский корпус. По воспоминаниям Г. Н. Потанина, «...он отличался независимым характером и был очень остроумен; пошлость он преследовал язвительными насмешками».

Среди учеников Николая Федоровича был и Халиулла Ускенбаев, брат великого казахского поэта Абая, храбрый офицер, принимавший участие в русско-турецкой войне. Побывав в 1895 году в казахской степи, Г. Н. Потанин слышал о просветительской деятельности султана Ускенбаева, который рассказывал своим соплеменникам русские повести и романы, а затем по просьбе слушателей записал свои рассказы. Это был, по сути, вольный перевод на казахский язык Тургенева, Лермонтова, Толстого. Устраивая у себя в юрте литературные вечера, Халиулла Ускенбаев, как пишет Г. Н. Потанин, «...пользовался русскими авторитетами: «Послушайте, а вот что об этом говорит известный русский критик Белинский», или «Вот какого мнения об этом был русский критик Добролюбов!».

На формирование личности Чокана Валиханова, конечно, оказал немалое влияние тот факт, что один и тот же учитель дал ему прекрасное знание русского языка и русской литературы и помог стать образованным на университетском уровне востоковедом. Николай Федорович еще в пору своей службы в линейном училище занялся сбором казахских поэм и сказаний. Одним из тех, кто присылал ему свои записи, был султан Чингис, отец Чокана. В корпусе Костылецкий привил интерес к казахскому фольклору многим своим ученикам. Они потом служили, куда загонит начальство, и отовсюду слали дорогому Николаю Федоровичу свои записи. Самые ценные материалы Костылецкий отправлял профессору И. Н. Березину, крупнейшему знатоку истории и филологии тюркомонгольских народов, занимавшемуся тогда изданием «Библиотеки восточных историков». По рекомендации своего учителя с И. Н. Березиным стал сотрудничать и кадет Валиханов.

Николай Федорович до конца своих дней сохранил дружбу со своими учениками. В 1865 году он был уволен из кадетского корпуса — Костылецкого сочли причастным к движению сибирских патриотов, одним из руководителей которого был Г. Н. Потанин, приговоренный к пяти годам каторги.

К этому делу о «противоправительственных действиях», очевидно, мог быть привлечен и Чокан Валиханов, но его тогда уже не было в живых. А вообще-то среди тех, кто прошел перед следователями, оказалось немало воспитанников Сибирского кадетского корпуса.

1865 год открыл глаза сибирскому начальству на вольный дух, завладевший кадетским корпусом. Хотя и раньше случались поводы для беспокойства. Например, в 1856 году омские жандармы обнаружили, что среди преподавателей и воспитателей будущих офицеров есть политические ссыльные.

В дальнейшей истории Первого Сибирского императора Александра I кадетского корпуса яркие страницы отсутствуют. У закончившего корпус в 1905 году В. В. Куйбышева (с репутацией неблагонадежного и восемью баллами за поведение при двенадцатибалльной системе) остались воспоминания о казарменно-бюрократической обстановке. Среди однокашников он не встретил ни единого товарища по взглядам и убеждениям.

Имена преподавателей первых лет Царскосельского лицея вписаны в историю русской культуры. В истории Сибири — ее культурного, общественного и экономического подъема — в числе многих славных имен, и прежде всего декабристов, — негромкие имена учителей Сибирского лицея. В будущем году исполняется 140 лет с той поры, как свезли отовсюду в Омск маленьких сибиряков и в классы вошли Иван Викентьевич Ждан-Пушкин, Николай Федорович Костылецкий, Гилярий Васильевич Гонсевский, Александр Иванович Сулоцкий, Евгений Иванович Старков...

Усадьба Валихановых в Сырымбете. Рис. Ч. Валиханова, 1853.

Я алкоголик. Хронический алкоголик, часть жизни которого прошла в пьяном угаре. Это не рассказ и не повесть, а записи, которые я вел в больнице в дни лечения. Записи эти я делал давно — лет двадцать тому назад. И сейчас, предлагая их редакции, не переделывал, не правил и не редактировал. Они остались в таком виде, в каком пролежали у меня в столе все эти двадцать лет. Если бы я попробовал написать о своем прошлом сейчас, я бы сделал это совсем по-другому.

От автора

ВЕРНУТЬСЯ В ЖИЗНЬ

Н. ПАВЛОВ

...Сквозь густую решетку — сад. Окно, в которое я смотрю, не забрано «намордником». До этого еще не дошло. Сад... Так я назвал голый скверик, который вижу внизу. Несколько деревец и ободранных кустиков в лучах заходящего солнца. Отсюда все это мне кажется садом.

Я слежу за тенью, отбрасываемой большим тополем в самом конце скверика. Она сломалась под прямым углом. Меньшая часть ее на земле. А большая заломилась на стену, которая многометровым кирпичным квадратом отгородила меня от воли.

Сначала решетка. Потом стена. Между решеткой и стеной охрана. Я нахожусь в алкогольной больнице особого типа. Это первая решетка в моей жизни, и, наверное, поэтому особенно тянет к себе все, что по ту сторону прутьев.

Я думаю о далеком прошлом, и так горько становится мне... Я клянусь себе: если вернусь в настоящую жизнь, постараюсь возвратить все. В первый день, как отсюда вырвусь, уйду в лес. С этого я хочу начать новую жизнь...

— Ну, так с чего же мы начнем? — прервал мои мысли сидящий напротив профессор.— Я внимательно ознакомился с историей вашей болезни. Путь тяжелый, похожий на многие, я сказал бы, типичный.

— А если типичный, товарищ профессор, то что же рассказывать?

— Нет. Не так мы с вами построим разговор. Типичный — это я сказал о ходе болезни. Но каждый идет по ней своей собственной дорогой. И приходит к своему собственному финалу. А от того, как он шел, зависит, куда он придет. Так что, уж будьте любезны, начнем сначала. Я вас не тороплю, сосредоточьтесь.

Он чудак, этот профессор, Александр Шалвович. Он не торопит. И, как видно, не торопится сам. Где его основная работа, я не знаю. Здесь он числится консультантом. Но приезжает сюда не консультировать, а работать. Скрупулезно, настойчиво, упорно.

В отделении он появляется всегда после ужина, когда расходятся уже все врачи и остается один несчастливчик — дежурный. С ним почти не встречается. Он уединяется в своем кабинете, где на тумбочке к его приходу всегда пыхтит паром огромный и некрасивый эмалированный чайник.

Чудак-профессор пьет сразу из двух стаканов. В одном чистый кипяток, в другом очень крепкий чай с лимоном. И не поймешь, запивает ли он чай кипятком или закусывает кипяток чаем.

Я не знаю, с чего начать рассказ о жизни, прошедшей мимо. Может быть, с дней радости? Ведь у меня, как у каждого, были и свои минуты счастья, когда казалось, что жизнь выходит на прямую и светлую дорогу...

* * *

...Тогда тоже была осень. Я бесцельно брел по улицам, радуясь разноликой толпе, отражению солнечных зайчиков в политом дождем асфальте.

Я любил свой город и шел по нему, любя его и любуясь им. Рожденному и выросшему здесь, в старой Москве, мне приятно было остановиться на перекрестке улицы Горького и Садового кольца, в самом водовороте.

Это был темп. Это была динамика. Это было стремительное движение. И я был в центре водоворота. Не чужим наблюдателем, а участником. Это все было мое. И это был я.

На душе у меня было легко и радостно. Мы свалили предпоследний курсовой. Так сложилось в нашем институте в том году, что экзамены мы сдавали после длительной летней практики. Оставался еще один курсовой. Потом государственный и защита вузовского диплома.

В тот день мы всей ватагой зашли в шашлычную у Никитских ворот, отпраздновать этот предпоследний. С недавних пор это стало традицией — мы частенько пропускали по рюмочке в студенческой компании. Правда, карманы у нас, как у всех студентов, были неглубокие. Тем легче их вывернуть. Все мы испытывали голод: ведь с утра ни у кого крошки во рту не было,— но думали мы не о еде. Взяли по шашлыку на двоих и по триста граммов на одного.

Все было как обычно. Сначала теплый удар в области желудка, потом приятная теплота поднимается к голове. Знакомые лица друзей стали роднее. Каждый хотел сказать другому что-то доброе и, как ему казалось, значительное. А слушающий смотрел на говорящего влюбленными глазами и, перебивая, пытался ответить тоже чем-то приятным.

— А я хочу выпить за Николая, ребята! — перекричал всех Виктор.— Я хочу выпить за его будущее. Он талантливее нас. За старосту курса!

Я насторожился, так как этого парня недолюбливал. И не любил за то, что мне никак не удавалось заглянуть в его глаза. Лоснящийся блеск их отталкивал взгляд, как зеркальные очки. И только иногда зрачки-щелки приоткрывались, как ставни, и там, в глубине, плавало что-то темное, скользкое. Я-то понял его. Тост за меня был хитростью. Виктор просто знал, что у меня есть деньги. Он хитро и осторожно подбирался к ним. Так было уже не раз.

Но сейчас я берег деньги пуще зеницы ока. Собранные по рублю работой на разгрузке вагонов, на практике, они предназначались на подарок матери. Я знал, что мать готовит мне большой подарок к дню окончания института, и я хотел ответить ей тем же.

Мне легче было отдать руку на отсечение, чем обидеть мать. Она у меня была уже пожилой. Очень доброй и ласковой. И очень неудачливой в жизни.

Я иногда, глядя на нее, задумывался: почему жизнь так неровну делит свою доброту среди людей? А фраза «Каждый — сам кузнец своего счастья» в такие минуты у меня вызывала недобрую усмешку.

Уж мать ли моя не ковала это счастье? Каждым днем жизни своей, каждым ударом сердца своего ковала. И требовала она его не для себя. Ее счастье было в счастье близких ей людей — моим, счастьем старшего сына Петра, здоровьем отца нашего. Но не выковала она ничего.

Я помню уходящего на фронт отца, всего пропахшего запахом жженого железа. Был он мастером золотые руки, универсалом— автогенщиком - резчиком - сварщиком. Когда я приходил с матерью к нему на стройку, он сидел на какой-то металлической жердочке где-то над облаками и в виде привета бросал нам из поднебесья на землю снопы горящих звезд. Я подставлял ладони под падающий дождь разноцветного конфетти, но в них почему-то попадали не красивые звездочки, а черные, размазывающиеся грязью, малюсенькие кусочки царапающего руки металла.

— Отчего это так? — спрашивал я отца, когда он приходил домой.

— Падающие с неба звезды обманчивы. Ты не жди их на земле, ибо не та звезда, которая сама тебе в руки с неба свалится. А та, которую сам с поднебесья снимешь,— улыбался отец.— Правда, Любушка? — подмигивал он матери.

Потом он начинал объяснять мне технологию сварки и резания. Рассказы его были похожи на сказку, где главным действующим героем был Огонь. А потом...

Постриженный наголо и от этого непохожий на себя, отец сидел, опустив голову на ладони, и слушал очередную передачу с фронта. Растерянный и какой-то смятый.

После я много читал о том, как уходили отцы на фронт. В книгах они были суровые и сдержанные, спокойные и уверенные. Они говорили родным и близким бодрые слова, успокаивали и обещали вернуться со скорой победой.

Мой отец, когда уходил, плакал. До этого я вообще не видел, как плачут мужчины. Отец смотрел в одну точку, а по щекам ползли слезы. Редкие и, как мне казалось, крупные. И очень-очень медленные. Он молчал, а слезы текли. И это было страшно.

Потом мы с матерью провожали его на вокзал. Петра не было. В то время ему уже исполнилось восемнадцать. Он был под Москвой, на окопах.

...Когда тронулся поезд, отец, свесившись из вагона, крикнул громко и разборчиво:

— Береги детей, Любушка, родная!..

Вот и все. Через четыре месяца в доме вместо отца появилась бумажка. В первые месяцы войны писали просто «убит»...

А еще через год в дом пришла вторая бумажка — вместо Петра. Он «погиб в боях»...

Война собирала свою жатву. Головы женщин покрывались темными платками. Страна напрягала все силы в этом жестоком едино-

борстве с врагом. Напрягала все силы и мать. Чтобы спасти меня. Чтобы не дать погибнуть в эту жуткую пору, пору вечно голодных детских глаз. Теперь я у нее был только один. И она у меня была только одна.

Иногда мне казалось, что мы с ней два сообщающихся сосуда. И из одного в другой постепенно и медленно перекачивается жизнь. Я рос, здоровел, набирался сил. Мать худела, становилась даже меньше ростом, теряла здоровье. Чем мог я помогал ей, а окончив восемь классов, твердо сказал, что пойду на завод.

Шел в ту пору тысяча девятьсот пятидесятый. Залечивая раны, страна вставала на ноги, и рабочие руки требовались повсюду.

Мать плакала. Мать просила. Мать умоляла. Она настояла на своем. Она хотела, чтобы я окончил десятилетку, чтобы я окончил институт. Она была из тех женщин-матерей, которые видят свой главный долг в том, чтобы вывести сына на главную дорогу жизни. И разве так трудно понять ее? Она хотела видеть во мне человека, получившего хорошее образование, крепко ставшего на ноги, человека, который, получив все, покоил бы ее старость.

Она тянула до пенсии. Мы шли к нашему финишу одновременно. Я оканчивал институт. Мать, напрягая силы, работала последний год. Конечно, ей хотелось получить пенсию побольше — с оклада маленького бухгалтера она невелика,— и мать в последний год часто работала сверхурочно по ночам.

В одну из таких ночей, когда в нашей комнатке еще горел свет, я первый раз пришел домой пьяный. Нет, я не хочу сказать, что никогда раньше не выпивал. Бывало. Но нетрезвым мать меня не видела.

А тогда, переступив порог и опершись о притолоку, я прямо столкнулся со взглядом матери. Она сидела за столом, согнувшись над арифмометром, и смотрела прямо на меня. Смотрела и молчала.

Мне стало мучительно стыдно. Хмель медленно сползал с меня под взглядом матери, как утренний липкий туман сползает с земли под первыми лучами солнца.

На мне был мой парадный костюм, перешитый из отцовского и перекрашенный матерью из серого в темно-синий. В компании кто-то плеснул мне водкой на колено, и на брюках в этом месте чуть сползла краска, показав подлинный цвет материала. Взгляд матери остановился на этом месте.

— Я ведь их красила, Коля. Старалась... Ну, ладно, ложись. Я поправлю все...

Утром я поклялся, что этого больше не будет.

Это была первая моя клятва матери. И первый обман...

И сейчас Виктор хотел, чтобы я еще раз обманул мать. Так мне показалось...

...Я стряхнул с колена пролитую Виктором водку и снова взглянул ему в лицо.

Есть ли у нас свой киноаппарат в голове — такое хитрое приспособление, какая-то особая клеточка в мозгу, которая в одно мгновение, как на экране, покажет тебе прошлую жизнь крупным планом, во все полотно, воспроизведет самые острые и памятные моменты и так же неожиданно, как и включится, померкнет?

Помимо тебя включится. Помимо тебя померкнет. А выключатель находится где-то по ту сторону твоего мышления. И не ты хозяин этого включения.

Так было и со мной, когда я смотрел в зрачки-щелочки Виктора. Нет, не там я видел все, о чем вспоминал в тот момент. Там был лишь пульт управления, который на мгновение зажег экран моего прошлого.

— Нет, я не могу принять твой тост, Виктор. Лучше поднимем его за всех нас, за наше будущее. Светлое и доброе. Давайте чокнемся и пообещаем друг другу встретиться здесь, в Москве, ровно через десять лет после окончания. Тогда я с удовольствием выпью твой тост, Виктор, если ты его произнесешь еще раз.

Я не остался с друзьями продолжать веселье. Пусть они были удивлены моим ранним уходом. А я шел по улицам в хорошем настроении. И оттого, что удержался и выпил на этот раз немного. И оттого, что кончается учеба в институте. И оттого, что деньги, собранные на подарок матери, целы...

— Нет ли у вас лишнего билетика?

Прямо передо мной стояла стройная девчушка. Здесь, на перекрестке улицы Горького и Садового кольца, у зала Чайковского, кипела толпа. Волны ее сшибались и расходились. Люди были все время в движении. Покачивали головами, разводили руками, виновато улыбались. И вдруг устремлялись к какому-то месту, где счастливчик уже успел схватить оставшийся у кого-то «лишний билетик».

Потом водоворот начинался сначала.

Поверх уложенной короной косы — девушка с надеждой ожидала моего ответа — я увидел броские слова: «Сегодня Второй концерт Рахманинова. Исполнитель...»

— Пока нет. Но, возможно, будет,— неожиданно для себя ответил я.

— Тогда вы мне его уступите?

Решение пришло мгновенно: попытаюсь стать счастливчиком, который выудит в этом половодье злополучный «лишний билетик». Если один — подарю синеглазой незнакомке. Если два — пойду вместе с ней.

...Потом мы сидели с ней рядом. Все было для меня впервые: и зал Чайковского, и Второй концерт Рахманинова, и счастье, которым была пронизана каждая клеточка моего существа.

Странная это вещь — счастье, приносимое музыкой. Вроде оно берется из ничего. А впечатление такое, будто тебя со всех сторон окружает разноцветная радуга. Оттенки ее разные, а главная тональность одна — радость.

Она светится в глубине синих глаз Анюты. Она обрушивается с высоты сводов концертного зала громом морского прибоя, еле доносится шепотом лесной долины, льется колокольчиком бегущего ручейка.

Почему я не знал этого раньше? Потому, что не было рядом Анюты.

Счастье прочно вошло в мою жизнь с того дня.

И несчастье тоже...

* * *

...Профессор не перебивал меня. Казалось, он даже думает о чем-то своем, то разливая свой чай по разным стаканам, то рисуя какие-то непонятные иероглифы в лежащем на столе блокноте.

Только временами он поднимал глаза, пытаясь встретиться со мной взглядом. Будто он что-то высматривал там, в глубине моих глаз, читал не высказанную до конца мысль, подсказывал: «Ну, ну, шире, подробнее!»

Когда же я сказал, что в ту пору счастье прочно вошло в мою жизнь, профессор впервые подал реплику:

— Есть такая пословица, вам известная: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». А у вас вроде наоборот: «Не было бы несчастья, да счастье помогло». Так получается? Вы продолжайте. Не обращайте на меня внимания. Похожу. Люблю слушать расхаживая. Простите мне эту слабость.

Александр Шалвович отошел в угол кабинета, отдернул штору. Окно выходило на улицу, и в проеме, как на экране, вспыхнул зрачками огней жилой дом, стоящий напротив нашего корпуса.

Мы часто смотрели на этот дом, где при раздвинутых шторах была видна чужая жизнь. Лучше б ее вообще не было видно. Многие из нас не могли в такие минуты сидеть у окна. Очень душно становилось на душе.

Ведь все это было и у тебя когда-то. Кто-то ждал твоего возвращения с работы. Кто-то накрывал на стол. Чьи-то руки готовили для тебя. И чье-то сердце билось с твоим в унисон.

Было когда-то все это и у меня.

В тот год, когда мы с Анютой поженились, за спиной нашего деревянного домишка заканчивали строительство огромного светлого многоэтажного здания. Мы знали, что здесь наша будущая квартира. Тогда почему-то жителей центра не выселяли при сносе их домов на дальние окраины и не заселяли новостройки в центре теми, чьи дома подвергались сносу на краю города, учитывали, видимо, и сложившийся уклад жизни, и привычки, и связи с долголетним местом работы.

У нас, у студентов, в шутку говорили, что жизнь — она полосатая. Была, наверное, в шутке и доля правды, потому что удачи тогда следовали в моей жизни одна за другой.

Мать ног не чуяла, расхаживая по новой прекрасной двухкомнатной квартире. Анюта привезла из дома своих родителей великолепное пианино. И в нашей квартире прописались еще музыка и смех, дружба и радость.

Вскоре я сдал последний государственный. А когда пришел домой, готовый порадовать родных высокой оценкой, сам получил подарок бесценный: Анютка объявила, что собирается стать матерью.

Да, все складывалось как нельзя лучше, пока в один из дней не рухнуло в тартарары...

Я готовился к последнему событию в моей институтской жизни — защите диплома. В нем шел разговор о сварке методом трения — тогда это было еще в стадии начальных опытов.

Защитился отлично, мне сказали, что оставляют в Москве. После жарких споров, взволнованные и возбужденные, мы очутились в кафе. Не помню, как это произошло. Знал, что дома меня ждут с тревогой и волнением. Было же решено, что отпразднуем это событие сначала в семейной обстановке. Потом можно уж и гостей позвать. Но ведь и товарищей, которые переживали за тебя, не бросишь. И скупцом назовут и еще как-нибудь похлестче.

...Шумело кафе. Шумело наше застолье. Шумела голова. Мы расплатились раз. Но почему-то не ушли, а заказали по новой. И снова расплатились, и снова стали собирать на новый заказ.

Мне стало плохо. Не помню, как очутился на улице. Потом я куда-то плыл. Или это дома плыли мимо, а ступени лестницы вставали дыбом, пытаясь сбросить меня вниз. А я настойчиво, вытирая разбитое лицо, карабкался по ним вверх.

Где-то я читал, как во время войны уже взрослый, седой человек, будучи тяжело раненным, кричал на поле боя «мам»... То ли по этой ассоциации, то ли инстинктивно, слабея, я позвал мать. Голос мой гулко прозвучал в пустынной лестничной клетке большого дома... ввысь до верхнего этажа и опустился на меня тяжелым эхом.

> Чьи деньги тратит, сам не знает он,
> Но приходит утро, словно страшный сон...

Слова этой пошленькой привязавшейся песенки, звучавшей вечером в кафе, были первыми, что пришло мне в голову утром.

Лучше бы и не просыпался. В загаженной комнате я был один. Родные раздели меня, и на полу возле кровати лежали разорванные, мятые тряпки — все, что осталось от материнского подарка, шикарного темно-серого костюма, на который мать так долго копила деньги и который так кропотливо и любовно выбирала в магазине вместе с Анютой.

Еле оторвал я от подушки гудящую голову. Прислушался. За стеной тихо. В квартире никого не было. Анюта в своей музыкальной школе. Зачем из квартиры ушла мать — ума не приложу. Ах, если бы она не уходила...

В большой комнате, сиротливо сдвинутые к краю стола, стояли прикрытые салфетками тарелки с закусками — приготовленный матерью и женой праздничный ужин.

От тоски и стыда я заплакал. Внутри все горело, хотелось пить. На кухне увидел непочатую бутылку коньяка. Я никогда не опохмелялся раньше, но знал, что многие к этому прибегают, чтобы «поправить» голову после большой выпивки. Налил чуть ли не полный стакан и выпил залпом. Пожар внутри вспыхнул с новой силой. На смену тревоге постепенно приходило безразличие. «Будь что будет»,— думал я, снова опрокидываясь на кровать. Мозг уже не казнил меня. Я уснул.

Разбудил меня телефон.

— Привет, дружище! Что же ты нас бросил вчера? Не по-товарищески! — Голос Виктора, как всегда, чуть хрипловатый, звучал укоризненно.— Голова разламывается. А у тебя как?

Я молчал, не зная, что ответить.

— Спускайся вниз. Есть сто семнадцать рублей. И со мной кое-что еще,— продолжал Виктор.— Или подняться к тебе? Ты один?

— Сейчас спущусь,— сказал я.

Деньги у Виктора в тот раз действительно были. А «кое-чем еще» оказалась наша сокурсница Светлана Дымова — миловидная девчонка с огромными, как у фарфорового манекена в парикмахерской, глазами. Когда-то у нас был роман, начавшийся и кончившийся поцелуями в подъездах. А по-

том, я знал, в жизни Светланы была и «взрослая» любовь...

Мы втроем опять оказались во вчерашнем кафе, где нас приняли как старых знакомых. Я быстро пьянел. Не помню, куда пропал Виктор, и не очень хорошо представляю, как очутился в комнатке Светланы, которую она, как иногородняя, снимала неподалеку от нашего института. Кажется, она мне сказала, что надо провожать женщин до дома.

— Отдохни, я сварю кофе с ликером,— сказала она.

Только, по-моему, пили мы не кофе с ликером, а ликер с кофе. Я лежал, а она сидела около меня, что-то говорила доброе и успокаивающее. Ее рука гладила и перебирала мои волосы, как в далеком детстве делала это моя мать.

Я проваливался в какое-то небытие. Мне было хорошо и приятно. А рука ее, мягкая и добрая, все гладила волосы, лаская и убаюкивая. Ушел я от нее под вечер...

...Телефонный звонок зазвучал так резко и неожиданно, что оба мы вздрогнули. Александр Шалвович снял трубку, слушал минуту молча, потом сказал только одно слово: выезжаю.

И, не простившись со мной, не видя меня, вышел из кабинета.

А я в разлете своего рассказа остановился, как лошадь на большом карьере. Я был обижен, просто обескуражен, что профессор отмел меня, как будто смахнул со стола какую-то соринку. В отместку я со злобой сунул окурок в один из стаканов, из которого он пил чай. Окурок сигареты, которой он меня угостил. И уныло побрел в палату.

Здесь продолжались разговоры о выпивке, о женщинах, о драках. С высоким знанием предмета обсуждались преимущества политуры перед «аптекой», самогона перед денатуратом.

Так уж не повезло мне с «контингентом». Во всем отделении был только один «очкарик» из интеллигентов, но он сразу обособился от остальных, застегнулся на все пуговицы своей не по больничному образцу пижамы и на все попытки завести с ним разговор отделывался одной и той же стереотипной фразой: «Извините, пожалуйста. Я очень занят».

Ко всему прочему он еще и не курил. А курилка — это, как известно, не только клуб, а еще и исповедальня. И школа опыта. Здесь тебя научат тому, что ты еще не знал. И расскажут такое, что ты сам себе покажешься ангелом. Несмотря на все свое туманное прошлое.

Тускло мне было и одиноко в тот месяц. Еще, наверное, и потому, что отношения у меня с врачами не складывались. Ну, никак.

Сначала я попал к Людмиле Ивановне. Она была молода и красива. Недавняя выпускница института, она цвела женским счастьем молодого супружества, ликующей радостью недавнего материнства. И как она ни старалась скрыть свою брезгливость к нам, ей это не удавалось. Она подсознательно сквозила во всем: во взглядах, в разговорах, в пожатии плечами, в мимике лица. Никак не удавалось ей скрыть свою неприязнь к нам.

Может, с медицинской точки зрения это было и правильно, но, когда она меня спросила: «С каких лет вы начали жить половой жизнью?» — я воспринял этот вопрос как глупую шутку и ответил:

— С двенадцати.

— А ей сколько было?.. Ну, вашей партнерше?

— Тоже двенадцать.

Она, чуть покраснев, старательно и усердно записала что-то в историю болезни.

— У вас наколки есть?

Я посмотрел ей в глаза, не понимая, какое это имеет отношение к моему алкоголизму.

— Я спрашиваю — татуировки у вас есть? — пояснила она.

— Было пять,—ответил я.—Осталась одна.

— Куда же делись остальные?— с любопытством ребенка спросила она.

— Стер. Чернильным школьным ластиком.

Она поняла. Покраснела. Покрылась пятнами. Долго молчала, копаясь в ящике стола. Потом, найдя, что искала, протянула мне огрызок чернильного школьного ластика.

— Сотрите и остальную, оставшуюся. Лечиться будете у другого врача.

Другой врач был мужчина лет сорока. С огромным сократовским лбом дурака. Бывают и такие лбы. Или — или...

Он играл. Непонятно в кого. Наверное, сам в себя. Он не разговаривал — он изрекал. Он вещал. Он тужился. Стандартные, пошлые истины произносил с такой тупой многозначительностью, будто открывал истины в последней инстанции.

— Водка — бяка! Она разрушает организм. В здоровом теле — здоровый дух. Лучшее занятие для хронического алкоголика — спорт.

— А каким видом спорта вы советуете заняться мне? — спрашивал я.

Окинув взглядом мою истощенную фигуру, он открывал секрет:

— Мускулы надо наращивать!

Врачи здесь были, если сказать одним словом, бросовые. Это были не просто врачи-неудачники. Они и люди были неинтересные, ограниченные. По сути дела, коекак натасканная в институте полуграмотность.

Правда, это была одна из первых наркологических больниц для хронических алкоголиков, ютившаяся на задворках какого-то строгого учреждения, с малюсенькими врачебными кабинетами, где впритык стояли сразу два стола. Два врача и двое больных вели разговор квартетом. Отойдя от запоя, каждый из нас понимал, что здесь не лечат, а скорее всего играют в лечение.

Хотя не совсем я и прав. Медсестры здесь были асами своего дела. Те, видно, хлебнув горя не только с нами, но и у себя дома, старались изо всех сил, чтобы подлечить нас. И кололи, и поддували кислородом под лопатку, и не отходили, пока не убеждались, что таблетку ты проглотил, а не положил за щеку. И не ленились встать ночью, чтобы принести тебе в постель рюмку прописанной микстуры.

Пусть почти всем здесь давали одни и те же лекарства, но они все-таки действовали. После месяца пребывания в больнице, когда состоялся наш первый разговор с Александром Шалвовичем, я уже обрел человеческий образ мыслей. И я так обрадовался своему собеседнику, мне так хотелось все ему рассказать. Вот почему меня взбесило его внезапное исчезновение.

Продолжение следует.

Сфера услуг: проблемы и решения

Фото М. САВИНА

●

Конечно, хорошо вскочить на велосипед и мчаться, чтобы ветер свистел в ушах, или на лодке резать гладь речную и чувствовать, как наливаются силой мускулы. Хорошо!..

Но велосипед и гребля — летние виды спорта. А здоровье — понятие внесезонное.

Руководители службы быта Рязани это учитывают. В тренажерном зале оздоровительного комплекса «Грация» вы можете грести, крутить педали, бежать на длинные и короткие дистанции в любое время года.

Тренер Татьяна Павловна Сорокина, грация в белоснежном комбинезоне, сама руководит разминкой. «Как следует «разогрели» мышцы? Теперь милости просим на тренажеры».

Беседую с завсегдатаями «Грации». Вопрос один: «Нравится вам здесь?»

Людмила Александровна Федотова:

— Еще как! Работа у меня сидячая. Стала замечать, что усталость на меня наваливается, а тут прочитала в газете маленькую заметку об оздоровительном комплексе. Пришла, стала заниматься.

— Природа не наградила меня богатырским сложением, — признался Олег Москвитин. Ему 22 года, он работник милиции. — Вот я и решил немного ее подправить. Дома не очень-то развернешься. А здесь красота! Чувствую, как мышцы наливаются, дыхание открылось.

...Главная заслуга в создании оздоровительного комплекса принадлежит директору Рязанского городского производственного объединения парикмахерских услуг С. Н. Панфилову. Увидев на одной международной выставке набор тренажеров, он сумел убедить руководителей Министерства бытового обслуживания населения в том, что в Рязани они найдут достойное применение.

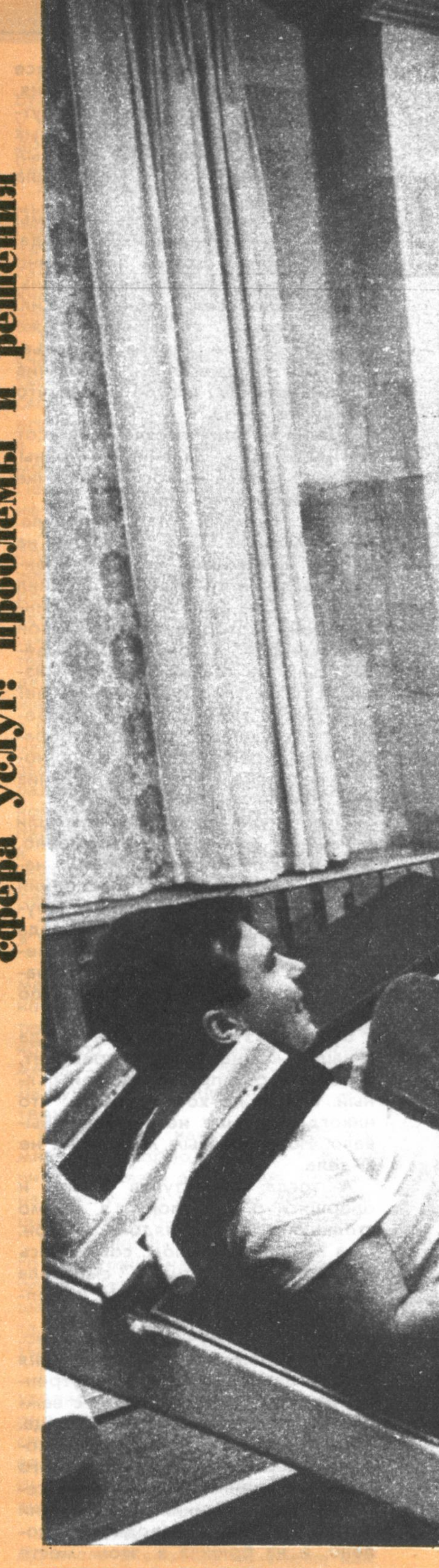
Панфилов исходил из того, что при умелой постановке дела вложенные средства не только окупятся, но и принесут выгоду экономическую, не говоря уже о неоценимой прибыли — укреплении здоровья людей.

Но странно и обидно вот что: великолепный зал, массажные кабинеты «Грации» пока что не испытывают наплыва желающих поддержать свое здоровье. Были часы и даже дни, когда они просто пустовали.

Видимо, одни не знают о существовании тренажерного зала, а другие сомневаются в его пользе. Помогла бы умная реклама. Хвала тем предприимчивым людям, у которых хватило настойчивости начать новое дело. Но, как показывает опыт, этого мало. Уметь продать услуги! Показать их в действии, раскачать консервативных и завлечь неверящих. Наверное, маленький ролик по местному телевидению сделал бы оздоровительный комплекс понятным и желанным для многих. Возможно, помогли бы и более гибкие цены за услуги. В утренние и вечерние часы — одни, а в «мертвые» дневные — более низкие; студентам — скидка...

Поспешите, не опоздайте на свидание с «Грацией»!

Н. БУМАГИНА.

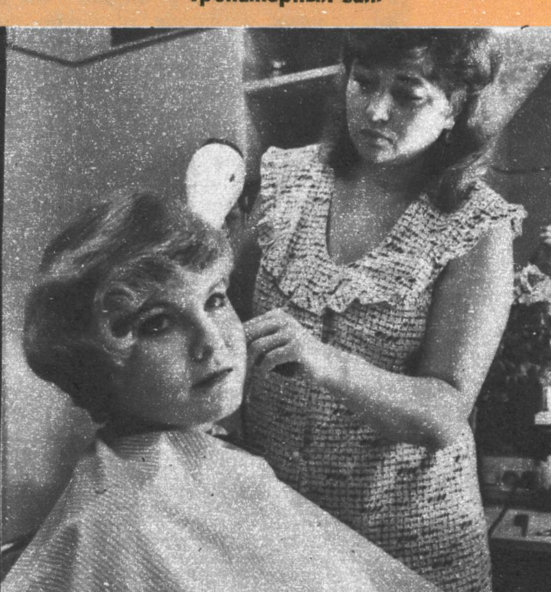
Чаепитие после сауны.

Тренажерный зал.

ВАС ЖДЕТ «ГРАЦИЯ»

Мастер-модельер Надежда Гостина.

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

Спасителям отечества

Мартос поднял глаза от лежавшей перед ним летописи... Начинался 1804 год. Несколько месяцев назад к нему обратились молодые люди из «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Настало время, говорили они, воздать должную честь славным мужам России, в первую очередь Минину и Пожарскому, и просили Ивана Петровича создать монумент. Средства же на его сооружение постановили собрать по подписке.

Предложение было неожиданным и долгожданным одновременно. Скоро скульптору исполнится пятьдесят, он адъюнкт-ректор Академии художеств, известен, признан, у него много заказов, все лучшие современные ваятели — его ученики. Говорят, что во многом Мартос превзошел Гудона, что Канова и Торвальдсен кажутся слащавыми рядом с ним, называют русским Фидием.

В молодости, во времена пенсионерства в Риме, Иван Петрович увлекся творчеством античных мастеров. Полюбил благородную простоту и спокойное величие древних мраморов, мог бесконечно наблюдать их совершенные линии, формы, пытаясь проникнуть в тайны гармонии. Актеон, которого он сделал для Петергофского Большого каскада,— откровенная дань этому почитанию. Очертания бегущего бронзового юноши удалось сделать живыми, трепетными, они тают в воздухе, пронизанном водяною пылью.

Искусство греков прославляло героев, Мартос тоже хотел бы ваять своих достойных соотечественников, но почти все заказы связаны с мемориальной скульптурой. Минину и Пожарскому он обрадовался, как прежде радовался его товарищ Козловский работе над Суворовым. Часто в кругу художников велись у них разговоры об истинном назначении скульптуры, и все сходились во мнении, что предмет ее — сделать навеки незабвенную память великих людей. Но в Петербурге пока только два таких монумента — Петр I и Суворов, в Москве ни одного.

Исторических сочинений о тревожном, смутном времени шестьсот двенадцатого года не было — им еще только предстояло появиться,— и мастер углубился в летописи, проникаясь их жгущими сердце словами. Он видел себя на Соборной площади Нижнего Новгорода весенним днем 1611 года, когда к сходу обратился земский староста, мясной торговец Косьма Минич Захарьев-Сухорукий, бросив к согражданам свой клич — ополчиться миром на врага. «Захотим помочь Московскому царству, так не жалеть нам имения своего, не жалеть ничего, дворы продавать, жен и детей закладывать»,— слышалась скульптору его решительная речь.

И не к его ли, Мартоса, предкам, казакам, летит страстный призыв Авраама Палицына, летописца, келаря Троице-Сергиева монастыря,— примкнуть к ополченцам под Москвой, вместе завершить ее освобождение?

Воображение рисовало героическую группу из двух энергичных, устремленных людей, держащих над головою меч.

Первый эскиз — художник назвал его «Князь Д. М. Пожарский и Косьма Минин, стремящиеся на избавление Москвы» — был окончен довольно быстро и в том же году показан на выставке в залах Академии художеств. Передовое русское общество давно ожидало подобного произведения, его появление вызвало восторженный отклик. «Сочинение сего памятника сложно, в каждой части дышат и говорят различные страсти; сего требовали История и Поэзия художества,— писал первый русский «Журнал изящных искусств».— Как искусно великие художники умеют говорить воображению всеми чувствами».

Но неисповедимы пути наших намерений. Идея постановки памятника, вспыхнувшая так ярко, так бурно встреченная, как-то незаметно затихла, будто растворилась... Минуло четыре года. И она ожила снова, теперь уже стараниями нижегородцев, земляков Минина, пожелавших воздвигнуть монумент в своем городе. Высочайшим повелением объявили конкурс: кроме Мартоса, в нем примут участие все ведущие скульпторы России: Щедрин, Прокофьев, Демут-Малиновский, Пименов-старший, архитектор Тома де Томон...

Многое Мартоса в первом эскизе уже не устраивало. Чем бы ни занимался все эти годы, Иван Петрович мыслью постоянно возвращался к своим героям. Они давно материализовались в его воображении, стали живыми, осязаемыми, он знал, как они говорят, движутся, о чем думают, понимал их любое душевное движение. Минин, выборный человек, «русский плебей», который, по словам летописца, «был родом не славен, но смыслом мудр», все более становился главным действующим лицом группы. В памятнике именно он укажет Пожарскому путь на Москву. Руку протянет вперед... Нет, слишком театрально, патетически. А если кисть согнуть по горизонтали... Возникает равновесие, устойчивость, ощущение уверенности — те самые достоинство и благородное величие, которые привлекали его в античности. Князь не совсем оправился от ран, полученных в прежних сражениях с врагами, сидит на кубе — намек на суровую простоту походной жизни,— но уже потянулся к щиту, принимает меч из рук Минина. Да, так лучше — не просто союз героев, но драматургия, их взаимодействие. Может получиться интересное развитие, если рассматривать памятник со многих точек. Медленно обходя вокруг или приближаясь с разных сторон, зрители увидят событие в разных ракурсах... Через многое приходится идти в этой работе ощупью. Еще нет в России ни одного группового монумента, в Москве же он станет первым общественным памятником. Надо найти не только связь фигур между собой, но — не менее главное — их положение в пространстве.

Судьба дала ему случай наблюдать за работой Фальконе над Петром I. Тогда он был слушателем Академии, и Лосенко, молодой профессор, недавно вернувшийся из Италии, представил своего способного ученика знаменитому мастеру. Произведение Фальконе многому его научило, он знает, как важно восприятие скульптуры во времени, в единстве с архитектурой.

«Гений Мартоса всех щастливее и по изящнейшему произведению своему всех превосходнее изобразил памятник Спасителям России»,— сообщил «Сын Отечества» о результатах конкурса. Скульптор сумел всех убедить, что ставить памятник надо в Москве, «которая была «феатром великих дел Минина и Пожарского». Утвердили и его смету — 150 тысяч рублей. Сумму, как в первый раз, решили собрать по подписке. Вскоре от министра внутренних дел повсюду разослали гравированные рисунки, «дабы оные известны были всем россиянам». В Москве, в Якиманской части, живо откликнулись крестьяне графа Шереметева, на уральских заводах среди подписчиков значились мастеровые, приказчики, подмастерья, ученики. Деньги вносили люди разных сословий, как два столетия назад жертвовал народ все, что имел, на успех ополчения.

К концу 1811 года средств уже собралось достаточно, и рескрипт возгласил «о начатии производства работы монумента».

Скульптор выполнял малую модель, когда наполеоновское нашествие обрушилось на Россию. Враг вновь угрожал Москве. Опасались за Петербург, Академию художеств эвакуировали, вывезли все ценные произведения искусства. Здание опустело, и только Мартос остался один в огромной мастерской, которую ему отвели для этой работы. Время сместилось ровно на два века, и порой ему представлялось, что он ваяет не вождей прошлого, что перед ним нынешние партизаны, солдаты, крестьяне, воюющие за честь и свободу Отчизны. Казалось, если он вызовет из небытия черты легендарных героев, их дух поможет народу, Родине... Мартос лепил мощно, уверенно, стекой ваятеля наносил удар за ударом. И под его руками оживали, наливались силой, плотью живые образы освободителей.

Как все тесно связано в истории, в судьбах, как переплетаются события... Еще в первом эскизе скульптор наметил на граните постамента два барельефа. К центру одного из них — на передней панели цоколя — с двух сторон стекаются люди с пожертвованиями: справа женщины в старинных сарафанах и кокошниках отдают свои нехитрые украшения, слева мужчины, принесшие деньги, мешки с зерном. Здесь же с краю — отец, провожающий в ополчение двух сыновей. Не так ли и он сам, скульптор, привел к алтарю Отечества своих детей? Один пошел добровольцем, другого война застала во Франции, пенсионером российской Академии художеств. А недавно пришла страшная весть, в которую отцовское сердце не хочет верить: в Париже погиб младший Мартос... Древние античные ваятели часто изображали себя в произведениях. И он теперь имеет на это право. Голову отца, его, Мартоса, голову вылепит для барельефа любимый ученик, Гальберг.

К окончанию войны, в 1815 году, скульптор завершил большую модель в натуральную величину монумента. Солдаты возвращались домой с полей сражений, люди пережили лихолетье. Многие тогда шли в Академию, чтобы поклониться памяти национальных героев.

Суммы, собранные по подписке, давно кончились — война взвинтила цены, материалы стоили втридорога. Мартос и литейщик Василий Екимов давно уже работали «с пожертвованием своего достояния». По скромности мастер никогда не обременял просьбами о себе правительство и, как сообщалось в одном из документов, содержание от казны имеет такое, каким пользуются некоторые ученики учеников его.

Приближалось время отливки. Мартос волновался. Он верил в талант Екимова, но даже Фальконе не удалась первая попытка, хотя там была одиночная фигура. У него же группа, тысяча двести пудов бронзы, каждое изваяние в два с половиной раза больше роста человека. В Европе и более простые памятники редко получались сразу.

Место для обжига Екимов готовил в литейной Академии. Построил фундамент, 16 печей, проложил сотни каналов и путцев. По большой модели сделал с помощниками восковые фигуры, заполнил их алебастром, а снаружи в сорок пять слоев покрыл мастикой, приготовленной из толченого кирпича, жидко разведенного на пиве. Днем и ночью целый месяц топили печи, стоящие на фундаменте; наконец сверху над оболочкой фигур показался огонь: воск выгорел.

Настал тревожный долгожданный час. Екимов приступил к ответственной операции. В тот день множество народа собралось во дворе Академии поглядеть на редкое зрелище: горящий расплавленный металл лился лавиной, заполняя пустоты формы. Прошло еще несколько тягостных дней. И — победа! Впервые в мире скульптурную группу отлили в один прием.

К этому времени каменных дел мастер Самсон Суханов завершил работу с постаментом. Мартос настоял, чтобы он был не из роскошного хрупкого мрамора, как то предписывало высочайшее пожелание, а из сурового твердого гранита красноватого оттенка. Из цельной глыбы финского камня Суханов идеально высек цоколь, обработал профили, плоскости, выточил ребра. Искусство его и Екимова было столь совершенно, что печатные издания посвятили творчеству этих крестьянских детей огромные статьи.

Оставалось еще одно — ответственность за то, что сделано. И внизу на цоколе с обратной стороны скульптор поставил подпись: «Сочинил и изваял Иоанн Петрович Мартос родом из Ични». Да, именно так, как простой труженик, без всяких упоминаний о дворянском звании. Он мастер и род свой ведет из Малороссии.

Когда монумент перевозили по воде на открытых судах, толпы людей выходили к причалам, ждали на берегу, чтобы приветствовать образы великих сынов Отчизны, которых воспринимали теперь как символ всего героического, что есть в русском народе. В Нижнем Новгороде встреча была особенно сердечной и пышной. Весь город съехался на пристань, вокруг все было в цветах. Звучали торжественные речи, играла музыка, хор исполнял старинные песни, их могли петь и воины ополчения. А Мартос уже подумывал, каким сделает обелиск в честь героев на родине Минина.

Устанавливали памятник лютыми зимними днями, в бесноватый мороз.

Наконец, 20 февраля 1818 года. Наступил день открытия. Сползли полотняные покровы, крики радости, овации оглушили площадь. Вся Москва ликовала. «Во время сего торжественного обряда стечение жителей было неимоверное,— гласил отчет,— все лавки, крыши Гостиного двора, лавки, устроенные нарочно для дворянства около Кремлевской стены, самые башни Кремля были усыпаны народом, жаждущим насладиться сим новым и необыкновенным зрелищем».

Под звуки военного оркестра, салютуя вождям ополчения, маршем прошли гвардейские полки, пехота, кавалерия — участники кампании 1812 года.

Минин и Пожарский принимали парад.

И. Мартос. 1754—1835. ПАМЯТНИК МИНИНУ И ПОЖАРСКОМУ. 1804—1818. Москва.

Фото А. Бочинина.

И. Мартос. АКТЕОН. 1801. Петродворец. Большой каскад.

Фото С. Петрухина.

Еще не стерлись в памяти дни строительства газопровода Уренгой—Помары—Ужгород, сооружения, уникального по своей сложности, по объемам работ и срокам их выполнения. Аналогов этой стройке в мировой практике нет.

Но памятно и другое: наложенное президентом США эмбарго на поставки оборудования, необходимого для эксплуатации крупнейшей в мире трансконтинентальной газовой магистрали.

Акция Рейгана поставила нас в трудное положение.

Однако уже меньше чем через год после заявления Р. Рейгана на трассы пришла газоперекачивающая техника, не уступающая по качеству и производительности известным западным образцам, а по некоторым показателям и превосходящая их.

Изготовил эти надежные мощные установки коллектив Сумского орденов Ленина и Октябрьской Революции машиностроительного производственного объединения имени М. В. Фрунзе.

Сообщения западной печати о контрмерах СССР носили привкус сенсационности. Но сенсации в случившемся не было.

— Мы ведь уже выпускали газоперекачивающие агрегаты, правда, меньшей мощности,— вспоминая недавнее, говорит секретарь парткома объединения Н. П. Обозный.— И эта машина, ГПА-Ц-16, производительностью 32 миллиона кубометров газа в сутки, на арене, как говорится, появилась не вдруг. Нас на эту машину еще до истории с Рейганом нацелило указание директивных органов в кратчайшие сроки, с учетом темпов прироста газодобычи создать газоперекачивающий агрегат повышенной производительности для работы в районах Крайнего Севера. Так что эта машина, как говорится, была в работе. Больше того: уже в металле «просматривалась» — шла подготовка к сборке первого, опытного образца. Машину еще ждали доводка и испытания, но мы так были уверены в ней, что, приняв на себя обязательство дать первый агрегат к дню открытия XXVI съезда КПСС, уже на следующий, 1982 год запланировали выпустить пять агрегатов, а в 1983-м — сорок. Короче, работали над машиной в полном соответствии с графиками, планомерно и ритмично, как тому и положено быть на всяком отлаженном производстве. И вдруг — эта рейгановская «подножка» и указание центральных органов дать с учетом сложившейся ситуации не 40, а 55 таких агрегатов...

Производственно - техническая база для выполнения этой новой задачи у нас была,— продолжал секретарь парткома,— иначе, сами понимаете, мы бы на практически немедленный переход от пяти к сорока агрегатам и не замахнулись. Но, как известно, техника хоть и многое решает, а не все. Главное всегда решали, решают и будут решать люди.

К слову сказать, мне до сих пор думается: может, именно для этого Рейган всю историю и затеял, чтобы нас и тут, в «тылах», на прочность проверить? Тогда он крепко ошибся. Подсчитать можно любой потенциал, кроме одного: силы духа, убежденности и высокой сознательности человека. Но обо всем по порядку.

Объявив эмбарго, Рейган свой ход сделал. Теперь нам предстояло на него отвечать.

В объединении был создан оперативный штаб по контролю и обеспечению выполнения ответственного правительственного заказа, а при парткоме — корпункт, в задачи которого входило регулярное оповещение людей о ходе работ и положении дел с агрегатом. По всем цехам, отделам и на участках прошли открытые партийные собрания: каждый рабочий, инженер, служащий объединения должен был получить четкое представление о происходящем. Итоги откровенных разговоров с людьми подвело общее собрание коллектива объединения, на котором была единогласно принята резолюция; в ней, в частности, говорилось: полностью понимая политическое значение создавшейся ситуации, коллектив объединения обещает партии и правительству, что к концу 1983 года, как определено заданием, страна получит требуемые 55 газоперекачивающих агрегатов. Считать выполнение ответственного заказа, говорили рабочие, делом чести каждого труженика, работу с прохладцей расценивать как отступление от норм нашего социалистического общества. Собрание призвало каждого из 24 тысяч тружеников объединения внести в копилку общего дела все, что каждый может ему отдать: самоотверженный труд, советы и рекомендации по организации работы — одним словом, все, что может повысить качество и сократить срок выполнения ответственного заказа.

Общими усилиями была разработана схема необходимой оперативной перестройки производства. До того дня узлы машины изготовлялись разбросанно по разным цехам, теперь все это собиралось под одну крышу — во 2-й сборочный, который становился базовым цехом по производству машины. Из числа наиболее опытных, высококвалифицированных специалистов скомплектовали специализированные бригады, занятые исключительно работой на ГПА — газоперекачивающих агрегатах. Все эти бригады также собрали под одной крышей. По предложению инженеров, и в их числе начальника 2-го цеха Е. Д. Рогового, была разработана схема перепланировки цеха: станки и прочее технологическое оборудование перемещались и расставлялись по этой схеме так, чтобы «ходки» от одного места до другого «съедали» как можно меньше дорогого рабочего времени, теперь уплотнившегося до предела. Так или иначе, в изготовлении машины приняли участие труженики почти всех цехов и участков. Оживилась творческая мысль: в производство было внедрено более сорока изобретений и рационализаторских предложений!

Работали, не считаясь ни со временем, ни с усталостью: выходка Рейгана, что называется, задела каждого за живое. И в конце концов наша взяла: в декабре 1983 года, как и было обещано, газовикам было отправлено 55 наших агрегатов.

Трудно даже выделить лучших, кто особо отличился тогда. Бригада Героя Социалистического Труда А. П. Ковалева. Бригады Г. П. Телевного и А. А. Кудрина, А. М. Гонтарева и П. А. Жиленко, В. П. Ериса, И. В. Хоменко, Н. М. Петруши, И. Ф. Зайца... Котельщики, сварщики, фрезеровщики, расточники, слесари-сборщики, операторы вакуумных установок...

Что в те дни особенно бросалось в глаза? Дисциплина, о которой даже не нужно было напоминать: она соблюдалась как само собой разумеющееся, нарушителей брали в оборот сами рабочие. Единодушие и патриотический порыв. Высокое понимание своего гражданского долга и рабочей чести. Все это, помноженное на эффективную организацию труда, на крепкую спайку, которая отличала наших рабочих всегда, а в особенности проявлялась в минуты, трудные для страны и для дела, и принесло нам победу. Я в те дни по-новому осознал, что такое наши боевые и трудовые традиции, самая ценная часть нашего исторического наследства. Это еще не скважины в нефтенесущие пласты, «обратным ходом» вынося наверх ту нефть, которую традиционными способами добычи не взять. Применение газлифтного способа в три раза сокращает сроки строительства нефтедобывающих комплексов и на 50 процентов — объем строительно-монтажных работ. Для Крайнего Севера это обстоятельство сегодня решающее.

Генеральный директор Сумского машиностроительного объединения В. М. Лукьяненко — он был в числе тех инженеров, к кому обратился со своим вопросом Михаил Сергеевич Горбачев,— ответил: «Сделаем такую машину!» — с тем спокойствием, какое дает только абсолютная уверенность в реальности обещанного. Такая уверенность у генерального директора была: в объединении полным ходом шла работа над установкой для газлифтной добычи, основой которой стала уже известная машина ГПА-Ц-16, теперь менявшая свою «специализацию».

— К дню открытия XXVII съезда КПСС испытания головного образца закончим...

Не может быть, чтобы у доброго хозяина не имелось «в заначке» еще чего-нибудь.

РАБОЧИЙ ОТВЕТ

до конца изученный творческий потенциал, огромная движущая сила...

...Как оно все было тогда?

Многим задавал я этот вопрос. Задал его и Виктору Павловичу Ерису, бригадиру котельщиков-сварщиков, ветерану труда, работающему в объединении с 1949 года.

— Да как? — пожал он плечами.— Обыкновенно. Нам сказали: трэба зробыть. Мы и зробылы. Раз трэба... Хватит про ту историю. Мало, что ли, работы, чтобы вхолостую время тратить на разговоры? Вон по одним только ГПА план на год — семьдесят единиц, так у нас же тут делаются не одни эти агрегаты. Пальцев не хватит только крупную продукцию посчитать...

...В дни пребывания на тюменской земле, беседуя с рабочими и инженерами, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев спросил: насколько реально создание установки для газлифтной добычи нефти и сможет ли такая установка, будь она создана, конкурировать с зарубежными аналогами?

Проблема — из самых острых. Времена нефтяных фонтанов прошли. Простым перебрасыванием влево-вправо задвижек, как это было недавно, нефти на многих промыслах уже не добудешь. Газлифтный способ — самый прогрессивный на сегодняшний день. Суть его в том, что газ под большим давлением закачивается через

— Да есть,— хитровато поглядывая, усмехнулся генеральный директор.— Газлифт — это проблема номер один. А номер два — из-за дефицита горючего — установка для заправки автомашин газовым топливом. Это будет машина в самом экономичном и эффективном блочно-контейнерном исполнении. Минимум затрат на монтаж. Привез, поставил, подсоединил к «трубе» и заправляй по 250 машин в сутки.

— Будет?

— А то! Она ведь тоже в работе. Вот-вот цеха за нее возьмутся.

...Уже отлично зарекомендовавшие себя агрегаты ГПА-Ц-16 (топливо для них — дешевый попутный газ) выпускаются сегодня укомплектованными утилизаторами тепла выхлопных газов работающей турбины. Результат: горячей водой, нагретой до 150 градусов, можно отапливать теплицы площадью до шести тысяч квадратных метров или поселок численностью до десяти тысяч человек. А в ближайших планах объединения, несколько месяцев назад ставшего научно-производственным,— испытание опытного образца ГПА-Ц-16 с электроприводом — для тех районов, где газ дефицит, но в достатке электроэнергии.

Почти полторы сотни агрегатов ГПА-Ц-16 работают сегодня в разных уголках страны.

Рекламаций на них объединение не получало.

В. ВЛАДИМИРОВ

Похитив два заряда взрывчатки во время ее испытаний, Лоуэлл скрылся. Затем он уничтожил паспорт режиссера Карсона, выкрал документы, уличающие конгрессмена Медуика во взяточничестве; послал заместителю помощника министра юстиции Уильямсу письмо с угрозой убить самого Уильямса, а также Карсона, Медуика, маклера Меллона, красавицу Сполдинг, тренера Уорнки.

Ночью Лоуэлл позвонил Медуику, который после этого поехал выкупать похищенные у него документы и погиб в устроенной Лоуэллом катастрофе.

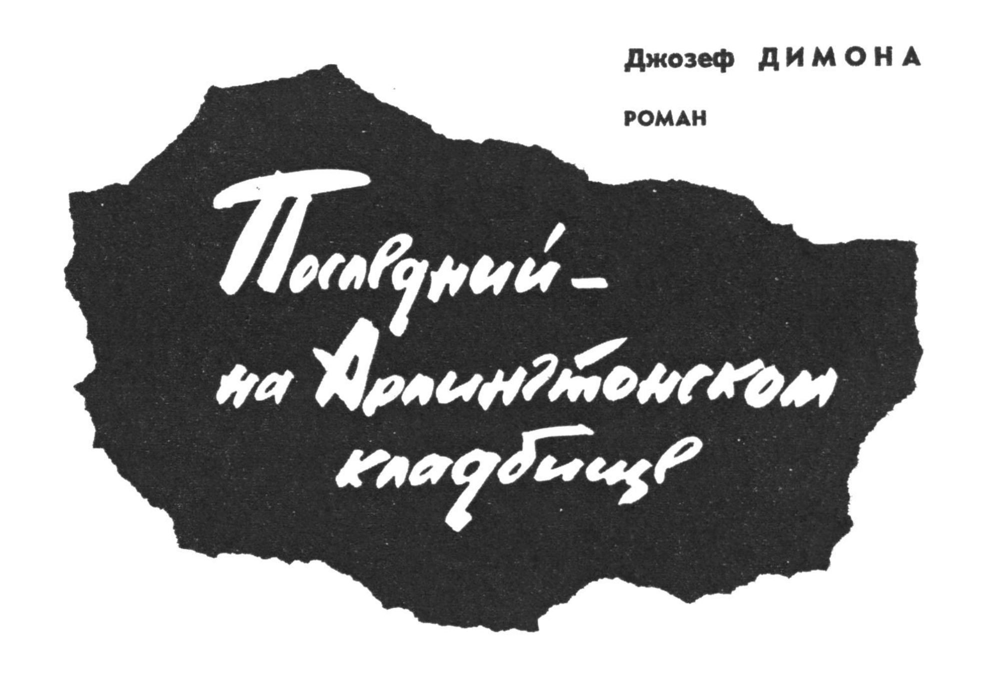
Теперь наибольшая опасность угрожает Карсону. Он находится под охраной агентов ФБР и телохранителей. Но Лоуэлл сумел обмануть Уильямса и убил Карсона. Несмотря на все принятые меры, преступник скрывается и готовится к покушению на маклера Меллона.

Лоуэлла разыскивают и «олимпийцы» — секретная организация правых из высших правительственных сфер, которую он пытается разоблачить. Агент «олимпийцев» Ричардсон попал в руки Уильямса и рассказал о своем бывшем подчиненном Лоуэлле, служившем вместе с ним во Вьетнаме в особом подразделении.

В это время маклера Меллона поселяют на яхте, тщательно охраняемой морскими пехотинцами и разведкой.

Джозеф **ДИМОНА**

РОМАН

●

Аллен в Чикаго узнал об аресте брата и пришел в смятение. Денег у него не было. После возвращения Аллен нигде не мог удержаться на работе. Он был подавленным, неспособным сосредоточиться, постоянно ошибался, и даже наиболее патриотически настроенные наниматели, желавшие помочь бывшему «зеленому берету», бывали вынуждены отказываться от него.

И теперь он не знал, как быть. Брат попал в тюрьму по его вине. А у него ни ломаного цента, ни влиятельных друзей, и он не мог вызволить брата, попавшего в тюрьму за то, чего не хотел делать.

Час спустя Аллен вышел на дорогу попроситься на попутную машину до Сент-Пола, его подобрал водитель такого же трейлера, какой сбил его отца и мать, довез до Де Мойна, там остановился на пустыре у окраины города и стал приставать. Аллен ударил его ребром ладони по голове и оглушил.

Потом на пустынных дорогах Миннесоты повалил снег, движение было редкое, да еще замедленное снегопадом, и Аллен мерз на обочине, веки его заиндевели, наконец остановилась легковая машина с четырьмя женщинами, и бывший «зеленый берет» оказался на заднем сиденье между двумя симпатичными монахинями; очень милые, ярко выраженные ирландки довезли его до Сент-Пола, сделав крюк в десять миль, и предложили помолиться за него.

Аллен был в незнакомом заснеженном городе, где-то здесь сидел в тюрьме его брат. Тюрьма находилась позади здания федерального суда. Аллен отправился в тюрьму, спросил о времени свиданий и узнал, что слушание дела назначено на завтра. Он отрекомендовался братом Томми и спросил, есть ли у него адвокат.

— Адвоката назначит ему судья,— сказал человек, сидевший за столом.— Об этом не волнуйтесь. Его права будут защищены должным образом.

Оказалось, что защищены они были более должным образом, чем представлял тот человек, потому что ночью пятьдесят студентов Миннесотского университета совершили налет на тюрьму, в свалке кто-то похитил ключи и освободил Томми и Фреда Колдуэлла. На другой день трое возглавлявших налет были арестованы за пособничество побегу. Отцы через несколько часов вызволили сыновей, однако из университета их исключили.

Завладел ключами и открыл двери камер Аллен Лоуэлл. Студенты не предполагали, что заключенные действительно будут освобождены, и это была одна из причин, благодаря которой трое вожаков получили условный приговор.

Два дня спустя Джордж Уильямс явился в сент-полское отделение ФБР. Инспектор Джон Моли, тридцатипятилетний человек интеллигентной внешности, был, как положено, одет в строгий костюм с черным галстуком, но, казалось, предпочел бы куртку и мягкие кожаные башмаки. К тому же, как вскоре обнаружил Уильямс, он был совершенно некомпетентен.

— Полиция помогала вам?— спросил Уильямс.

— Полицейские выставили посты на дорогах и отправили людей с описанием бежавших на вокзал и в аэропорт. Но...

— Как долго смогут они не снимать постов?

— В этом-то вся проблема. Идет снег, стоит мороз, на дорогах образуются пробки, а начальник полиции через двенадцать часов снял посты.

— Черт с ним,— сказал Уильямс.— Арестованные бежали и не станут сидеть в Сент-Поле, дожидаясь, пока вы снова их возьмете.

— Ну и что же нам делать?

Уильямс поглядел на него.

— Узнаем, куда они скрылись. Это нетрудно.

— Нетрудно? Как же это узнать?

— Вызвать осведомителей.

Осведомители явились поодиночке во второй половине дня — эти оробелые юнцы подрабатывали доносами на своих однокурсников и для очистки совести убеждали себя, что они за войну. Уильямс допросил всех, отпустив последнего, он вошел в кабинет Джона Моли и грузно опустился на зеленую софу, над которой висел непременный портрет Гувера. Полистав с минуту свои записи, Уильямс сказал:

— Итак, все утверждают одно и то же: что беглецы подались в Торонто, за пределы юрисдикции США.

— Значит, нужно позвонить на границу.

— Значит, они отправились в другую сторону,— сказал Уильямс.— Будем исходить из того, что они умны. Торонто — это слишком явно.

Моли смотрел на него как зачарованный.

— Невозможно проверять каждую машину между Сент-Полом и Чикаго, верно?— сказал Уильямс.

— Верно. На всей дороге посты не выставишь. Начальникам полиции наплевать на двух дезертиров из Миннесоты.

— Но полиция штата могла бы искать автомобиль, в котором едут трое молодых людей.

Моли пришел в возбуждение.

— Верно! Им кто-то помог, по словам осведомителей, один парень. Значит, все трое, видимо, поедут вместе.

— Тогда позвоните в полицию штата и скажите, чтобы задерживали каждую машину с тремя молодыми людьми. Если хотите, и на дорогах в Торонто.

Моли поглядел на него.

— Господи, как легко у вас все получилось! За что мне только платят деньги?

Но Уильямс оборвал его:

— Лично я надеюсь, что вы их не найдете.

Моли не знал, как воспринимать это заявление от высокопоставленного служащего министерства юстиции, поэтому не произнес ни слова.

На двухрядном асфальтовом шоссе среди заснеженных лесов и равнин обнаружить их было проще простого. Ни потока автомобилей, в котором можно затеряться, ничего... Аллен беспокоился. Он гнал машину так быстро, как только мог, не сводя глаз с зеркала заднего обзора.

— Полегче, Аллен,— сказал Фред,— разобьемся. Они сочтут, что мы направились в Торонто. Половина осведомителей — мои люди, я знаю, что они скажут так.

Еще не опомнившийся Томми сидел на заднем сиденье и помалкивал. Но тут он заговорил:

— На процессе я скажу судье, что хочу служить в армии, может, он пойдет мне навстречу.

— Конечно,— сказал Колдуэлл,— а как насчет тех тридцати парней, что мы переправили через границу в прошлом месяце?

— Но фамилии брата никто не знает,— сказал Аллен.— Ты известен, а Томми нет.

— Большое спасибо.

— Я вытащил тебя из тюрьмы, разве не так? Ты гнил бы сейчас в той камере.

Вечером они наткнулись на проселок, приведший к заброшенной охотничьей хижине, влезли в нее, развели громадный ревущий огонь и стали жарить сосиски, купленные по пути в городке.

На другой день они остановились у аптеки, Колдуэлл позвонил одному из своих людей и узнал, что руководить поисками прибыл один из шишек министерства юстиции по имени Джордж Уильямс.

Видимо, это встревожило Аллена, потому что он сказал: «Нельзя оставаться на этой дороге»,— развернулся и поехал обратно к хижине.

— Спрячемся там. Полиция не сможет обыскивать каждую развалюху в трех штатах.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—47.

И уже почти у цели, проезжая мимо рекламного щита, они слишком поздно заметили полицейского, тот метнулся к рации на мотоцикле, и Аллен понял, что дело плохо. Он свернул на первый же проселок и ехал, пока было возможно, потом пришлось бросить машину.

Они были в заснеженном лесу, когда послышался лай собак. Чертов полицейский, должно быть, вызвал своих и обнаружил следы на снегу. Как их было не заметить?

И тут им повезло. Полицейский оказался смельчаком. Он пустился в погоню, не дожидаясь своих коллег с собаками. Рев его мотора разносился по лесу, потом возле брошенной машины полицейский затормозил, тяжелый мотоцикл заскользил по снегу, и Аллен кошкой бросился на полицейского, вцепился одной рукой ему в горло, другой вырвал у него пистолет и ударил рукояткой по голове.

Полицейский, раскинув руки, упал в снег, и Аллен сказал:

— Фред, мы с тобой едем на мотоцикле им навстречу. А ты, Томми, тем временем спрячься в лесу.

Он надеялся, что они вызовут суматоху и Томми успеет скрыться, вместе с тем он сознавал, что может погибнуть, и не хотел, чтобы брат попал под пули. Колдуэлл, видимо, тоже сознавал это.

— Нет,— сказал он.— Я остаюсь, можешь ехать сам.

Аллен навел на него пистолет.

— Чтобы они не бросились за Томми, на мотоцикле должны быть двое.

Минуту спустя он гнал мотоцикл, держа пистолет в правой руке на руле. Колдуэлл сидел сзади, ухватясь за его талию. Мотоцикл скользил на укатанной дороге, но Аллен крепко держал руль. Они вынеслись из леса и увидели полицейских с собаками. Один потянулся к пистолету, но было поздно — мотоцикл пронесся и скрылся, прежде чем патрульная машина успела развернуться.

Томми продирался сквозь чащу, не сознавая, куда идет, обледенелые ветви хлестали его по лицу. А потом еще началась метель, Томми едва не валился с ног, почти ничего не видел и неожиданно выбрел на дорогу, откуда начал свой путь, где и наткнулся на полицейского, оглушенного Алленом. Полицейский уже сидел, он крикнул троим, пришедшим ему на помощь, двое обернулись и выхватили пистолеты, Томми закричал «Нет!», но первая же пуля вошла ему в мозг и отбросила на ствол дуба, потом он рухнул, как сломанная кукла, на снег тонкой струйкой потекла кровь.

28

Джордж Уильямс вернул протокол слушания на полку. Тайна была разгадана, по крайней мере в одном случае. В его собственном. Он теперь знал, почему брат Томми Шовайса хочет его убить.

И поскольку, узнав, что парень убит, Уильямс тогда взорвался, наорал на безмозглых полицейских, стрелявших без причины, и в глубине души понял, что он один повинен в смерти парня, потому что эти гении сами никогда бы его не нашли, теперь у него появилось какое-то странное чувство. Он больше не винил человека, решившего убить его. Ничуть не винил.

Уильямс вышел из библиотеки, отправился в ФБР, и через пять минут телетайп отстукал имя сводного брата Томми Шовайса: Аллен Лоуэлл.

29

«АП[1]... Вашингтон... 10 ноября... Информированный источник ФБР сообщил сегодня, что убийства Джеймса Карсона и Томаса Медуика совершил некто по имени Аллен Лоуэлл, служивший в «зеленых беретах». Последнее время Лоуэлл жил в Чикаго.

ФБР сегодня разослало фотографии Лоуэлла прессе. Описание его внешности уже публиковалось.

Представитель ФБР заявил, что в настоящее время не может сказать, как была установлена личность подозреваемого, но намекнул, что после убийства конгрессмена Медуика этим делом занимались многие служащие.

Джордж Уильямс, служащий министерства юстиции, впервые сообщивший о «списке Кеннеди», находится в отъезде, и связаться с ним для комментариев невозможно.

ФБР утверждает, что теперь арест подозреваемого — вопрос нескольких дней».

[1] Ассошиэйтед пресс.

30

Человек, пришедший к Лауре Морган, был не таким, как она представляла себе агентов ФБР. Волосы его были длинными, костюм — неглаженым. Однако он показал худощавой старушке удостоверение, и она пригласила его в гостиную своего каркасного двухэтажного дома на северной стороне Чикаго.

— Вы Лаура Морган, тетя Аллена Лоуэлла?— спросил агент.

— Да, сэр,— ответила женщина, сидевшая, выпрямясь, на краю софы.— Я всегда говорила, что он скверный мальчишка.

Она заметила, что агент быстро оторвал взгляд от блокнота, в котором делал записи.

— Попадал он раньше в неприятные истории? В полицейском журнале регистрации приводов его фамилия не встречается.

— Нет. Все неприятности выпадали на мою долю. Он никогда не слушался и все время твердил, каким станет, как только сможет уйти от меня. Видите ли, его матерью была моя сестра, и, когда они с мужем погибли в катастрофе, мне пришлось взять к себе обоих мальчишек...

— Нам это известно, мисс Морган.

— А... ну ладно... Я все-таки заставила его окончить школу, и он тут же отправился в Вашингтон. После всего, что я для него сделала, этот мальчишка не прислал мне хотя бы пяти центов.

— Ему предлагали там какую-то работу?

— Никто ему ничего не предлагал. Мы смотрели, как Кеннеди принимал президентскую присягу — тоже мне президент!— и я хорошо помню, Аллен с Томми сидели на полу перед телевизором, и Аллен так ловил каждое слово, будто находился в церкви. Томми — тот нет. Он слушал спокойно, а вот Аллен... Даже не знаю, что-то *не то* творилось с этим мальчишкой. Я хочу сказать, незачем ему было волноваться о том, что говорит какой-то политикан за тысячу миль отсюда.

— Он вступил там в корпус мира или что-нибудь в этом роде? Мы пока не проследили, чем он занимался в Вашингтоне.

— Нет,— сказала мисс Морган.— Туда брали тех, кто окончил колледж, так ведь? А он был просто заурядным мальчишкой — ни колледжа, ни денег, ни связей. Я все говорила ему: «Что ты надеешься *найти* в Вашингтоне? Ты никто, Аллен».

— А что он отвечал?

— Отвечал он нагло. Например: «Будь я заурядным, я не захотел бы ехать». Чересчур уж много понимал о себе этот мальчишка.

31

Куда бы он ни шел, газетные заголовки резали глаз его именем. «РАЗЫСКИВАЕТСЯ АЛЛЕН ЛОУЭЛЛ». «АЛЛЕН ЛОУЭЛЛ — УБИЙЦА».

Но его это не беспокоило. Не беспокоило и то, что Джордж Уильямс, должно быть, сообщал по телеграфу на весь мир имя Джим Адамс, несомненно, поздравляя себя с тем, что заставил беднягу Робера харкать кровью.

Находясь среди олимпийцев, Аллен усвоил: чтобы выжить, нужно опережать противника. Теперь он носил с собой документы на имя сержанта Гарольда Дауба, они обеспечат ему безопасность до смерти Меллона. Потом будет пользоваться другими, уже изготовленными в Вашингтоне.

Меллон будет мертв завтра. Сполдинг трудностей не представит — Аллен слышал, что она удирает от своих охранников как минимум дважды в сутки. Трех дней на нее хватит. Потом этот педик Уорнки — на него пусть уйдет неделя. Значит, остается полторы недели, чтобы подготовиться к встрече с Уильямсом, он уже выбрал для нее место и приготовил весьма оригинальное оружие для убийства самого опасного из противников.

Аллен взял на плечо тяжелый поднос со стаканами и распахнул ногой дверь ресторана при отеле «Парадайз» в Нассау, где работал помощником официанта. Поставив поднос на столик неподалеку от выписывающего чек преуспевающего бизнесмена, Аллен глянул на номер его апартамента: 641.

Он уже украл более двух тысяч долларов, запоминая, кто где живет, и открывая двери отмычкой, когда жильцы уходили на пляж. К счастью для него, кражи замалчивались. Отели меньше всего хотят объявлять, что у них обкрадывают туристов. Правда, Аллен заметил слонявшегося по отелю желтолицего полицейского в штатском. Но он не беспокоился. Еще одна удачная операция — и конец. Двух с половиной тысяч будет вполне достаточно.

Кражу он совершил час спустя. Все прошло гладко. Затем отправился в комнатушку, снятую в городе, осмотрел купленный накануне бинокль и, взяв отвертку, стал осторожно ковыряться в нем.

32

Коннорс, говоря по телефону, захлебывался от восторга.

— Джордж, ты установил его личность, начав с нуля. Я всех здесь уверял, что тебе это удастся.

Но Уильямс тут же охладил его:

— Я чувствую, что нахожусь в худшем положении, чем раньше.

— Почему?

— Мотив. У него есть причина убить *меня* — я способствовал убийству его брата. Но что он может иметь против остальных, *никогда не слыхавших о Томми* Шовайса?

— Это так,— сказал Коннорс.— Но у меня есть одна теория. Когда не можешь обнаружить мотива, когда ты весь измучен и кажется, что сходишь с ума,— хватай его за горло. НАЙДИ ЭТОГО ПАРНЯ И ВЫЖМИ ИЗ НЕГО МОТИВ!

Уильямс на другом конце провода улыбнулся.

— Я не смог бы выразиться так красноречиво, но именно это я и пытаюсь сделать. Повидаю тех, с кем последними разговаривал с ним, Леонарда Колмена в Балтиморе и Робера Уара в Торонто. Загляну и к Горджо, хотя Майк в глаза его не видел. Однако он вел с ним дела и может кое-что знать о его тактике, местах укрытия, личинах... кое-что. Возможно, из показаний этих троих нам удастся найти ключ. Вот что, Харли...

— Да?

— Я думаю, что Лоуэлл распланировал каждое убийство и действует, меняя документы, внешность, подходы, методы. В сущности, если хочешь знать правду, я думаю, что мы *никогда* не найдем его.

— Не найдем?— В голосе Коннорса звучало изумление.— Тогда на кой нам все это, черт побери! Сидел бы дома, ждал смерти в уютной обстановке.

— Я досконально проработал все версии, но все-таки не могу остановить его. И не смогу, пока...

— Пока что?

— Где тут связь с Кеннеди? Если он мстит за брата, зачем убивать *меня* в ознаменование годовщины? Вот что путает карты в этом деле. Вот что делает его неуловимым. Мы не можем схватить его, потому что не знаем мотивов. Я надеюсь, ты не забываешь о Сполдинг и остальных. Эта реклама может подстегнуть Лоуэлла, и он бросится на ближайшую жертву.

— Фред Джарвис постоянно следит за охраной, охрана, как ты распорядился, круглосуточная.

— Хорошо,— сказал Уильямс. Через несколько минут он говорил по телефону с Уаром, но опять безуспешно.

— Вы должны понять меня,— сказал Робер.— Джефф Болтон мне почти что сын. Несколько лет назад один из моих сыновей, Поль, связался с наркотиками. Продавал их дезертирам и принимал сам. Полиция застукала его и других с поличным, и Джеффу удалось вызволить его. Остальные были арестованы и осуждены, а мой сын остался на свободе и исправился.— Уар ненадолго умолк, потом продолжал: — Теперь мой сын—адвокат в Кве-

беке, он пользуется уважением, счастлив в браке и все благодаря этому американскому парню. Я не стану помогать вам.

— Вы должны нам помочь,— сказал Уильямс.— Это совсем не тот парень, какого вы знали. Он безумен.

— Но я недавно видел его, месье. Он так же нормален, как и прежде. Конечно, Джефф стал... нервным после смерти брата. Но он в своем уме.

— Я приеду повидать вас,— сказал Уильямс.

Молчание, потом Уар устало сказал:

— Не трудитесь, месье. Я скажу, как уже сказал полиции, что изготовил ему документы на имя Джо Маркони.

— Не уезжайте,— сказал Уильямс.

33

Неподалеку от острова Сент-Джон аквалангист взобрался на корму моторки у вспомогательного судна и нырнул в зеленые глубины карибской лагуны. Меллон разглядывал его в бинокль со своей яхты и удивлялся, как глубоко видно ныряльщика в чистой воде.

Ныряльщик, один из тренирующихся акванавтов, подплыл к домику на дне. Над ним неподвижно висела серебристая рыбка, затем промелькнул угорь — безвредный, не мурена; аквалангист, медленно гребя руками, подобрался к входной двери, нажал несколько рычагов и вплыл во входной отсек. Подождал, пока сжатый воздух не вытеснил из отсека воду, потом открыл внутреннюю дверь, увидел двух других акванавтов в одних трусах, играющих за столом в покер. Один из них поглядел на потолок и спросил:

— Что за карты у него, Лес?

Другой засмеялся. Телевизионная камера над ними управлялась с борта вспомогательного судна, и ответ последовал незамедлительно:

— Два короля, две двойки и пятерка.

— Черт бы тебя побрал!— крикнул тот, чьи карты были раскрыты.

— Выбирайте выражения, джентльмены. У нас на борту дама.

— Боб, включи-ка экран,— сказал один из сидящих. Вошедший подошел к телевизору, и на экране появилась девица в бикини. Семнадцатилетняя красавица, подружка Меллона Кэти.

Акванавты засвистели.

— Спусти ее сюда! Когда мы с ней познакомимся?

— Джентльмены, это Кэти Симмонс,— послышался сверху укоризненный голос,— дочь мистера и миссис Симмонс, с которыми вы знакомы. Так что не забывайте о манерах, м о и д о р о г и е.

Кэти с улыбкой мгновенно сняла верхнюю часть купальника, обнажив груди. Потом медленно надела и повернулась к невидимому человеку наверху.

— Простите, мистер Хадсон,— сказала она.— Он соскользнул.

— Ах, черт,— сказал один из акванавтов.— После этого хотят, чтобы мы провели здесь тридцать дней.

Наверху, на борту судна, Кэти стояла перед рассерженным ученым.

— Я расскажу об этом твоему отцу.

Сказать по правде, Кэти была очень зла на себя. Джим Адамс убьет ее, если узнает, что она привлекла к себе внимание, хотя он велел ей быть особенно сдержанной. Но эти акванавты такие душки и выглядят такими одинокими, словно рыбки в аквариуме.

Дура, абсолютная дура. Вечно она совершает невозможно глупые поступки. Например, обещала Джиму следить за Меллоном.

— Не рассказывайте, пожалуйста,— попросила она мистера Хадсона.— Эти ребята кажутся такими одинокими...

— Мисс Симмонс! Вы еще ребенок.

«Спустить бы с тебя брюки»,— подумала Кэти. Но вместо этого начала плакать, и в конце концов старый Хадсон обещал ей, что ничего не расскажет родителям. И прибавил:

— Я не могу оставить тебя на борту, Кэти.

И тут она расплакалась по-настоящему. Потому что Джим Адамс собирался встретиться с ней на вспомогательном судне, и теперь она сама все испортила.

Кэти сидела лицом к корме в небольшой моторке, идущей к яхте Меллона. Оглянувшись, она увидела, что яхта кишит морскими пехотинцами и по бортам, футах в тридцати, стоят две лодки. Джим не сможет добраться до нее. Она больше никогда его не увидит.

Кэти взобралась по сходням и поздоровалась с Меллоном. Она считала его очень славным человеком. Ей понравилось с ним в постели, но Джиму она этого не говорила. Джим был ревнивцем.

В своей каютке она переоделась в брюки и кофточку и в тысячный раз подумала: что может иметь Джим Адамс против Меллона? Всякий раз при упоминании его фамилии у Джима на лице появлялось какое-то спокойное, неестественное выражение. А ведь Меллон — добряк. Он даже мухи бы не обидел.

Прошлым вечером на пляже в Нассау она пыталась спорить с Джимом на эту тему. Но Джим сказал:

— Если он такой хороший, почему кто-то хочет его убить?

— Но мистер Меллон даже не верит в то угрожающее письмо, о котором писали в газетах. Он говорит, что его с кем-то спутали.

Ее друг не ответил. Он лежал вверх лицом на индейском одеяле, которое они принесли с собой, и глядел на звезды.

— Почему ты следишь за ним, Джим? Это нехорошо. Это страшно. Я не хочу вмешиваться ни во что дурное.

Джим приподнялся на локте и поглядел на нее.

— Меня за это могут уволить,— сказал он.— Но я скажу, потому что люблю тебя и не хочу, чтобы ты пугалась. ФБР.

— Ты агент ФБР — с такими волосами?

— Маскировка.— Он засмеялся.— Большинство наших агентов сейчас носит длинные волосы.

— А мистер Меллон совершил что-нибудь... плохое?

— Да, он совершил кое-что плохое. Не стану говорить, что, а то еще проболтаешься. Но намекну. Когда его яхта отправится на Сент-Джон, ты увидишь на борту нескольких незнакомцев, и, как минимум, двое будут агентами ФБР. Сама убедишься.

Теперь, натянув брюки, Кэти подумала, что Джим был несправедлив к мистеру Меллону. Они находились в лагуне три дня, и она видела только людей в форме. Симпатичных морских пехотинцев. Значит, Джим все-таки соврал.

Выйдя на палубу, она увидела, что по сходням поднимаются двое мужчин, в деловых костюмах они выглядели здесь очень неуместно. Меллон проводил их в салон, а десять минут спустя, столкнувшись на палубе с Кэти, сказал:

— Знаешь, кто это? Агенты ФБР. На борту не хватает только военных летчиков.

И не мог понять, почему Кэти, услышав это, расплылась в улыбке.

34

Фирма «Колмен продакшнз» размещалась в скромном кирпичном здании с белой облицовкой в прекрасной холмистой местности возле Таусона, штат Мэриленд. Уильямса проводили в неприбранный угловой кабинет президента фирмы, человека с красноватым веснушчатым лицом, всклокоченными седыми волосами и грубоватыми манерами.

— Черт возьми, да не вспоминайте об этих съемках «кемита»,— сказал Колмен.— Сплошные неприятности из-за Болтона, то есть Лоуэлла, если это его настоящая фамилия. Нам еще даже не заплатили за этот фильм.

— Почему?

— Заказчик так разозлился после истории с Болтоном, что вряд ли захочет иметь с нами дело. К тому же, разумеется, у меня были обычные осложнения со сценарием, но вас это не интересует. Вы хотите узнать все, что мне известно о Болтоне, верно? С вашего позволения, я буду называть его так.

— Он впервые работал у вас над фильмом о «кемите»?

— Нет, мы нанимали его еще для нескольких работ, началось это около года назад. Хотите кофе?

— С удовольствием.

Они сидели молча, пока секретарша не принесла им ритуального кофе в картонных стаканах, и Уильямс стал пить, выжидая.

— Этот парень пришел искать внештатную работу примерно год назад,— сказал Колмен.— Он был в отчаянии. Во-первых, он не мог удержаться ни на одной постоянной работе. Откровенно сказал мне, что после Вьетнама несколько раз был в психиатрических лечебницах. Во-вторых, произошла одна история, сломившая его.

— Какая именно?

— Он получил в Нью-Йорке работу над специальным телефильмом, посвященным годовщине со дня смерти Кеннеди, и в последнюю минуту его уволили. Сказали, что им не понравилась его позиция.

— Как называлась эта нью-йоркская компания?— спросил Уильямс.

Колмен улыбнулся.

— Не упускать ни одной подробности, мистер Уильямс? Что ж, старый король Кол к вашим услугам. Вот сводка, которую он дал мне, внизу название компании.

Он протянул Уильямсу отпечатанную на мимеографе сводку. Уильямс прочел внизу:

Интернейшнл телевижн пэкейджинг
Нью-Йорк, Рокфеллер-плаза, 30
Срок работы: с августа по октябрь 1972 г.

— По указанному здесь адресу он не живет,— сказал Колмен.— Мы навели справки после кражи «кемита».

Но Уильямс читал на верху страницы:

ЮСИА
Вашингтон, О. К.
Срок работы: с июня 1963 по май 1964 г.

Значит, Лоуэлл работал в ЮСИА! Карсон тоже. Какая-то связь! Уильямс сложил сводку, сунул ее в карман и сказал Колмену:

— Лоуэлл замышляет убийство нескольких людей, состоявших на государственной службе в одно время с ним. Зная его, не могли бы вы подобрать ключ к разгадке причины?

— Ключ у меня есть, не сомневайтесь,— сказал Колмен.

— Какой?

— У него была пленка с похорон президента, я видел ее.

— Пленка? Вы имеете в виду его снимок с Кеннеди на одном из приемов в Белом доме?

— Нет,— сказал Колмен.— Пленку, отснятую на похоронах. При устройстве на работу он демонстрировал ее как образец.

— Ясно. Почему же пленка с похорон Кеннеди — ключ?

— У меня есть с п и с о к с ю ж е т о в. Уходя, он забрал пленку, но список оставил. Я нашел его сегодня в личном деле. И могу сказать вам, что был н е с к о л ь к о удивлен.

Колмен раскурил трубку и откинулся назад, попыхивая и глядя в лицо Уильямсу. Он был из тех людей, которые любят держать слушателя в неведении как можно дольше.

— Что же было на этой пленке?— спросил Уильямс.

— Та-а-ак,— протянул Колмен, и Уильямс ждал, пока очередной клуб дыма поднимется к потолку.— Лоуэлл говорил, что во время похорон он был еще начинающим редактором в ЮСИА. Но по этому случаю агентство послало на съемки всех сотрудников, чтобы осветить событие со всех сторон. Лоуэлл отправился со съемочной группой, и кончилось тем, что он стал брать интервью у людей в толпе. В фильм «Годы молний» эти интервью не вошли, но Лоуэлл тем не менее гордился ими. Он хранил пленку как образец. Устраиваясь на работу, он прокручивал ее, чтобы показать, на что способен. В кинобизнесе это обычное дело.

Похороны Кеннеди! Лоуэлл и н т е р в ь ю и р о в а л людей! Колмен взял список и зачитал фамилии тех четверых, у кого Аллен Лоуэлл брал интервью на похоронах Кеннеди в ноябре 1963 года:

Эверетт Меллон
Томас Медуик
Роберт Уорнки
Стефани Сполдинг.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

ПЕТЛЯ БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТИ

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

(ПОСЛЕ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ «ЧП В МУРАНОВЕ»)

Раньше Муранову посвящали стихи, писали трактаты об интересной истории усадьбы. Теперь пухнут папки с актами обследований бедственного положения, протоколами заседаний, жалобами, объяснительными записками и т. п.

Письма о чрезвычайных беспорядках в музее-усадьбе имени Ф. И. Тютчева «Мураново» приходили в редакцию задолго до того, как в августе этого года в журнале № 34 была опубликована статья «ЧП в Муранове». После публикации количество писем увеличилось, и во всех без исключения читатели возмущались безобразиями, происходящими в музее-усадьбе.

Москвичка Т. Минаева пишет: «Без Тютчева нельзя жить»,— сказал Лев Толстой, а мы добавим, что нельзя жить и без Муранова. Оно должно быть спасено и восстановлено в кратчайший срок!»

Ленинградцы Дмитриевы в этом году на машине ездили по Подмосковью, посещали памятные места и сообщают: «То, что написано в статье, мы видели собственными глазами».

О сложных проблемах музея-усадьбы «Мураново» пишет в редакцию ее бывший директор А. Петров, который сообщает, что в 1983—1985 годах он поднимал их в центральной и областной прессе. К сожалению, эти выступления не возымели тогда должного действия.

Правнук Ф. И. Тютчева, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор сельскохозяйственных наук, профессор Н. В. Пигарев прислал копию письма, адресованного заместителю Председателя Совета Министров РСФСР Е. М. Чехарину, в котором просит дать указание Министерству культуры РСФСР принять срочные меры к спасению Муранова. В сопроводительном письме Н. В. Пигарев пишет о том, что создавшееся в Муранове положение глубоко беспокоит всех потомков Тютчева, и сообщает, что летом 1984 года, когда разрушение дома еще не было начато, на заседании ученого совета музея он вместе с правнуком Е. А. Баратынского Н. М. Алексеевым поднимал вопрос о необходимости предусмотреть сохранение музея без каких-либо изменений его строительных особенностей, внутренней планировки и экспозиций. И это не встретило возражения.

Настало время и официальных ответов. Вскоре после публикации в адрес министра культуры РСФСР тов. Ю. С. Мелентьева и в «Огонек» пришло письмо от заместителя министра культуры СССР тов. Г. А. Иванова, в котором говорится:

«Дом музея-усадьбы, построенный в 1841 году, несколько раз перестраивался, ремонтировался и реставрировался. Музей-усадьба пользовался огромной популярностью, и дом с трудом выдерживал большой поток экскурсантов. В 1983 году трест «Мособлстройреставрация» должен был провести необходимые реставрационные работы. Экспозиция музея была разобрана и перевезена в помещение двух небольших церковных построек. К осени 1984 года в интерьере дома были сняты перегородки, двери, полы, с печей и каминов — изразцы. Из раскопанных шурфов и ям в подполье стала проникать вода. Однако к реставрации дома до сих пор так и не приступили.

Второй год ценнейшие произведения изобразительного и прикладного искусства — картины замечательных мастеров, фарфор, бронза, уникальная мемориальная мебель, архивы, старинные фотографии, обширная библиотека находятся в условиях, не приспособленных для длительного хранения фондов. На территории охранных зон музея ведется новое строительство, искажающее пейзаж, нарушающее сложившийся природный баланс и гидрогеологический режим. Значительно повысился уровень грунтовых вод. Дом приведен в полуразрушенное состояние. Архитектурный проект реставрации дома в Муранове выполнен совсем недавно и нуждается в переработке. Нет необходимых проектов инженерного оборудования и коммуникации (отопления, вентиляции, электроснабжения, дренажа).

Научно-методический совет по охране памятников культуры Министерства культуры СССР в марте 1985 года обращал внимание Главного управления культуры Мособлисполкома на недопустимо затянувшиеся работы по главному дому усадьбы и необходимость принятия мер к улучшению их качества с учетом требований сохранения историко-мемориальной ценности памятника. В июне с. г. советом было проведено выездное заседание комиссии специалистов по обследованию музея-усадьбы. Протокол заседания направлен Министерству культуры РСФСР, Мособлисполкому, Мособлстрою и другим заинтересованным организациям с целью прекращения необоснованной разборки конструкций дома, максимального его сохранения и тактичного приспособления главного здания музея, а также комплексного решения проблем охраны и развития мемориальной усадьбы Мураново.

Министерство считает правильным критические замечания авторов статьи В. Потресова и М. Поспелова по поводу безответственного отношения Главного управления культуры Мособлисполкома, треста «Мособлстройреставрация» и автора проекта реставрации дома в Муранове И. А. Левакова к сохранению и реставрации ценного памятника истории и культуры. В результате непринятия срочных и действенных мер музей-памятник доведен до аварийного состояния, а музейные художественные ценности находятся в угрожающем положении.

Следует при этом отметить, что в последнее время все чаще в печати, письмах специалистов и граждан появляются тревожные сигналы о неблагополучном положении дел с охраной культурного наследия, реставрацией памятников истории и культуры, находящихся на территории Московской области. Приводимые в статьях и письмах примеры свидетельствуют также об отсутствии должного контроля со стороны Министерства культуры РСФСР за методической направленностью реставрационных работ, проводимых трестом «Мособлстройреставрация».

Министерство культуры СССР полагает, что вопрос о состоянии дела охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры Московской области необходимо рассмотреть на коллегии Министерства культуры РСФСР с привлечением всех заинтересованных организаций.

Просим принять самые решительные меры к наведению порядка в этом деле, привлечь к ответственности организации и лиц, виновных в нанесении серьезного ущерба музею-усадьбе имени Ф. И. Тютчева в Муранове».

Заместитель министра культуры СССР прямо назвал действия лиц и организаций, повинных в современном состоянии Муранова, в ущербе, нанесенном музею-усадьбе, **безответственными** и принципиально поставил вопрос о наведении в этом деле порядка.

Но вот пришло в «Огонек» письмо, подписанное заместителем министра культуры РСФСР тов. А. И. Шкурко, и недоуменные вопросы вновь обрели свою силу. «Тресту «Мособлстройреставрация»,— сообщает тов. Шкурко,— поручено в 1983—1984 годах осуществить проектные и ремонтно-реставрационные работы по усадьбе. Трест приступил к натурным исследованиям, в ходе которых была проведена разборка части элементов конструкций и интерьера главного дома».

Итак, заканчивается 1985 год. «Музей-памятник,— как отмечает Министерство культуры СССР,— находится в угрожающем состоянии», а заместитель министра культуры РСФСР хладнокровно констатирует, что уже год назад реставрационные работы должны были быть проведены. Увы, не только не были проведены, но и не начинались, о чем говорилось в статье «ЧП в Муранове». Но самое любопытное в письме тов. А. И. Шкурко содержится далее: «В настоящее время реставрационные работы по объему приостановлены до утверждения комплексной программы реставрации главного дома усадьбы». Как можно было приостановить то, к чему и не приступали, и почему комплексную программу нужно утверждать лишь сейчас, тогда как реставрационные работы должны были быть проведены в 1983—1984 годах?

Разрушительные действия, которые затянули вокруг Муранова тугую петлю безответственности и бесхозяйственности, пытается оправдать в своем письме в «Огонек» и заместитель председателя исполкома Мособлсовета тов. В. П. Колмогоров. «Натурные исследования памятника,— пишет заместитель председателя Мособлисполкома,— проводились трестом «Мособлстройреставрация» в объеме, необходимом для детального определения технического состояния несущих конструкций и утраченных архитектурных форм». Парадоксальность этих строк очевидна. Да представляет ли тов. Колмогоров, о чем он так спокойно пишет? Разрушение здания ничтоже сумняшеся названо им «натурными исследованиями». Если следовать этой странной логике, то ремонт, например, Ясной Поляны надо начинать с ее фактического уничтожения, как то случилось в Муранове. Да, видимо, не случайно заместитель министра культуры СССР выразил в своем письме озабоченность неблагополучным положением дел с охраной культурного наследия в Московской области. Удивляет и то, что и тов. Шкурко и тов. Колмогоров совершенно обходят в своих ответах критические замечания в адрес треста «Мособлстройреставрация», который непосредственно производил работы, приведшие к современному положению Муранова. По мнению многих специалистов, было бы целесообразно передать выполнение реставрационных работ в Муранове от не справившегося с ними треста «Мособлстройреставрация» более компетентной и мощной организации, такой, как «Росреставрация».

И последняя цитата. «Охранные зоны памятника утверждены в 1977 году. Мероприятия по их содержанию и благоустройству частично (?) не выполнены и будут рассмотрены Мособлисполкомом дополнительно»,— пишет тов. В. П. Колмогоров. Ничего не понятно! Что значит «частично не выполнены»? Когда будет дополнительное рассмотрение? Ведь в результате «частичного», а по сути полного невыполнения изуродованы мемориальные ландшафты, нарушены гидрогеологические режимы местности, поднимается уровень грунтовых вод, гибнут деревья парка, осаживаются фундаменты главного дома — Мураново несет невосполнимые потери.

«Огонек» вторично ставит вопросы: кто должен отвечать, кто отвечает за происходящее в Муранове? Когда начнутся активные, действенные, разумные работы по восстановлению уникального культурного памятника, разрушенного на наших глазах? И как все это соотносится с Законом об охране памятников истории и культуры?

ОТДЕЛ КРИТИКИ

ВЫДАЮЩИЙСЯ СОВЕТСКИЙ ДРАМАТУРГ

15 ноября в Москве, в Колонном зале Дома союзов, состоялся торжественный вечер, посвященный 80-летию со дня рождения Героя Социалистического Труда, выдающегося советского драматурга Александра Евдокимовича Корнейчука.

Все выступавшие, в частности докладчик, министр культуры УССР Ю. А. Олененко, отмечали, что Александр Корнейчук был в числе тех, кто создавал новое, социалистическое искусство. Важнейшие события в жизни нашей страны, нашего народа нашли свое яркое, правдивое воплощение в творчестве Корнейчука. С особой силой талант Александра Евдокимовича проявился в годы Великой Отечественной войны. Его пьеса «Фронт», обошедшая подмостки многих театров мира, рассказала о беспримерном подвиге советского народа в битве с фашизмом.

На вечере присутствовали секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, делегация Украинской ССР.

Вечер завершился концертом мастеров искусств Украины.

ИРИСЫ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

это интересно

Ирис расцветал всюду, где появлялась цивилизация.

Что привлекало людей с художественным вкусом в этом цветке на протяжении всей истории человечества — с незапамятных времен и вплоть до настоящего времени?

В эпоху античности ирис попал в поле зрения человека как лекарственное растение. Потом приобрел значение как символ государственной власти.

В стилизованной форме ирис был знаком величия, гордости и чести.

В средние века ирис в виде орнамента фигурировал на материях, а также пластически в виде наконечников у скипетров, крестов и на коронах в виде зубцов.

Новую жизнь образ ириса получает в XIX и XX веках. В виде геральдического знака он встречается в гербах некоторых государств и городов (целиком или в виде фрагмента, как деталь герба или короны, венчающей герб).

Будучи древнейшей садовой культурой, ирисы были любимыми растениями дворцовых, замковых, монастырских садов с самого зарождения садово-паркового искусства. С начала XIX века начинается интенсивная и целенаправленная работа по выращиванию ирисов из семян, по отбору лучших растений. Освоение новых гибридизационных форм ириса на рубеже XIX—XX веков привело к массовому их вторжению в сады и парки.

Историческая легенда доносит до нас сведения, что желтый ирис спас от поражения короля франков Хлодвига Меровинга, воевавшего с готами. Его войска попали в западню около Кёльна между превосходящими силами противника и рекой Рейном. Заметив, что заросли желтого касатика простирались далеко в реке до одного мыса, Хлодвиг предположил, что это признак мелководья. Со своими людьми он рискнул перейти реку вброд и позже победил неприятеля. В благодарность за спасение Хлодвиг сделал золотой ирис своей эмблемой.

В Советском Союзе интерес к ирисам особенно проявился в послевоенный период. В 1947 году в Ленинграде при Ботаническом саде Ботанического института АН СССР по инициативе доктора биологических наук Г. Родионенко была организована научно-исследовательская работа с видами и сортами ириса, а в 1963 году создана впервые в СССР специальная экспозиция — «сад ирисов» — иридарий. В настоящее время ирисы — обязательный компонент национальных и городских парков и садов непрерывного цветения. Они цветут в средней полосе России начиная с конца мая, весь июнь и первую половину июля...

В. ЦОФФКА

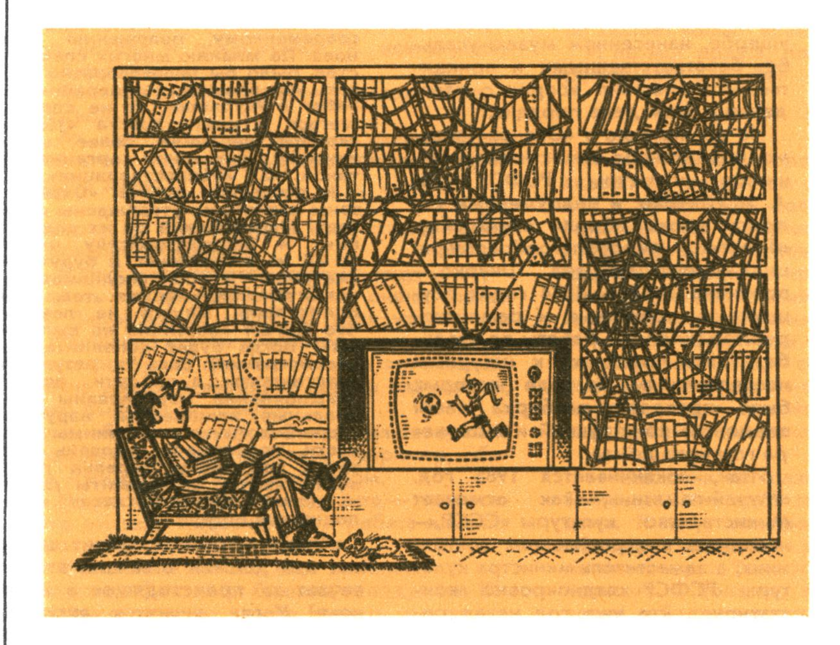

Рисунок Ю. Макаренко

МИНИ-МОНОЛОГИ

— Какая серость! — презрительно сказала о сумерках ночь.

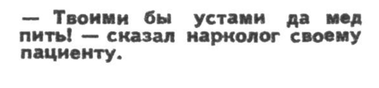
— Игра рукой! — строго сказал футбольный судья пианисту.

— Хорошо смеется тот, кто смеется! — убежденно заявил юморист.

— Браки совершаются даже на небесах,— оправдывался бракодел.

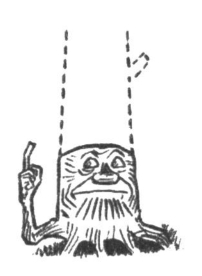
— Стихи — это моя слабость! — признался поэт.

Евг. ТАРАСОВ

— Твоими бы устами да мед пить! — сказал нарколог своему пациенту.

— В человеке должно быть все прекрасно! — сказал начальник, начиная писать очередную производственную характеристику.

— Если бы вы знали, какой я достиг вершины! — кичился пень.

В конце номера

И СНОВА СТАЛО ТЕПЛО...

Операцию повышенной сложности мастерски провели ташкентские гляциологи и вертолетчики Сергелийского авиапредприятия. На высокогорной научной базе «Ледник Абрамова», находящейся на Памиро-Алтае, внезапно вышли из строя генераторы двух дизелей. Возникла реальная угроза для жизни семерых ученых, зимующих на базе. На помощь пришли вертолетчики.

Под руководством одного из лучших пилотов Сергелийского авиапредприятия, В. Денисова, в горы Памиро-Алтая был быстро доставлен крупногабаритный груз — 750-килограммовая дизельная электростанция. Полет был осуществлен на вертолете «Ми-8».

Жизнь зимовщиков вне опасности. Они по-прежнему ведут научные работы. В скором будущем в горах Памиро-Алтая будет создан один из первых во всем мире биосферный заповедник.

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ИГРЫ

Представьте школьников, которые играют в «морской бой» прямо на уроке, нисколько не смущаясь взглядов педагога. Да и сам преподаватель ведет себя как-то необычно: он ждет момента, чтобы самому включиться в игру.

«Загадка» решается просто. Занимательные игры отныне входят в программу нулевых классов в Латвии. По просьбе педагогов рижский завод «Страуме» изготовил несколько комплектов и наборов настольных игр, которые великолепно тренируют память и реакцию ребят, дают им дополнительную информацию из самых разных областей науки и литературы, легкодоступную их возрасту.

Кроме «Морского боя», на заводе «Страуме» созданы игры «За рулем», «Логика цвета» и многие другие. Но, может быть, самую эффективную пользу ребятам приносит игра-тест «А знаешь ли ты?», в которой им предлагается ответить на самые разные, причем не всегда простые вопросы. В поисках ответа ученики должны нажать соответствующую клавишу. Если ответ найден правильно, загорается специальная лампочка...

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

По совету специалистов Министерства морского флота СССР педагоги Мурманского высшего инженерного морского училища имени Ленинского комсомола провели интересный эксперимент. Решался вопрос, могут ли ученики старших классов без отрыва от своих основных занятий по общеобразовательным предметам усвоить программу мореходной школы за три года. Ребят, желающих принять участие в опыте, было очень много. Занятия проводились в школах, в подшефном клубе, на кораблях. Эксперимент принес положительный результат. Оканчивая среднюю школу, многие юноши не без оснований называли себя моряками.

Им предстоит еще определенная подготовка на берегу. И в рейс...

ВНИМАНИЕ, «МАТАРБИ»

Новый напиток «Матарби» — пятнадцатый по счету вид минеральной воды, которую поставляет всей стране пищевая промышленность Грузии. К производству «Матарби» в массовых количествах приступило самое известное в республике производственное объединение «Боржоми».

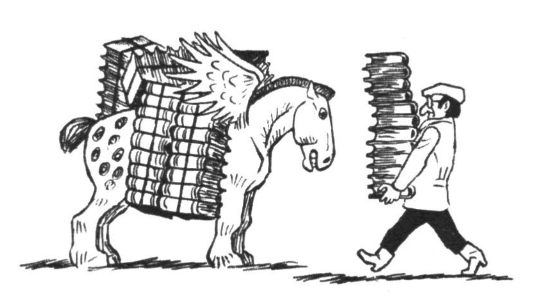
«Матарби» рекомендуется для профилактики и лечения многих желудочных заболеваний, в том числе и тяжелых. Как сообщили нам в производственном объединении «Боржоми», общий объем выпуска новой продукции составит 40 миллионов бутылок в год.

Первая партия новой минеральной воды уже появилась в магазинах страны. А в «Боржоми» пришли первые благодарные письма от покупателей.

Рубрику ведет А. КУРЕПОВ.

Давид КОЛИН,
Сергей ХАЗАНОВ

КАПЛЯ МЕДА

Перевезти свою библиотеку от одной жены к другой поэт Ржевский решил на персональном Пегасе. Конь с крыльями стоял у подъезда, нетерпеливо перебирая копытами, а писатель в синем с прорехами халате наваливал на него брошюры и фолианты.

— Шекспир? — повело чуткими ноздрями образованное животное и ласково заржало.

— Не балуй,— буркнул Ржевский и, отдуваясь, приторочил следующую связку.

— Пушкин! — как бы про себя проговорил коняга, узнав томики академического издания.

— Знаток тоже! — чертыхнулся было поэт, но промолчал.

Потом пошли пять с гаком погонных метров Толстого, полкубометра Достоевского, четыреста кило Брокгауза и Эфрона и полторы тонны прочих, более легковесных изданий.

— Не давит? — грубо, но заботливо спросил хозяин, подтягивая подпругу.

— Вали, наяривай! Нам, орловским, все нипочем! — резвился крылатый Сивка-Бурка.

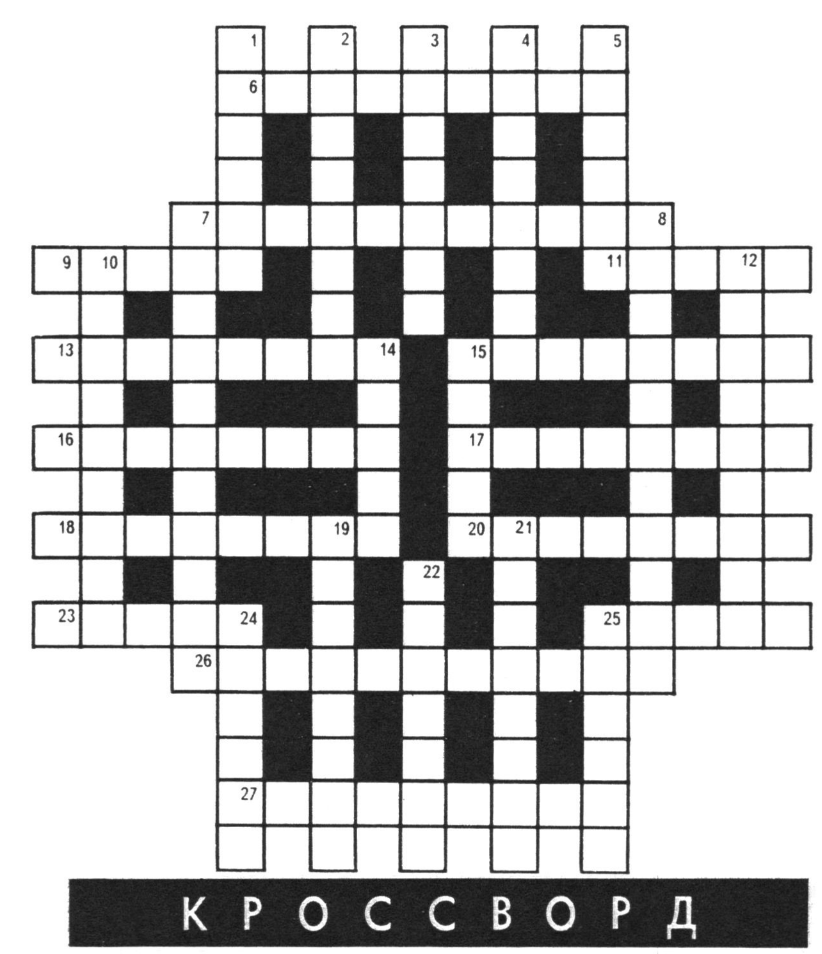
В щели между собраниями сочинений Ржевский втиснул избранные произведения отдельных авторов.

— Кажись, все! — утер он рукавом халата пот со лба.— Вытянешь, родимый?

— Словесность-то изящную? — сделал удивленные глаза Пегас.— Своя ноша не тянет! Еще столько же смогу!

И тогда Ржевский бережно, с благоговением вынес на вытянутых руках самое для него дорогое. С минуту еще постоял, любуясь, и наконец торжественно увенчал груду классиков этим бриллиантом чистой воды — книжечкой собственного сочинения.

Лошадь не выдержала и пала.

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Ленинградская балерина, народная артистка СССР. 7. Вид многоголосия в музыке, полифония. 9. Римский драматург и филолог. 11. Река в Казахстане. 13. Русская золотая монета. 15. Роман Ю. В. Трифонова. 16. Столица Лаоса. 17. Действующее лицо оперы Э. Ф. Направника «Дубровский». 18. Болгарская монета. 20. Советская поэтесса. 23. Улучшенная грунтовая дорога. 25. Волокнистое и масличное травянистое растение. 26. Военнослужащий. 27. Советский химик, академик.

По вертикали: 1. Басня И. А. Крылова. 2. Плавность движений в танце. 3. Единица давления и механического напряжения. 4. Утверждение, принимаемое в научной теории без доказательств, аксиома. 5. Материал для копирования чертежей. 7. Наука об управлении, связи и переработке информации. 8. Спортсмен. 10. Электронная вычислительная машина. 12. Устройство, механизм. 14. Оптическое стекло. 15. Поверхность шара. 19. Персонаж романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо». 21. Зеленая водоросль. 22. Приток Северского Донца. 24. Промысловая морская рыба. 25. Порт на Волге в Горьковской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали: 1. Факультет. 7. Туба. 8. Метан. 10. Залп. 11. Висла. 12. Саржа. 14. Кордова. 16. Легато. 18. Корвет. 20. Марцинкявичюс. 21. Планер. 22. Индаур. 23. Томский. 26. Дамба. 29. Шельф. 31. Гриф. 32. Лайка. 33. Арпа. 34. Смородина.

По вертикали: 1. Фраза. 2. Кимоно. 3. Танеев. 4. Тезис. 5. Курс. 6. Хлор. 9. Тредиаковский. 11. Велосипед. 13. Астрограф. 14. Концерт. 15. Актиний. 17. Гемма. 19. Веста. 24. «Отелло». 25. Инна-би. 27. Морж. 28. Анфас. 29. Шмага. 30. Лупа.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Младший научный сотрудник лаборатории квантовой электроники Института электроники АН БССР Геннадий Ивлев у лазерной установки.

Фото В. ВИТЧЕНКО, А. СЕНЦОВА (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Монголия. Пустыня Гоби. На полях Булганского сомона поспели арбузы. «Вкусные!» — заключение «эксперта» — школьницы Л. Эрдэнэзаял * «Корабли» пустыни * Монгольские и советские туристы на высокогорной базе отдыха.

Фото Г. КОПОСОВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото—212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 1.11.85. Подписано к печати 20.11.85. А 00425. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 480 000 экз. Изд. № 2966. Заказ № 1636.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

В селе Лидзава, что расположено недалеко от Пицунды, есть один удивительный дом. О нем знают, пожалуй, по всей Абхазии. Частые гости здесь и многие отдыхающие на черноморских курортах. Найти этот дом совсем нетрудно. И не только потому, что каждый житель села с готовностью покажет дорогу к нему. Издалека бросается в глаза необычный его фасад: винтовая лестница круто уходит вверх, к площадке, похожей на капитанский мостик, где ребятня, крепко сжимая штурвал, определяет по морскому компасу стороны света.

На калитке дома висит табличка: Дом-музей Хецуриани. И все. Сюда можно прийти в любое время, и Георгий Ясонович отрывается от повседневных дел и встречает посетителей. Он создатель многих экспонатов этого необычного музея, одновременно и гид, и директор.

Подобного музея я еще нигде не видел. Здесь собраны вещи как давно ушедших времен, так и сегодняшние предметы нашего быта, часто выбрасываемые за ненадобностью. Но ведь то, что сегодня кажется обычной вещью, через несколько лет днем с огнем не сыщешь. Порой мы дивимся параду старинных машин, а ведь совсем, кажется, недавно те же полуторки мозолили нам глаза. Так и здесь, в музее, стоит телевизор «КВН» с малюсеньким экранчиком, с увеличительным стеклом, перед которым в пятидесятые годы собирались соседи со всего подъезда. Надо же сохранять где-то такие вещи! Они не только наши воспоминания, но и наши связи с прошлым.

Начало этому музею, как ни странно, положил когда-то разговор старцев села на тему морально-этическую. Возмущались деды, что молодежь нынче мало интересуется историей родного края, его обычаями. «Подавай им джинсы с заклепками да рубахи с иностранными надписями,— ворчали старики.— А покажи им любую старинную вещь и спроси, для чего она служит,— не знают».

Вот и решил тогда Георгий Ясонович разыскать по дворам да по сусекам орудия труда, давно канувшие в Лету. Тут же появились помощники. Кто-то что-то находил и обязательно нес теперь в дом Хецуриани. Он как эксперт определяет достоинства предмета, возраст, его службу в прошлом. А дети! Для них это стало вроде игры или соревнования: кто найдет наиболее интересное.

Но все же многие экспонаты сделаны руками самого Георгия Ясоновича. Это чучела зверей и птиц, макеты жилищ народностей Абхазии и многое другое. Золотые руки у Хецуриани. Он мастер по дереву, он же шлифует и режет камень. В небольшом уютном дворике Георгий Ясонович возвел мемориал в честь 40-летия Победы над фашистской Германией.

...Есть необычный дом в селе Лидзава. Будете в Пицунде или в Гаграх, зайдите в этот дом, не пожалеете.

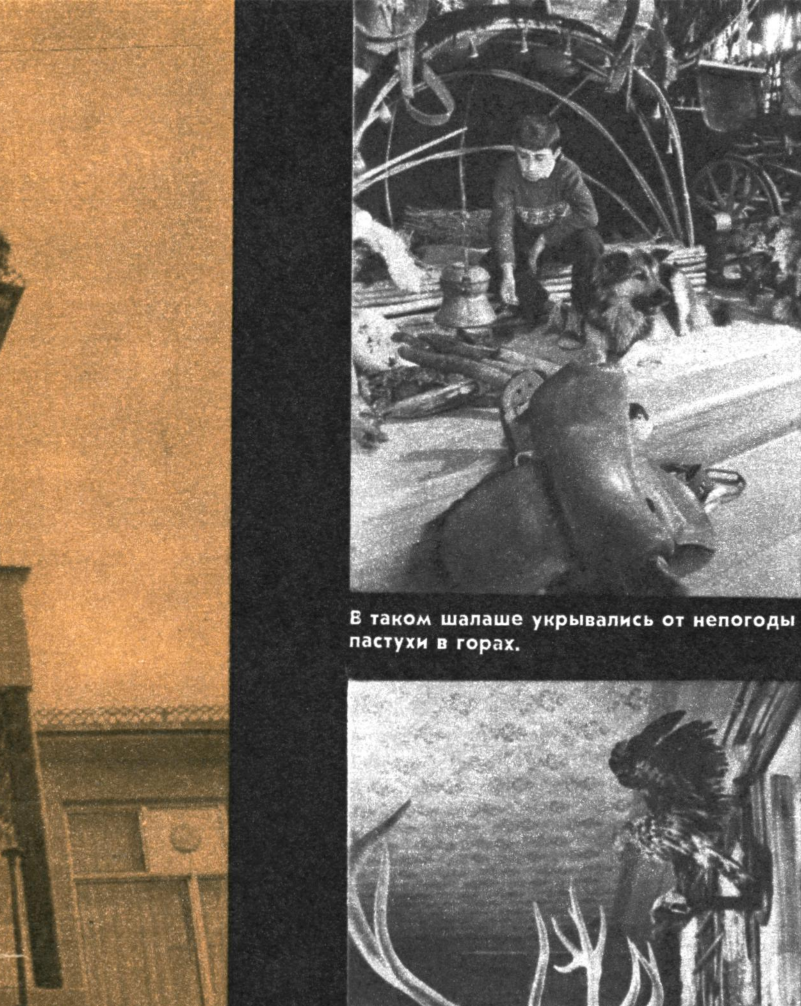
В. ДУНАЕВ

Школьники Лидзавы — частые гости музея.

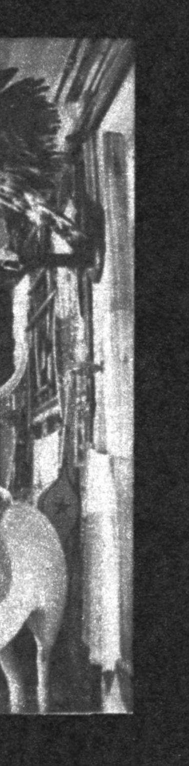

Макеты древних жилищ.

О ПРОШЛОМ ПАМЯ

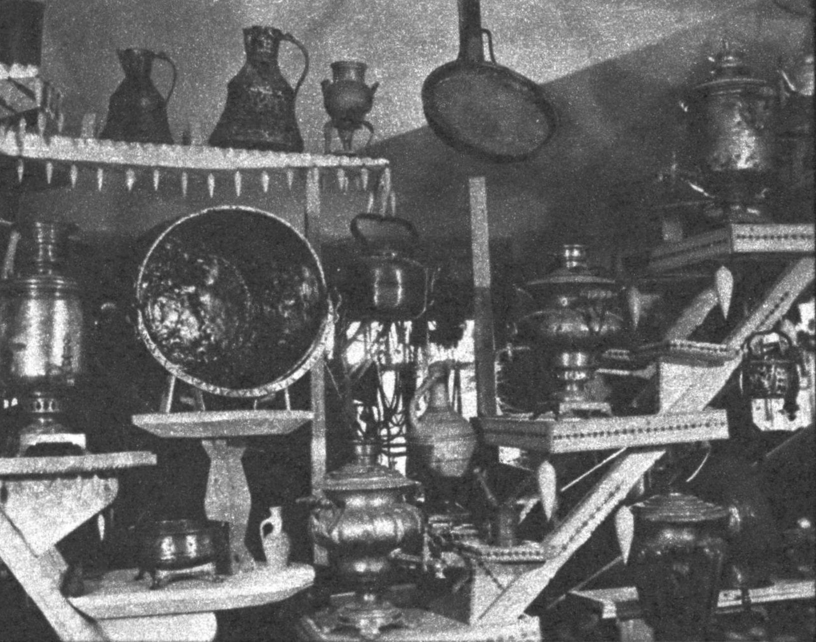
В таком шалаше укрывались от непогоды пастухи в горах.

Уголок фауны Абхазии.

Георгий Ясонович Хецуриани.

Эта посуда помнит очень давние времена.

Посетители знакомятся с экспонатами музея.

ТЬ СОХРАНИ...

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

